



## "Из жизни непроданных"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы  
в онлайн-библиотеке  
[mir-knigi.org](http://mir-knigi.org)



Ирина Волчок

Из жизни непроданных

Глава 1

- Да что ж это такое?! Что ты выдумываешь?! - Лана в негодовании развернулась от плиты. С ложки на пол плюхнулась клякса жидкой каши.

- Ни-че-го, - раздельно произнес Олег. Впечатал в стол стакан с остатками сока и, так же впечатывая подошвы в пол, ушел из кухни. Хлопнула входная дверь.

Расстроенная и растерянная, Лана присела на краешек кухонного дивана, так и держа в руке ложку, и всерьез задумалась: с чего бы это Олег нынче так суров? Все это продолжение с утра пораньше вчерашней сцены ревности выглядело по крайней мере нелепо. Олег никогда ее не ревновал. Некоторым женщинам нравится, когда их ревнуют. Ревнует - значит, любит. Лана точно знала, что муж ее любит, и без таких экзотических доказательств, как ревность, вполне обошлась бы. Главное - с какой стати?! Ну, вьется вокруг нее этот мальчишка, ну, смотрит преданными собачьими глазами... На взгляд Ланы, поведение мальчишки ничем особо не отличалось от поведения всех стажеров, которые приходили в газету. С новыми сотрудниками работала именно Лана, можно сказать - курировала молодежь, так что в элементах их бескорыстного подхалимажа не было ничего удивительного. Сто раз так было. И еще сто раз так будет. И ни разу Олег даже внимания не обращал на то, кто там вокруг нее вьется и как там на нее смотрят. А в этот раз не просто обратил внимание, так еще и выразил свое недовольство. В ответ на его недовольство она выразила свое. Наверное, это было неправильно. Вчера он замолчал и промолчал весь вечер. Лана значения этому не придавала. Думала, сном глупости уйдут, утро вечера мудренее. А он с утра пораньше - по второму кругу: зачем смотрела, да почему поощряла, да почему не поставила на место... Главное - абсолютно на пустом месте! Обидно. Совершенно непонятно, почему некоторым женщинам нравится, когда их ревнуют...

А забытая на огне каша тем временем попыхтела-попыхтела да и подгорела. Лана наконец

учуяла запах гари, кинулась к плите, выключила огонь, помешала... глянула на часы - и сердито проворчала, доставая кукурузные хлопья и молоко:

- Олег, это все из-за тебя. Мальчишки должны сказать тебе спасибо...

Каша по утрам, особенно овсяная, была пунктиком Ланы. Она считала, что ничего полезнее овсяной каши не может быть. Сыновья, честно говоря, с этим не были согласны. Особенно младший, пятилетний Тимка.

Лана отправилась будить детей, на ходу по привычке бормоча себе под нос:

- Ну как можно так расстраивать человека перед работой!...

Перед комнатой мальчиков она остановилась, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула и, вроде бы обретя душевное равновесие, осторожно открыла дверь.

Не раздвигая плотных клетчатых штор, которые так надежно охраняли уют от ноябрьского хмурого утра, Лана включила настольную лампу. С верхнего яруса кровати слышались возня и басовитое ворчание, из подушки нижнего вынырнула белобрысая взлохмаченная голова, огляделась бессмысленными синими глазами и опять нырнула в подушку.

- Вставайте-вставайте, сони! - бодрым голосом ска

зала Лана.

Голова Тимки снова вынырнула из подушки.

- Мам! Я в сад не пойду! - тревожным шепотом сказал он.

- Это почему же? - Лана села на край кровати, выгребла Тимку из-под одеяла, прижала к себе, теплого, душистого и уютного.

- А чего эта Беляева на меня смотрит! - проворчал Тимка, удобнее устраиваясь на коленях у матери. - Она так смотрит, что я чаем поперхиваюсь...

- Это кто там с утра канючит? - раздался сверху презрительный ломкий басок, и еще одна белая голова, только побольше, нависла над ними. - Кто хвалился, что супермен? Супермены на девчачьи взгляды плевать хотели... - Четырнадцатилетний Платон спрыгнул с верхнего яруса и дернул младшего за хохолок на макушке. - Let's take the cold shower!

Тимка беспомощно покосился на Лану:

- Чего он, мам?

- Водичкой холодной обольемся, говорю! Давай заползай! - Платон присел на край кровати и подставил брату спину.

- Ма! Не хочу-у, - заныл Тимка, но Платон (в обиходе Тошка, Платоша и так далее, в соответствии с моментом) уже подхватил его под попку и взгромоздил к себе на закорки. - О! Sorry! Hi, ma!

- Доброе утро, - ответила Лана и потрепала его жесткие волосы. - Сходил бы ты с братом постричься.

- Угу, - кивнул Платоша и через плечо глянул на братишку, с самого утра недовольного жизнью. - Все, начинай дрожать. Поехали!

Через минуту донесся шум льющейся воды, Тимкин визг и Тошкино уханье: братья принимали холодный душ.

В детском саду, как всегда по утрам, слышны были рев и крики: «Мамочка, не уходи!» - это из младших групп. В Тимкиной средней группе переодевались сопя и хмурясь, но уже не ревели. Пока Тимка облачался в шорты и сандалии, хорошенькая как кукла Аллочка Беляева выскочила из игровой и молча уставилась на него черными глазищами. Тимка торопливо натягивал шорты и гневно сопел, косясь на девчонку. Надо вмешаться...

- Аллочка, что же ты со мной не здороваешься? Доброе утро, - сказала Лана.

- Доброе утро, - пробормотала та и быстро ретировалась обратно в игровую.

- Все равно смотреть будет, - обреченно буркнул Тимка и горестно вздохнул.

- Тим, - Лана невольно тоже вздохнула и села на длинную скамейку рядом с сынишкой. - Она просто хочет с тобой подружиться, а как - не знает. Ты сам к ней подойди, какую-нибудь игру ей предложи. Вот увидишь, все сразу наладится! Мальчишки всегда должны первыми к девочкам подходить.

Тимка помолчал, повозил ногами по полу, хмуро спросил:

- А если я с ней дружить не хочу?

- Точно - не хочешь? Гм... Тогда терпи ее взгляды без нытья, что поделать. Но ты все же подумай: может, не так уж ты с ней не хочешь дружить? Подумай-подумай. - Лана поцеловала сына в макушку и поднялась со скамейки. - Мне пора. Иди к ребятам. Тошка тебя заберет в пять.

Тимка молча кивнул и неохотно побрел в комнату.

У сына проблема! А что делать в таких случаях, она не знала. Стыд и позор. По дороге в редакцию она еще немного поломала голову над тем, как быть с Тимкой, а потом незаметно стала думать о своей утренней стычке с мужем. Конечно, это была не первая ссора, за пятнадцать-то лет жизни! Но чтобы из ревности, да еще к кому... Разумеется, она внимательно отнеслась к этому Сереже. Она всегда очень внимательно относилась к практикантам. А этот - совсем мальчишка, чуть старше Платона. Вырос в интернате. Кто же не знает, какие перспективы обычно у детей, выросших в интернате? А он сам в университет поступил. Значит, и характер, и способности есть. И попал с корабля на бал: утром вышел на работу - а вечером банкет.

Она вообще не замечала, что этот мальчик оказывает ей особое внимание. Вчера не замечала. А сегодня вдруг подумала, что весь вечер он ел ее глазами, как... Беляева - Тимку! Смешно. Но она-то в чем виновата? В том, что пару раз потанцевала с ним? Она со всеми танцевала - и с Костиком, и с Сашкой, и с дядей Борей... А потом все вдруг заметили, что Олег молчит, над шутками не смеется и вообще... закаменел. Таким от него холодом повеяло, что все сразу протрезвели - и по домам, по домам...

От этих мыслей Лана так расстроилась, что чуть не проехала остановку возле старого,

солидного дома, где они арендовали половину третьего этажа под редакцию. Как всегда торопливо взбегаая по ступенькам, она вдруг резко притормозила у большого зеркала между этажами: из его глубины на нее смотрело такое юное, длинноногое, белобрысо-стриженое, глазастое... Практикант ее просто за свою ровесницу принял, - вдруг догадалась Лана. И насмешливо подмигнула своему отражению: вот бедняга, как потом, наверное, переживал! Когда узнал, сколько ей лет и сколько у нее детей. И сколько лет старшему... В том, что Олег сердится, нет ничего хорошего, конечно... Но в том, что его жена так выглядит, нет ничего плохого.

Олег оценивающим взглядом обвел своих коллег, полукругом сидящих у его стола. Не выпались, конечно, после вчерашнего. Ну, ничего, взбодрятся. Повод для праздника был, на его взгляд, серьезный: четыре года «Объектив» продержался, не сдав позиций газеты непредвзятой и непродажной. Это в наши-то дни!

- Ну что ж, начнем. Как идет новый номер, Борис Викторович? - обратился он к своему пожилому заместителю.

- Вроде в графике идем, - осторожно ответил тот. - Тринадцать полос сверстаны, третья и пятая ждут досылов, на первую делаем коллаж к Таниной статье о сносе исторического памятника.

- Только у меня проблема! - подскочила с дивана кругленькая и упругая, как мяч, Татьяна Мальцева. - Мэр комментарий давать ни в какую не хочет! Ускользает и ускользает... А весь город гудит, что у него в этом сносе на Котельной большие личные интересы.

- Твоей статье его отказ не повредит. Назови ее «Молчание»...

- «Молчание - золото!» - уловила мысль Олега Таня.

- «И»! - подал голос Саша, отрываясь от перешептываний с симпатичной соседкой.

- Что «и»?

- «И золото»...

Таня пошевелила губами, словно пробуя, какой заголовок вкуснее:

- Нет, без «и» точнее.

- Саша, твой материал продвигается? За тобой двести строк, - напомнил Борис Викторович.

- А я, кажется, опять на сериал иду, - ответил, вставая, Саша. Полностью его звали Александр Матросов - не больше и не меньше, - и читатели старшего поколения думали, что это псевдоним: каждая статья была броском на амбразуру.

- Но первую серию ты сдашь сегодня, - слегка нервно то ли попросил, то ли приказал Борис Викторович.

- А кто закрывает дыру на пятой? - спросил Олег, бегло просматривая верстку.

- Я... - тихо произнесли сбоку. Олег покосился в ту сторону: практикант.

- О чем пишете?

Олег сам заметил, как голос его заметно похолодел. Он не понимал, почему именно этот мальчик вызвал у него такую ревность. Но почему-то вызвал. И со своей неприязнью Олег еще не справился.

- Для вас, Сережа, я Светлана Платоновна, - неожиданно подала голос Лана.

Олег бросил на нее странный взгляд. Ага, не ожидал от нее такой строгости. Остальные тоже посмотрели с некоторым удивлением: все привыкли, что Лана - это Лана, а не какая-то Светлана Платоновна. На миг Лана почувствовала себя как-то неудобно, но заметила, что глаза Олега слегка оттаяли. Хорошо.

- Так что вам Светлана Платоновна посоветовала?

- Ну, это... Покритиковать новый памятник, - понутив голову, прошептал практикант.

- Это на привокзальной площади? А не боитесь, что губернатор обидится?

- Да? Нельзя? - совсем смешался тот.

- Гм... Пишите, посмотрим, что получится. Борис Викторович, у вас будет чем заменить, если что не так? Ну, все на сегодня. По местам - и чтобы никакого пива в редакции!

- Да знаем, знаем, не будем, - вразнобой загомонили сотрудники, толпой выходя из кабинета.

Олег проводил их взглядом и вздохнул. Он завидовал им: вот сейчас кто с «лейкой и блокнотом», то есть с их цифровыми потомками, рванет на задание, кто - атакует нужных людей по телефону, кто - сядет за компьютер. Как он все эти дела любит! А руководить - нет, не очень. Столько приходится дел улаживать, документов подписывать... Да и в суды то и дело вызывают...

Ну да ничего, он костыли ляжет, но его газета останется и дальше такой: непредвзятой, непродажной и - не падкой на дешевые сенсации. Его газета останется по-настоящему независимой... Но как можно в наше время быть не зависимым от финансов?

Вздохнув еще раз, Олег рассовал по карманам необходимые мелочи, проверил, на месте ли ключи от машины: пора было ехать на еженедельное совещание у губернатора. Ничего не поделаешь, он туда сам напросился. Его как хозяина и редактора независимого издания на эти планерки не приглашали. Но надо быть в курсе того, что происходит в верхах. Сколько острых тем он вынюхивал на этих планерках! И завидовал тем из своих ребят, кто брался их раскрывать.

Даже Ланке завидовал. Он, как никто другой, понимал ее нежелание «идти вверх по служебной лестнице». Он иногда подступался к ней с предложениями занять хотя бы должность редактора отдела, но она - когда смеялась, а когда и довольно резко - отвечала одно и то же:

- Самая высокая должность в журналистике - репортер!

Ее рубрики назывались «Кто виноват» и «Что делать». Она описывала две-три реальные истории людей, попавших в одинаковые ситуации, и рассказывала, как из такой ситуации можно выйти грамотно и с наименьшими потерями. Конечно, читатели ждали ее публикаций, звонили ей и писали письма.

То, что Ланка могла работать в свое удовольствие и ей никто не связывал крылья, было важно для Олега.

Было важно и то, что в его газете отсутствовали реклама и прочая ложь.

И все же... И все же вот уже пять лет, как его мучает вопрос: правильно ли он сделал, что принял Пашино предложение?

## Глава 2

Как все начиналось

- Опять ты мое задание не выполнил! Я тебе что сказал? Нужна рекламная статья, написанная так, словно и не рекламная. Ты же мастер слова! А ты что принес? Крамолу! На спонсора!!! - распекал Олега редактор «Новостей России».

- Петр Гаврилович, как можно писать хвалебные статьи об учреждении, где сотрудникам больничные не оплачиваются?! Там на КЗОТ плюют! - возмущался Олег.

- Олег! Оле-ег! Охолони... Нельзя жить в доме из навоза и благоухать французским парфюмом, - говорил главный. - Чего ты хочешь? Прошлое разоблачили уже. А нынешний день пусть потомки разоблачают. Лицом к лицу лица не увидать... Ладно, иди.

Главный устало махал рукой и садился вычеркивать из Олегова материала «крамолу».

Дальше от спонсоров - больше правды. Олег тогда спасался командировками. Часто ездил. Однажды поехал в Сибирь. Есть такой штамп в журналистике: «Письмо позвало в дорогу». Вот Олега и позвало.

Автор письма, некий Семен Прокудин, писал о том, как он в начале девяностых взялся поднимать захудалую ферму, как трудно, потом и кровью, оживлял хозяйство, а через год ожившее хозяйство у него отобрал наглый «браток» - угрозами и чуть ли не пытками.

В сибирской глубинке Олег еле отыскал малолюдную деревушку. Добирался до места трудно. Последний десяток километров ему повезло подъехать на попутном «козлике». Разговорчивый водитель рассказал, что едет к тетке Марине за самогонкой к свадьбе дочери. «Уж она такую знатную делает, на травах - и вкус что надо, и похмелья никакого». Он посадил Олега у осевшего домишки, где обитал Прокудин - худой, все время шмыгающий носом мужичок неопределенного возраста. Жил он один. Скотины не держал. А в письме писал о том, что очень любит домашних животных, что своих коров содержал «как деток родимых». Услышав, кто и зачем пожаловал на его подворье, Семен засуетился, как испуганная курица. Рассовывая по углам какой-то хлам с лавки и переставляя со стола на печурку грязные миски и стаканы, скорее удивленно, чем обрадованно, бормотал: «Вот уж не ждал, вот уж не ждал». Наконец уселся и замер, глядя на Олега сорокаградусными голубыми глазками.

Это длилось долго, и Олег понял, что надо брать инициативу в свои руки. Он сел на расшатанный табурет, достал письмо и показал его хозяину:

- Вы писали?

Прокудин снова засуетился, зашмыгал носом, зашмырял глазами.

- Ну, дык это... ну... Ну да, я...

- Содержание письма помните? Здесь все написано так, как было на самом деле?

- А как же, а как же... - забормотал Прокудин. - Да, так... эксприятор он... Слушай, корреспондент, ты это... у тебя, ну... Выпить с собой? - Последняя фраза была сказана более уверенным, даже наглым тоном.

- Нет, выпивки с собой не ношу.

Семен, казалось, безмерно удивился:

- А как же... это... как же говорить будем? У меня ни капли нету.

Олегу стало неловко и противно одновременно.

- Где у вас можно купить выпивку? - спросил он, вставая.

Хозяин немного помялся и предложил:

- Дык... это... Ты дай деньжонок, я сам достану.

- Нет, мне это лучше сделать самому, - сказал Олег, вспомнив про тетку Марину.

Прокудин разочарованно посопел, похлопал глазами, с подозрением глядя на Олега, потом махнул рукой:

- Ну чо ж, лады... Ты ж вернешься, а? Не смоешься? Ну, иди уж... Я ждать буду...

Двор тетки Марины, не в пример Семенову, был ухоженным, с палисадничком, с крашенными зеленой краской деревянными настилами. Изба тоже была добротная, большая, с резным навесом над крыльцом и резными же наличниками.

Олег постучал в дверь, услышал: «Чо барабанишь? Входи!» - и вошел в просторные сени, пропахшие бражкой и травами. Занавеска на двери откинулась, в проеме появилась большая краснолицая женщина лет сорока пяти в цветастом ситцевом платочке, повязанном низко на лоб, в пестрой юбке, в кофте толстой вязки и в шерстяных носках.

- О, да тут заезжие пожаловали! - без удивления сказала хозяйка, в широкой улыбке показывая белые крепкие зубы. - Ну, заходи, коль нужда во мне...

- Простите за вторжение, меня зовут Олег Дмитриевич. А вы, я знаю, Марина, а по батюшке?

- Карповна я. Да ты садись, Олег Дмитрич. - Марина Карповна уже доставала из печи горшок, выкладывала из него в расписную миску маленькие толстенькие пельмени. Поставив на стол миску, тарелки, вилки, рюмки, какие-то баночки, вынула из холодильника запотевшую бутылку с содержимым цвета бледного чая, поставила в центр стола. - Садись, Дмитрич, садись, сейчас мы с тобой за знакомство выпьем-закусим, а там и поговорим.

Олег покопался в своей сумке, вытащил начатую палку сырокопченой колбасы, пару апельсинов, плитку шоколада, баночку растворимого кофе, с поклоном положил все это перед хозяйкой:

- От нашего стола вашему столу.

- Это ты брось! Самому понадобится! - Марина Карповна широким жестом сгребла Олеговы припасы обратно в сумку. Но Олег, укоризненно покачав головой, опять достал апельсины, шоколад и кофе.

- Упрямый, - одобрительно сказала хозяйка и поставила на плиту чайник.

Спиртное Олег пил редко и в малых дозах, по необходимости - компанию поддержать или еще какая оказия. Тяги к алкоголю не испытывал. А здесь под необыкновенно вкусные пельмени опрокинул три рюмки фирменной настойки, которая и вправду пила лучше любого коньяка. Марина, не забывая потчевать, расспрашивала гостя:

- Я слыхала, ты из самой Москвы? Корреспондент, говорят... К Семену, чо ль?

Олег только кивал, бросая в рот пельмень за пельменем, политые необыкновенными самодельными соусами, которые оказались в тех самых баночках.

- Ну, а теперь и кофейку можно. Тебе сколь ложек класть?

- Две, Марина Карповна. И без сахара.

- Я тоже такой пью. - Она залила гранулы кипятком и с наслаждением вдохнула пар. - Вот дух-то райский!... А тебе, надо думать, курить пора? Да ладно, тут дыми, не махру, чай, смолишь...

- Спасибо, Марина Карповна. - Олег с удовольствием закурил. - А вы только растворимый кофе любите или и натуральный пьете?

- Да любой, лишь бы свежий! Только у нас залеживается кофеек в лавке, мало любителей-то...

- Я вам обязательно пришлю настоящей арабики, как только в Москву вернусь.

- Ну вот еще! И не думай, - смутилась Марина Карповна. - Расход какой... За что ж мне подарки такие-то? Или тебе надо чего? Зачем-то ведь приехал?

- Ладно-ладно, успокойтесь, - засмеялся Олег. - А что касается цели моего приезда, вы правильно догадались, я из-за Прокудина здесь. Он нам жалобу прислал, будто бы у него ферму силой отобрали.

- Чо? Во врет - и не краснеет! Да он ту ферму пропил за полгода! Тот парень незнамо за чо и деньги-то заплатил... Ты его, Сеньку, не больно слушай, халявщик он, так и знай. Видала я, к нему тут на иностранных машинах-то ездили... А после денежки объявились, он ко мне зашастал за первачком... Я ведь не дрянь всяку гоню, а настойки делаю на травах, можно сказать, целебные. Мне секреты от бабки моей перешли. Да толь у нас в деревне мужиков питающих шибко много развелось, чо я на них добро переводить буду? Я им самогонку продаю. Осуждашь? - вдруг остро глянула она на Олега.

Олег смутился. Наверное, должен осуждать - но почему-то не только не осуждает, а... нравится ему у Марины Карповны, симпатичный она человек.

- Ну, понятно, - улыбнулась она, хотя Олег ни слова не сказал. - Я сейчас, погоди маленько...

Куда-то вышла, через пару минут вернулась с бутылками в руках: в одной - пластиковая, из-под какой-то газировки, в другой - красивая, темного стекла.

- Вот эту Сеньке снесешь, - протянула она пластиковую бутылку с мутноватой бесцветной жидкостью. - А это тебе, в Москву свежи да друзей хороших от меня попотчуй. Да не доставай ты деньги! Это угощение.

Олег оставил Марине Карповне свой адрес и телефон, пригласил приезжать в гости, с сожалением распрощался и наконец пошел к дому Семена. Тот ждал его у калитки, уцепившись за перекошенные досочки не слишком чистыми руками, нервно облизываясь и помаргивая слезящимися глазками.

Олег вручил ему бутылку и спросил, как добраться до фермы.

- Дык а... говорить будем? - Прокудин показал глазами на бутылку, которую бережно и нежно прижимал к груди.

- Да что говорить... Вы обо всем написали. Теперь послушаю другую сторону.

- А-а!... Дык поздно уже ехать. Ты переночуй у меня, а утром туда за молоком машина поедет.

Олег представил себе, как будет спать в вонючей избенке, и пожалел, что не напросился на ночлег к Марине Карповне.

- Где у вас местная администрация... то есть контора или правление?

- Дык прямо иди, в конце улицы контора будет. Только там один сторож щас... Может, проводить? Я могу, что ж...

- Нет уж, я лучше сам, - не очень вежливо отказался Олег, торопливо попрощался, повернулся и зашагал прочь.

Кое-как продремав на лавке в предбаннике конторы, куда пустил его сторож, Олег ранним утром на молоковозе подъехал к ферме.

Раньше ему не приходилось писать о сельском хозяйстве. И на фермах бывать тоже не приходилось. Горожанину в нескольких поколениях вид раскисших весенних дорог, коров, месящих грязь в стойлах, запахи навоза и силоса показались малопривлекательными. На территории фермы, состоящей из нескольких убогих, на взгляд Олега, строений, возились одетые в резиновые сапоги и телогрейки мужики. Он спросил одного из них, как ему найти Павла Стечкина, и тот зычно крикнул: «Паша! По твою душу!» Из ближайшего строения появился огромный парень в поношенном камуфляжном костюме, с вилами в руках.

- Ну? Чо надо? - недовольным тоном человека, которого отвлекают от важного дела, пробасил он.

Олег шагнул к нему, представился, протягивая руку:

- Корреспондент «Новостей России» Олег Камнев. По вашу душу, как вас уже информировали.

Парень тщательно обтер свою лапищу о штаны, сжал ладонь Олега и энергично тряхнул. Олег едва сдержался, чтобы не охнуть, - силища у парня была необыкновенная.

- Из самой Москвы, чо ли? - широко, белозубо улыбнулся «эксприятор», как называл его Прокудин.

- Жалуются на вас, приехал за правдой, - невольно улыбнулся в ответ Олег.

- Еще и в столицу затеялся жаловаться, тля зеленая! - беззлобно ругнулся Павел. - Слышь, москвич, ты походи тут, погляди, как мы живем, а мне телятам насыпать надо. Управлюсь - найду тебя, обустрою с дороги.

Олег выбрался со двора фермы, и его повела утоптанная тропинка. Земля одевалась первой весенней зеленью, и он с наслаждением вдыхал ее запах. Тропинка взобралась на пригорок - и внизу Олегу открылось большое круглое озеро. Полуденное солнце искрилось на воде, вытапливало последние островки льда. Олег присел на большой, выглаженный, наверное, многолетними посиделками валун...

Здесь и отыскал его через некоторое время Павел.

- Чо, москвич, нравится у нас? - Павел хозяйским жестом с гордостью раскинул руки. - Красота! Воздух пить можно... Я, когда это озеро увидел, сразу сказал: здесь жить будем! Ну чо, пидэмо куштуваты?

Олег с интересом поглядел на него:

- Ты кто? То «чокаешь», как сибиряк, то «хекаешь», как украинец, да еще и словечки украинские...

Павел хохотнул и произнес какую-то гортанную фразу.

- А это на каком? - спросил Олег.

- Это на афгани. Вернее, не на афгани, а так... - Павел смущенно хмыкнул и объяснил: - У меня врожденная способность к подражанию. Как у скворца или... попугая. Где живу, там и нахватываюсь - и словечек, и акцентов. Это абсолютным музыкальным слухом называется. А вообще я русский, просто вырос на Украине, в Николаеве, - знаешь такой город? Мой батька долго там служил. Он военный летчик у меня.

- Мой тоже летчиком был. Испытателем.

Они посмотрели друг на друга с откровенной симпатией.

На выдавшем виды «козлике», близнеце того, на котором Олега подвез к Прокудину словоохотливый шофер, приехали в село, прошли в бревенчатый дом, добротный, но далеко не новый.

- Хозяйка моя на ферме, так что кормить я тебя сам буду, - сказал Павел, выставляя из холодильника тарелки с нарезанным розовым салом и деревенской колбасой. Задумчиво постоял и решительно захлопнул дверцу старенького «Минска».

- Ты извини, москвич, выпивать вечером будем, лады? У меня еще дела на ферме. А пока давай, чем богаты...

Павел, достав из печи чугунок, стал разливать по глубоким тарелкам щи. У Олега, ранним утром выпившего одинокую чашку холодной водицы - кофе-то он Марине Карповне подарил! - аж голова закружилась.

- Ух как пахнет! А я только вчера впервые увидел русскую печь. И еду из нее впервые

попробовал.

Павел взглянул на него с добродушной иронией:

- Темнота столичная! Да уж, в ваших ресторанах такого никогда не приготовят. А тут Аленка еще и картошечки натомила - с салцем, с лучком... Ты погоди, она вечером еще шанежек напечет - тогда скажешь. Что медлишь? Давай, садись.

- Павел, а где твое «чо»?

Так я с москвичом г'ва-арю, - подчеркивая твердое «г» и растягивая «а», объяснил Павел. - Абсолютный слух, что поделаешь...

Во время обеда они почти не говорили, потом так же молча одновременно закурили, и Павел, пристально глянув на Олега, сказал:

- Спрашивай.

Олег нашел в сумке Прокудинское письмо и молча протянул его Павлу. Тот прочитал, с досадой помотал русоволосой головой.

- Зачекай хвылечку... - вернул письмо Олегу и скрылся за плотными пестрыми шторами, отделяющими кухню от «залы». Через минуту вернулся, сел, развязал тесемки потрепанной папки с надписью «Дело №».

- Тут, москвич, не все так просто. Вот смотри, ферму эту я выкупил, правда, не за большие деньги, но по всем законам. И то, что я купил, слова доброго не стоило. При Советах нормальное хозяйство было, небольшое, но отлаженное. Но потом быстро пришло в упадок, запустело: народ кто в челноки подался, кого за счастьем в город потянуло, кто спился совсем. Тогда-то Прокудин ферму и приватизировал. Как уж это ему удалось - не знаю, не вникал. Только повел он дело, на мой взгляд, странно: коров перерезал и мясо продал, а тех, кто под нож не сгодился, - голодом уморил. Такой вот фермер... В общем, к тому времени, как мы с женой приехали, Прокудин был гол как сокол. А нам место сильно приглянулось, я говорил уже. Я, как отвоевал в Афгане, к родителям вернулся, они тогда уже в Подмосковье жили. Тут меня с Аленушкой судьба свела. И вот женился я, а работы путной не найду никак. Пробовал и охранником, и телохранителем - не могу, в лом... А больше - ну ничего, хоть наизнанку вывернись! Аленка и говорит: поехали на мою родину. Я потосковал-потосковал да и согласился. Так что ферму эту я законно приобрел, и врет Прокудин про угрозы, он мне ее с радостью отдал, еще и «спасибо» говорил.

Олег слушал, просматривая бумаги.

- Вот тля зеленая! - вспомнил свое любимое ругательство Павел. - Ведь только на ноги вставать начали, кредиты возвращать! Народ поверил, потянулся работать на ферму. А тут эти дела пошли! Ты думаешь, это Прокудину надо? Нет, москвич, тут люди покруче интерес имеют... А Прокудин что - он теперь за поллитру на все готов. Мне его, дурака, даже иногда жалко, скоро человеческий образ совсем потеряет. А надо это олигарху одному, ему места здешние приглянулись - и лес, и озеро, рыбалка отличная. Он ко мне подъезжал: отдай, мол, землю под усадьбу... А мне самому здесь по душе. Понятное дело, не согласился... Он здесь виллу отгрохает, пляжи с лодочными станциями заведет, заборов понаставит, а люди к нему в услужение пойдут? А они, мужики здешние, даже пить стали меньше, а бабы рады как! Думает, если олигарх - так все может? Работу мою угробить? Жизнь мою всю переломать?...

Павел разволновался, заходил широким шагом по кухне, натываясь на стулья и табуретки. Олег сидел, уставившись на крохотную дырочку в клеенке и куря сигарету за сигаретой. Он чувствовал, что предстоит очень нелегкая борьба. Он уже твердо знал, что обязательно будет бороться на стороне этого парня. Только бы Ланка его поняла и поддержала, только бы она не испугалась... Ей ведь рожать скоро.

А дальше был очень тяжелый год. После первой статьи Олега подожгли ферму Павла, только половина стада уцелела. После второй статьи Олег получил пулю в легкое, чудом выжил. После третьей статьи Павлу устроили автомобильную аварию. И опять только чудом можно объяснить то, что Павел остался жив. А потом - то ли олигарх нашел себе землю получше, то ли понял, на чьей стороне Бог, то ли все-таки восторжествовала законность - Стечкина оставили в покое и даже выплатили моральный и материальный ущерб. Павел тогда приехал в Москву, повел Камневых в ресторан.

- Москвич, - сказал он тогда, - не знаю, как ты на это посмотришь, но я считаю, что у нас с Аленкой родни прибавилось. Кровной! И долг за мной огромный. Дай только на ноги как следует встать...

Спустя несколько лет у Стечкина уже было два мясомолочных комбината.

У Олега же дела шли не так хорошо. Вернее, если посмотреть со стороны, то вроде бы грех жаловаться. Он был заместителем главного редактора «Новостей России» - одной из крупнейших газет страны. Однако Олега это мало радовало. «Самая высокая должность в журналистике - репортер», - это его слова Ланка теперь повторяет.

И вот лет пять тому назад вызвал Петр Гаврилович Олега и сказал:

- Ухожу на пенсию. Устал. Думаю, тебя поставят на мое место.

На другой день Олега вызвали «наверх» и предложили возглавить «Новости России». Олег попросил время на раздумья. «Наверху» очень удивились, но подумать разрешили.

В редакции главный ждал его в коридоре, сразу повел к себе в кабинет, спросил с легкой ноткой ревности:

- Ну что, тебе дела сдавать?

- Погодите, Петр Гаврилович, я еще не решил...

- Это как - не решил? - возмутился редактор. - Я на кого газету оставлю? Это нечестно! Ты уже давно вместо меня работаешь, я только как свадебный генерал... Да ты что?!

- Погодите, Петр Гаврилович! Я вам честно скажу: не хочу я быть руководителем. Мне совсем не нравится в ножках у спонсоров валяться и рекламодателей обольщать. Это так далеко от журналистики...

Редактор, багровый от гнева, открыл рот, готовясь громко выразить свое мнение, как он это умел - ох, и умел же! - но в это время заговорила по селектору секретарша:

- Прошу прощения, Петр Гаврилович, Олегу Дмитриевичу звонят. Важный человек...

В голосе секретарши слышался почтительный трепет. Редактор трудно сглотнул, словно

подавившись гневной тирадой, махнул рукой:

- Иди, беседуй со своим важным человеком. Потом договорим.

Олег снял трубку в своем кабинете.

- Слушаю вас.

- Привет, москвич! - пробасил знакомый голос.

- Пашка! Ты откуда звонишь?

- Да в машине сижу возле вашей редакции! Спуститься можешь?

...За два года до этого они всей семьей провели отпуск в доме Павла. Этот месяц оставил неизгладимые впечатления в сердце Платоши, которому тогда было шесть лет. Павла он с тех пор обожал и без конца рассказывал всем знакомым, как они тогда с дядей Пашей, папой и Колькой, дяди-Пашиным старшим сыном, ходили рыбачить на утренней зорьке. А потом уху на костре варили - из рыбы, которую сами поймали, и уху сами варили, на костре! Как грибы и ягоды в лесу собирали, а тетя Алена потом пироги с ними пекла, шаньги называются, - объедение... А еще у дяди Паши есть Аришка - хоть и малявка, но ничего девчонка, не вредная...

С тех пор Олег с Павлом не встречались, только перезванивались, и в конце каждого разговора Павел загадочно говорил: «Скоро приеду. Не просто так».

Ну вот, приехал-таки.

Олег схватил сумку, заскочил к главному редактору:

- Мне надо срочно уехать до конца дня!

И не слушая, что кричит Петр Гаврилович, выскочил из кабинета, побежал вниз по лестнице, не дождавшись неторопливо ползущего лифта.

Павел ждал его, прислонясь к капоту внедорожника, словно созданного для его мощной фигуры. Потертые джинсы, простенькая футболка - кто скажет, что это мясной магнат?

- Что-то ты бледный, москвич, - вместо приветствия сказал он, пожимая в своей медвежьей манере руку Олега. - Что, замучился писать?

- Да если бы писать, Паша! - тоже забыв о приветствии, пожаловался Олег. - Руководить замучился. А тут еще главным хотят сделать...

- Вот тля зеленая! - растерянно сказал Павел. - Тебе что, правда так в лом боссом быть?

- В лом! Не просто в лом, а... Паш, какой из главного может быть журналист? Главный деньги должен добывать. А я со спонсорами дружить не умею. Я с ними всю жизнь на ножах... Да что я тебе говорю, сам все знаешь.

Павел постоял, что-то соображая, потом, видимо, приняв какое-то важное решение, сказал:

- Ладно. Садись в машину. Поехали в кабак, там поговорим.

Олег в машину сел, но предложил свой вариант:

- И с какого перепугу я с тобой в кабак поеду, когда меня дома беременная жена и сын ждут? Поехали в Жуковское, а то Ланка обидится.

- А-а, так вы тоже прибавления ждете? Молодцы! Только нас с Аленой вам не догнать: у нас четвертый на подходе!

- Четырежды молодцы! Аленка по-прежнему бухгалтерией занимается?

- А то! Кому я еще финансы доверю считать? Только Аленке моей. Ты посиди, я тут ненадолго...

- Павел свернул за угол, остановил машину и убежал.

Вернулся минут через двадцать, увешанный пакетами, с огромным букетом роз.

- А теперь подсказывай, как ехать...

- Я, Олежка, про одну газету интересную от бабиной знакомой узнал... - устроившись на балконе в плетеном кресле с дымящейся сигаретой, начал главный разговор Павел. - Ее группа журналистов, можно сказать, возродила из дореволюционной губернской газеты. И больше десяти лет держались, как могли, часто без зарплат и гонораров сидели, чтобы сохранить газету как независимое издание. А потом все-таки продали свой «Объектив». Новый хозяин поставил там главным редактором какое-то чудище болотное. А до него славная была газета. Да я привез - и под старой редакцией, и под новой, считаешь... Ну, так я к чему все это... Сейчас ее можно перекупить. И ты будешь хозяином своей газеты. Хоть ты и не любишь руководить... Об этом я мечтаю с того дня, как тебя по моей вине чуть не убили. Мне, можно сказать, высшие силы такое задание дали, а сами пообещали, что ты выживешь... Ну вот-от! Что не так? - видя, что Олег молчит, рассматривая кончик своей сигареты как нечто необычайно интересное, встревожился Павел. - Да знаю я, знаю, какой ты честный и щепетильный! Но и меня пойми: ты мне не только жизнь - ты мое честное имя спас! Это ничем оценить нельзя. По-честному, я тебе половину моих доходов отдавать должен. И я тебе предлагаю альтернативу: своя газета, такая, как ты хочешь. Ни под каких спонсоров ложиться не будешь... Ну чо? Согласен, чо ли?

Олег оторвал, наконец, взгляд от истлевшей до фильтра сигареты, загасил ее в пепельнице и посмотрел в плана друга. В них было тревожное ожидание.

Олег снова опустил голову:

- Паш, я так не могу...

- Не могу-у? А под пули за меня мог? А с редактором своим собачиться за каждую строчку в тех статьях - мог? От взяток нехилых отказываться тоже мог - легко мог! - Павел замолчал, сердито пытая «Житаном», на который, уступая своему новому статусу, променял любимую «Приму». - Ладно! Ладно. Ты очень щепетильный человек, и тебе не нравится брать деньги, пусть даже у меня... У меня, тля зеленая, денег он взять не может! - вдруг заорал он так, что на балкон испуганно выглянул Платон. Павел спохватился и виноватым тоном объяснил: - Ничего-ничего, Тошка, это я бате твоему анекдот рассказываю.

Платоша испытующе посмотрел на отца и, увидев, что тот улыбается, успокоился и пошел опять смотреть свои мультики. Зато на смену ему пришла Лана.

- Вы уже надымились или мне опять на кухню уходить?

- О! Ланочка! Ты очень вовремя! - Павел вскочил с кресла, галантно придвинул его Лане, развернув так, чтобы она оказалась к мужу спиной. - Понимаешь, Ланочка, я тут твоему мужу свой долг отдать хочу, а он... кочевряжится.

- Па-ша! Не смей напрягать мою женщину! Беременную, между прочим... - Олег сделал страшные глаза и за Ланкиной спиной показал другу кулак.

- Цыц, бумагомарака! Молчи, когда олигархи говорить с дамой хотят, - тоже притворился грозным барином Павел и, махнув на все еще грозящего кулаком Олега рукой, уставился в глаза Ланы гипнотическим взглядом: - Видишь ли, Лана, я купил газету... Молчи, щелкопер! - прикрикнул он на открывшего было рот Олега. - Так вот, я приобрел газету в губернском городе не так далеко от Москвы, и предложил твоему мужу владеть ею и властвовать над ней, как он того пожелает. Я-то буду далеко и, кстати сказать, ни тли зеленой в журналистике не понимаю. Молчи, папарацци! - снова прикрикнул он на мотавшего в досаде головой Олега. Лана оглянулась на мужа, он мотал головой уже ей - отрицательно. - Не смотри ты на этого... ух! Не смотри на него, душенька! Ты меня, меня слушай!

- Ты его слушай, конечно, но попутно думай, чего этот змий библейский тебя в оборот взял, - предупреждающим тоном сказал Олег.

- А чем вам, Олег Дмитриевич, змий библейский не угодил? - ехидно поинтересовался Павел. - Или нам безгрешной жизни хочется? Ах, как я ошибся! Окапывается, надо было монастырь покупать!... Ладно, шутки в сторону... - Павел опять сделал гипнотический взгляд. - В общем, Олег станет хозяином издания, которое не будет нуждаться в том, чтобы искать рекламу или спонсоров. Можно будет писать в этой газете что хочешь и как хочешь. Ну, что я плохого предлагаю?

Теперь Павел наивно тарачил глаза, жалобно поднимал брови и растерянно разводил руками.

- Предложение твое, Паша, просто царское, - задумчиво глядя на Стечкина, сказала Лана. - Только о каком долге ты говоришь? Олег тогда выполнял свою работу. Какие у тебя перед ним могут быть долги? Вот если бы ты и вправду отобрал у того бедняги ферму, а Олег написал бы, что ты белый и пушистый... Плату ведь именно за такие статьи берут. Но эта история не про вас. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. И поэтому спасибо тебе, Пашенька, огромное, но...

- Да вы главного не понимаете! - уже всерьез вспылал Павел. - Вы не понимаете, что это я хочу такую газету! Я в те времена понял силу прессы, и если эта сила - вся! - будет в продажных руках - что тогда? Вы это понимаете или нет?!

На балкон снова выглянул Платон, но тут же скрылся.

- Ты не очень-то... - сказал Олег. - Не все журналисты такие продажные.

- Да ладно тебе... Вы с Ланкой вообще какие-то... не от мира сего, - махнул рукой Павел. - Я вас каждый раз вспоминаю, когда ко мне корреспонденты на интервью просят. Я уже заранее знаю, что деньги придут выжучивать.

- Так ты решил от всех СМИ разом откупиться - приобрести Олегу газету? - насмешливо спросила Лана, обидевшись за всех коллег разом. - Ты что думаешь, это очень весело - искать спонсоров да рекламодателей, а потом розовые слюни лить про тех, кто соизволил заплатить?

Гласность, свобода слова - сказкой были, сказкой и останутся... Мы, Паш, всерьез с Олегом думаем: уедем в глушь, купим там домишко и будем жить натуральным хозяйством...

- Ох ты моя барышня-крестьянка! - засмеялся Па вел, обнимая ее за плечи. - Ты хоть раз живую курицу видела? Не замороженную, не в пакетике, а в перьях и чтоб кудахтала? Нет, ребята, вы в корне не правы и меня глубоко обижаете.

Он замолчал, задумался и привел последний, несокрушимый довод:

- Москвич! А ты представь себя на моем месте. Чо бы ты сделал?

Вот так Олег стал главным редактором и фактическим хозяином «Объектива». Фактическим, но не практическим, поскольку частично финансировал издание все-таки Павел. Иначе пришлось бы заводить в редакции рекламный отдел, et cetera, как для рифмы писал Александр Сергеевич Пушкин...

### Глава 3

Планерка в областной администрации закончилась, Олег вышел из здания и уже спускался по широким ступеням помпезного парадного подъезда, когда его окликнул знакомый голос:

- Камнев! Подожди!

Он оглянулся: его догонял сокурсник и бывший коллега Влад Петраков, на ходу застегивая модный черный плащ.

- Ничего себе! Ты как в нашей глуши очутился? - пожимая Владу руку, удивился Олег.

- Забыл? Я же родился здесь! Да и дела... А твою газету я читаю, читаю. Молоток!

- Неужели доходит и до столицы?

- А то ты не в курсе! Брось, знаешь ведь, что и там твоим «Объективом» очень даже интересуются.

Олег удивился. Он знал, что его «Объектив» был нарасхват у торгующих прессой в электричках. Но от их города до Москвы электрички не ходят.

- Эксклюзив на фоне прочей брехливой лабуды, - откровенно завистливым тоном продолжал говорить Влад. - Да и журналисты у тебя... классные у тебя ребята работают. Я прямо обзавидовался.

- Аналогично, - вздохнул Олег.

- Твоего пера, правда, не хватает.

- Да некогда самому писать, - с досадой признался Олег. - Ты же сам знаешь, сколько времени на всякие оргвопросы улетает... Ну, а как твои «Прогулки по бульвару», по-прежнему процветают?

- Да... На мое счастье, интерес к сплетням и скандалам не только держится, но и растет, -

грустно ответил Петраков.

Олег быстро глянул на него и отвел глаза. Влад уже больше десяти лет был главным редактором, а с некоторых пор и соучредителем одной из самых популярных желтых газет Москвы.

- А пойдем в кабачок да тряхнем стариной! - с наигранной бодростью хлопнул его по плечу Влад.

Олег глянул на часы: время терпит.

- Пойдем.

Лана в это время быстро набирала текст новой статьи для своей рубрики «Кто виноват».

«Недавно ко мне в редакцию пришла молодая женщина, - писала она. - Очень симпатичная будущая мамочка по имени Антонина. И вот что она мне рассказала.

Полтора года назад она окончила с красным дипломом финансово-экономический факультет нашего университета и с тех пор работает в одной известной в нашем городе строительной фирме. Всегда была на хорошем счету, ее даже в должности собирались повысить. Год назад Тоня вышла замуж, и теперь молодожены ждут первенца. Но с тех пор как работодатели узнали о ее интересном положении, молодую женщину стали всячески притеснять, подставлять и обвинять... Короче, будущую мамочку активно «уходят» из фирмы. Однако она человек волевой, увольняться не стала, а обратилась в трудовую комиссию и в газету «Объектив».

В свете правительственных решений об улучшении демографической обстановки в стране такие факты меня, мягко говоря, удивили. Но когда я обошла городские женские консультации, всюду расспрашивая сидящих в очередях на прием к врачу женщин, удивление сменил гнев. Я узнала много, даже слишком много историй о том, как поступают в частных фирмах с сотрудницами, собравшимися в декретный отпуск.

Вариантов, как «отвязаться», просматривается несколько. Первый - сотрудницу, как Антонину, начинают «ловить» на профессиональном несоответствии, нарушениях дисциплины и так изматывают всем этим нервы, что та уходит по собственному желанию. Второй - переделывают штатное расписание так, что должность будущей мамочки становится либо лишней, либо сильно заниженной по статусу и зарплате. Третий, самый мягкий и почти законный, - сотруднице предлагают работать на полставки, тем самым уменьшая ее будущие декретные выплаты.

На днях молодая пара пригласила меня в кафе - отпраздновать сомнительную победу: трудовая комиссия вынесла решение наложить на администрацию фирмы штраф.

- Сами понимаете, Светлана Платоновна, это не улучшило моих отношений с руководством. Но не дождутся! Я с работы все равно не уволюсь, пусть хоть сами отравятся своим ядом! Все законы на моей стороне.

- А ребенок как же? - волновался молодой муж, работающий в другой фирме системным администратором. - У тебя вон и давление скачет, и аппетит пропал... Тонь, да ну их, увольняйся и дома сиди. Тебе что, моей зарплаты не хватает?

Судя по тому, как вздохнула Антонина, разговор этот велся между ними далеко не впервые.

- Нет, Макс, если уволюсь, мне покоя не будет. Я сама себя есть начну. Пусть уж лучше они... Все равно еще месяц - и в декрет. А пока буду брать больничные. Им же хуже... А вы бы как поступили, Светлана Платоновна?

И тут я растерялась.

- Трудный вопрос... Пожалуй, самый трудный для современной женщины. С позиции неравнодушного гражданина правы, пожалуй, вы. А с позиции... семейной прав Максим: ваше здоровье и благополучие ребенка, конечно, важнее амбиций. Тоня, а вы сегодня перед сном задайте этот вопрос своему подсознанию. Утром проснетесь с готовым ответом, вот увидите.

Так ответила я ей и сама последовала своему же совету.

И как вы думаете, что ответило мое подсознание?»

До сих пор Лана писала все так, как было, и сейчас задумалась: открывать ли все, что вспоминалось ей в ту бессонную ночь, или это будет нескромно, слишком лично и совсем не интересно большинству читателей?

Казалось бы, ее не коснулись подобные проблемы. Платоша появился в семье Камневых, когда она перешла на третий курс университета. Дисциплинированно дал маме сдать летнюю сессию - всю до последнего экзамена, - и только тогда ночью попросился на свет. Она даже академического отпуска не брала: летние каникулы пробыла с малышом, а потом в их большую квартиру в Жуковском, оставшуюся Олегу от родителей, переехала Ланина мама, которая была художником-иллюстратором и могла работать дома. Но в ту ночь, когда Лана спросила себя, как бы она поступила на месте Антонины, ей вспомнились подробности того, как рос ее младенец Тошка. Обязательные две бутылочки со сцеженным молоком. Его рев и протянутые к ней ручки, когда она убегала на занятия. Как он рвался к ней и отталкивал бабушку, растерянно лепечущую что-то успокоительное... А потом не спал, пока не убаюкивал его на улице свежий воздух. А когда она, наконец, возвращалась с лекций, он снова плакал, словно жаловался ей на нее же...

А она - боже, как стыдно это вспоминать! - раздражалась:

- Ну чего ему не хватает? Чистый, сытый, обласканный...

И однажды мама, которая всегда была на ее стороне, на ее риторический вопрос ответила всего одним словом:

- Тебя.

Ух, как она тогда на маму обиделась!

- Что же мне, в клушу превратиться?! Я современная женщина, для меня работа по Призванию не менее важна, чем семья! - кричала она, и еще что-то в том же духе.

А мама молчала и смотрела на нее странным взглядом: вроде с укором, но и с пониманием. И еще - виновато! Да, именно виновато, поняла теперь Лана. Ведь ее в младенчестве тоже отдали няньке: а как же, мама тогда входила в мир своей профессии! Она тоже была современной женщиной...

И в детский сад Тошка пошел, когда ему еще трех лет не исполнилось...

Удивительно, что он не стал неврастеником. Чудо просто.

В ожидании Тимоши Лана до последнего дня работала, ее увезли в роддом от компьютера из редакции. Хорошо еще, что в это же время оформлялись дела по приобретению «Объектива», потом переезд, то-се... Тимке повезло: в младенчестве мама досталась ему в полной мере... А Платон к тому времени уже учился в третьем классе. Братишку он сразу полюбил. Золотой человек их Тошка...

- Светлана Платоновна, я написал небольшой материал, почитаете? - раздался за спиной Ланы голос Сергея.

Она вздрогнула:

- Сережа, что вы подкрадываетесь, как... привидение? Какой материал? Вашей практикой руководит Костик... то есть Константин Андреевич, к нему со всеми вопросами обращайтесь! - от испуга сердито ответила она.

- Я только вам доверяю... - вкрадчиво сказал Сергей.

Лане не понравился его тон. Она обернулась и внимательно уставилась на него. И кажется, впервые заметила: светло-каштановые кудри до плеч, золотисто-карие глаза с огромными пушистыми ресницами, тонкий румянец, а плечищи - ого-го!... Красавец какой. Она никогда раньше не видела таких красивых парней. Наверное, и остальные эту неземную красоту видят. И Олег. Скорее всего, именно от этого у него впервые в жизни и случился тот приступ ревности.

- Сергей, вмешиваться в вашу практику с моей стороны будет просто неэтично. Что подумает Кос... Константин Андреевич? И потом, я сейчас очень занята. Простите.

И она отвернулась к экрану монитора.

Сергей еще несколько минут постоял за ее спиной, выразительно вздыхая, и пошел в отдел к Костику.

- Странный малый, - не отрывая взгляда от своего монитора, сказала Таня. - То ли и впрямь наивный, то ли хитрый очень. Ты заметила, у него глаза рыжие. Вроде красиво, а иногда глянет - и... - Она передернула плечами. - И все-то он как-то исподтишка за всеми наблюдает, усмехается - заметила?

- Да ну его, Тань, еще неделька-другая, и уйдет. Вряд ли ему предложат сотрудничество: и пишет коряво, и инициативы никакой. Только и клянчит, чтобы кто-нибудь темку подкинул...

Татьяна с любопытством посмотрела на Лану:

- А он, кажется, и вправду в тебя влюбился...Что, не волнует, ну хоть капельку, а? Не льстит? Такой юный, такой красивый!...

- Тьфу на тебя, Танька! - с досадой сказала Ла-на. - Что ты выдумываешь?

- Ничего я не выдумываю! Он с тебя глаз не сводит. Наверное, поэтому и писать ничего не может, что вместо компа тебя только видит...

Лана пожала плечами и недовольно ответила:

- Его проблемы. С такими младенцами случается... Тань, у меня что-то застопорилось. Может, кофейку попьем?

- Это я всегда готова. С тортиком, в бухгалтерии в холодильнике вроде бы еще оставался. Пойду проверю, а ты кофе делай.

Лана включила чайник, насыпала в кружку кофе. Притопала Татьяна, торжественно неся прозрачную коробку с развалинами шоколадного торта.

- Вот! Я же говорила!

Лана уже разливала по чашкам крепкий кофе.

- Тань, твоей Машеньке сколько лет?

- Восемь... - Татьяна слизнула с пальца крем, поставила перед Ланой блюдо с огромным куском торта. - А что?

- Куда ты мне столько! - ужаснулась Лана.

- Ну вот!... Похудеешь тут с вами!... - проворчала Татьяна, придвигая ей блюдо с тоненьким ломтиком, а себе забирая ее огромный кусище. - Друг называется!

- Тань, тебе худеть нельзя, - усмехнулась Лана. - Ты и в своей весовой категории... как это в психологии называется? Гиперактивная. А что будет, если похудеешь? Вихрь!

- И то верно, - вздохнула Татьяна, облизывая ложку и с вожделием поглядывая на остатки торта в коробке. - А чего ты про мою Машку спрашивала?

- Ты ее родила, когда училась или уже работала?

- Училась еще... - Татьяна решительно водрузила на коробку крышку и отвернулась от соблазна. - Я же на заочный поэтому и перешла.

- А если бы... ну, гипотетически... сейчас ждала бы ребенка, а тебя всячески начали бы с работы вытеснять - как бы ты поступила?

Татьяна вытаращила глаза:

- Олег Дмитриевич на такое способен?

- Да ну тебя! Я же говорю - гипотетически.

- А-а, ты ведь про что-то такое пишешь! - догадалась коллега. И задумалась.

В задумчивости открыла коробку и начала есть торт. Лана отодвинула коробку из-под ее ложки, снова закрыла крышку и переставила торт на стол Саши Матросова. Татьяна наблюдала эту процедуру задумчиво и безмолвно.

- Знаешь, а ведь трудный это вопросец... - наконец сказала она. - Я работу свою, люблю... И детей своих люблю. Ну, Машку то есть. И если бы... А ведь я бы ушла! Но такой бы скандал учинила!...

- Это кому бы ты скандал учинила? - спросил с порога Матросов. - О! Тортик! Тань, неужели это

ты мне оставила? А теперь хочешь за это скандал учинить?

- Нет, Сань, если ты быстренько проглотишь эти калории, я тебе только спасибо скажу... А скандал я бы закатила, если б мне, гипотетически беременной, начальство прессинг устраивало.

- А, - расправляясь с тортом, понимающе глянул на Лану Саша. - Это вы на Ланкину тему рассуждаете... А кофейку мне?

Лана снова включила чайник

...Нет, не будет она советовать будущим мамам воевать со своим начальством в ущерб здоровью - и своего, и малыша. Пусть правительство еще поломает голову над самым трудным вопросом: как быть современной женщине. Будущей матери в стране просто обязаны создать такие условия, чтобы она ни на минуту не чувствовала себя... виноватой в том, что решила дать отечеству еще одного гражданина. Или гражданку.

Человеческий род должен продолжаться вопреки всему. Даже недовольству работодателей.

Олег с Владом заказали отбивные с жареной картошкой и пиво - это было их традиционное меню с давних, студенческих пор.

- Недурно, - похвалил Влад сочное мясо. - Олег, я читал несколько статей твоего Александра Матросова. Это, кстати, что - псевдоним?

- Нет, представь себе - настоящее имя.

- О?! Круто... Ну так вот, он там здорово прополоскал в кипяточке одного гендиректора фирмы, небезызвестной и в Москве. И я так понял, продолжение следует...

- В нашей газете никого не полощут... У нас правду пишут, - несколько натянуто возразил Олег.

- Кто бы сомневался... И все же - лучше бы вы его не трогали. Поверь мне, нехороший он человек, невоспитанный. И злопамятен зело. Может очень больно сделать в отместку. - Влад доверительно тронул Олега за плечо. - Тормозни, Камнев. Ты ведь законопослушный водила. Считай, красный свет загорелся.

- Некорректное сравнение, Петраков. На этой дороге я подчиняюсь не правилам движения, а законам РФ. Давай выпьем за нашу неожиданную встречу... - Олег поднял бокал с пивом и внимательно глянул на собеседника. - Или как - запланированную?

- Ты что, решил?... Дурак! Я о тебе думаю. Ну, как знаешь. Хозяин - барин... - Влад помолчал немного, потом тоже приподнял свой бокал: - За твое благополучие. Дурак ты, Камень...

Еще в первые дни в университете кто-то, умничая, назвал их «однофамильцами», объяснил так: у одного фамилия Камнев, у другого Петраков - от «Петр», что в переводе тоже «камень». Студизосусы похихикали над умником, поизощрялись в остроумии, придумывая вариации на тему, но кличка «Однофамильцы» и «Два Камня» странным образом прилипла и, что и вовсе загадочно, сблизила Олега и Влада. Они были друзьями-соперниками. Вернее, Влад воспринимал Олега как конкурента и всегда для себя определял, кто кого на этот раз «переборол». У Олега тщеславие в характере отсутствовало. Как и способность завидовать. Он

был прямым, открытым, может быть, даже чересчур. Влад же был прирожденным дипломатом. И в этом была странная аналогия: «Камнев - камень» - это сразу понятно, а почему камнем зовут Петракова, не все сразу понимали...

Влад болел карьерой, Олег - профессией. К тому же Камнев гораздо легче, чем Петраков, переносил недостаток денег, еды и прочих материальных благ. Был легок на подъем и не трус. А каким еще мог вырасти сын Героя Советского Союза, летчика-испытателя Дмитрия Георгиевича Камнева? Звание Героя отец Олега получил при жизни. А погиб из-за дотошности: пытался до последнего понять, почему самолет не слушает штурвала... Через полгода за отцом ушла мама: горе приняло форму скоротечного рака. Олег остался один в девятнадцать лет.

У Влада родители были в разводе. Поэтому они с Олегом часто вместе искали приработку к стипендии, а на третьем курсе уже зарабатывали гонорары в «Новостях России», куда их вскоре, еще до окончания университета, взяли штатными сотрудниками.

В середине девяностых Владу предложили возглавить новую газету с поэтичным названием «Прогулки по бульвару». Вернее, предложили сначала Олегу, но он, разобравшись в тематике издания, отказался. А Влад согласился. И сначала не жалел: появились и деньги, и положение в определенных кругах. Через несколько лет он вошел в группу учредителей...

Теперь Влад ехал по знакомым с детства улицам, но совсем не думал о том, что вот здесь был его дом, а там, за углом - родная школа. Он ехал - и хотел, чтобы дорога оказалась раз в двести длиннее, и тогда еще долго можно не приезжать к человеку, которого лучше бы он не знал никогда...

\* \* \*

Дважды щелкнул дверной замок, и на пороге комнаты возникла его тетушка - роскошная блондинка с вызывающим бюстом и мощными бедрами. Она медленно двинулась к его креслу, и при каждом ее шаге он все больше и больше сжимался, съеживался, скручивался.

- Ну, малыш, провалил задание? - мурлыкала она, приближаясь к нему вплотную. Душный запах ее духов, казалось, забил его ноздри, горло, легкие. Он часто задышал открытым ртом, закашлял, из глаз градом полились слезы.

- Нет... еще... нет, - прошептал сдавленно.

- Что? - издевательски удивилась тетка. - Не может быть! Такой мачо - и облажался?! И что мы будем теперь делать? - Она вплотную приблизилась к нему, глазами, своими страшными глазами впившись в его глаза, вытаращенные и неподвижные от ужаса.

- Я... Я еще поста... постараюсь... Я все сделаю! Все! - закричал он, чувствуя, как его джинсы предательски намокают.

- Сначала постарайся не ссать в штаны! - брезгливо отшатнулась от него тетка. Отошла на середину комнаты, постояла, задумчиво постукивая длинным хищным носком туфли о потертый ковер. - У меня есть для тебя другая работа. Надеюсь, с ней ты справишься. Слышишь,

детка? Это последнее испытание.

Страшная блондинка ушла - и он начал представлять, как бы он ответил и что бы с ней сделал,

если бы... Если бы не был таким трусом. Таким большим и красивым трусом...

#### Глава 4

- Ау, я пришла! Фу, Олежка, что ж ты так надымил! - с порога закричала Лана.

Олег вышел в прихожую, поцеловал жену, помог снять куртку.

- Это что у тебя за письмо? Я почту вроде всю забрал.

- А, не знаю, в ящике лежало, и адреса обратного почему-то нет. - Лана оторвала край толстого большого конверта, вытащила из него пачку фотографий - и упавшим голосом прошептала: - Олег... Что это? - Она быстро перебрала снимки. - Что это, Олег?

Фотографии отображали любовную игру пышногрудой брюнетки и поджарого мужчины, в котором Олег... вдруг узнал себя!

- Так вот почему ты меня приревновал... Потому что сам... - тусклым, как в трансе, голосом проговорила Лана.

- Не было этого. Никогда, - сказал Олег.

И так он это сказал, что Лана очнулась от транса и посмотрела на мужа совсем с другим выражением. Потом с опаской потянула из его руки один снимок, другой, третий...

- Но ведь это ты, без сомнения! Твой шрам на спине, и вот... родинка на бедре. Ты это, Олег... - Она смотрела в глаза мужу растерянно.

- Да. Это я, - так же растерянно ответил Олег.

- А женщина?...

- Женщину я не знаю.

Лана совершенно растерялась. За все пятнадцать лет их брака и мысли не было о том, что кто-то может изменить. Их отношения всегда были теплыми и доверительными. Скажи ей Олег, что он влюбился, она бы в первую очередь подумала, как ему помочь, а уже потом - что это, собственно, значит для нее. И уж никак не сочетались с образом Олега отношения того уровня, который называется «ничего личного, просто секс». Ее вдруг повело в сторону, стало темно...

- Лана, Лань! - звал ее Олег откуда-то из-за ватной стены. Потом пошел дождь, и она открыла глаза. Белое как мел лицо Олега, стакан с водой дрожит в его руке, вода льется на пол...

- Я что, упала?

- Ф-фу, слава богу, очнулась. Давай я отнесу тебя в постель и вызову «скорую».

- Ой, нет, не надо! Уколы делать будут, - по-детски испугалась Лана.

- Ну, хорошо-хорошо, сядешь в кресло хотя бы. - Олег поднял ее на руки, отнес в комнату. - Вот так, садись. Как ты себя чувствуешь?

- Ничего... только ноги ватные и голова немного кружится.

- В лучших домах Лондона дамам в случае обморока подносили бренди... - Олег достал из бара пузатую бутылку, налил из нее немного коньяку в толстый стакан. - Выпейте, леди...

Она проглотила жгучую жидкость. В голове сразу наступила ясность и тут же туда пришла мысль.

- Принеси, пожалуйста, снимки, они там валяются.

- Да ну их!

- Мне самой сходить?

Олег вздохнул с досадой, но пошел исполнять приказ жены. Она взяла фотографии, внимательно просмотрела все.

- Олег, а тебе ничего не показалось в этих снимках знакомым?

- Да говорю я тебе, не было этого! Не было!

- Было, - твердо сказала Лана. Олег негодуя охнул и приготовился что-то говорить, но она остановила его: - Нет-нет, помолчи и послушай меня. Вот, смотри: это наш номер в отеле на Кипре... А вон - смотри-смотри - валяются мои туфли. И еще - видишь? Это же моя сумка, я ее перед поездкой в ГУМе купила!...

Она вскочила, кинулась к письменному столу, пошарила в ящиках и вернулась с лупой.

- Черт! Это нас с тобой кто-то снимал... А потом... эту бабу вставил вместо тебя?! Черт!!!

Олег так резко сгреб в свои объятия Лану, что не устоял и упал в кресло, но рук не разжал. Они вдвоем оказались в тесном пространстве между подлокотниками и замерли там, крепко обхватив друг друга. Потом Лана прошептала, щекоча губами его щеку:

- Кто-то хочет нас поссорить... Кто?

- Главное - зачем? - вопросом на вопрос ответил Олег, почему-то вспоминая недавнюю встречу с другом юности.

\* \* \*

«Кто-кто-кто, зачем-зачем-зачем», - стучал по подоконнику нудный ноябрьский дождь.

- Олечка, а может, нам просто кто-то завидует - да и все дела? - задумчиво глядя на монитор, где уже минут двадцать текст висел, застряв на полуслове, спросила Лана.

- Тогда это бабские штучки, - хмуро ответил Олег и, чуть оживившись, с надеждой добавил: - Хорошо бы...

- А если не бабские - то что? - Лана развернула крутящееся кресло так, чтобы оказаться лицом к мужу.

- Да знаешь, Лань, я и то каждый день удивляюсь, что мы еще живы-здоровы и газета выходит. Людишек-то цепляем... не бедных.

- Они сами виноваты! И потом - мы не голословно же... Факты приводим доказуемые!

- А то я не знаю...

Помолчали. Олег шуршал газетой, Лана мягко щелкала компьютерной клавиатурой. Из детской доносились взвизги Тимки и ломающийся голос Платоши: мальчишки возились в своем «спортзале».

«Кто-кто-кто, зачем-зачем-зачем», - шелестел за окнами дождь.

Лана вдруг снова развернула кресло на сто восемьдесят градусов, уставилась на мужа и с изумлением сказала:

- Нет, ты представляешь, какую работу надо было провернуть, чтобы сделать эти снимки? Ведь эта женщина позировала, а кто-то снимал... А потом корячился в фотошопе...

- Я думаю о другом: сколько времени они следят за нами. На Кипре мы были в мае, а теперь ноябрь...

- Фу, гадость! - Лана даже передернулась от отвращения. - Все воспоминания испохабили.

- Да, Кипр теперь закрытая тема... - грустно подтвердил Олег.

Пятнадцать лет назад

Счастье - эмоциональная категория. Анализу лучше не подвергать. Если Лане говорили комплименты о ее отношениях с мужем, она тайком скрещивала пальцы. «Тс-с!» - предупреждало что-то на генном уровне. Боги завистливы, люди поняли это еще в древние времена.

Ее подсознание предостерегающе прижимает палец к губам с момента встречи с Олегом.

- Уважаемые коллеги, думаю, все вы читали материалы Олега Дмитриевича, - сказала Людмила Васильевна, молоденькая и ироничная преподавательница истории журналистики. Сейчас-то ее ироничность спрятала иголки, уступив место волнению. - Он недавно вернулся с Кавказа, из горячей точки, и пережил там опасное приключение.

Известный журналист Камнев стоял перед ними, первокурсниками журфака МГУ, в джинсах и черной водолазке и хмурился. Когда Людмила Васильевна объявила, что он проведет с ними мастер-класс, он даже поежился - от неловкости, поняла Лана. Высокий, светлые волосы коротко подстрижены, глаза то ли серые, то ли зеленые... «Обалдеть какой мэн!» - прошептала Ланке на ухо Лялечка, самая раскованная девчонка на их курсе.

На первый вопрос о кавказских приключениях Олег сказал: «Позже. Спрашивайте о том, что касается профессии». И стал говорить о задачах журналистики, о ее возможностях... Потом кто-то задал один вопрос, кто-то второй... и они посыпались как камешки с горы. И вот наконец Олег начал рассказывать в лицах, как его пытались похитить чеченские боевики и как его отбили наши бойцы. Он чуть запнулся, подбирая слово поточнее, и в этот короткий миг прозвучал вопрос:

- Олег Дмитриевич, а вы женаты?

Конечно, это Лялька! Лана повернулась к ней, с досадой прошептала:

- С ума сошла? Дай ему дорассказать хотя бы!

Но Лялька уже встала, картинно поправила холеной ручкой свои темно-рыжие волосы и спокойным, сладким голосом, не обращая внимания на замешательство Олега, продолжила:

- Я спросила потому, что вдруг представила, как трудно быть вашей женой. И все-таки позавидовала ей...

- Совсем наглость потеряла, - диагностировал кто-то из парней. Аудитория зашумела. Но Лялька продолжала стоять, ожидающе и зазывно улыбаясь Олегу.

- Очень своевременный и не менее тактичный вопрос, Коростылева, - подала голос с задних рядов преподавательница. - Олег Дмитриевич, вы вправе не отвечать на него.

Олег вдруг засмеялся:

- Что вы, Людмила Васильевна, как не ответить человеку, продемонстрировавшему коллегам такой эффектный журналистский прием? - Он забавно помотал головой. - Оказывается, вот как чувствуют себя те, у кого мы берем интервью. Даешь человеку говорить свободно, сидишь с восторженно-обалдевшим лицом... Человек расслабится, разговорится о своем, даже расхвастается, а ты ему - бац! - свой главный вопросик. На который, задай вы его в лоб, он бы фиг ответил... - Он сделал паузу и, глядя на Ляльку, сказал: - Нет, девушка, я не женат. Почему - не знаю, некогда как-то было...

И тут он почему-то быстро глянул на Лану.

А через два дня она столкнулась с ним, выходя из аудитории. Он вдруг покраснел и сказал:

- А я к вам. Может, сходим куда-нибудь?

Томная красотка Лялька стала тележурналисткой и теперь демонстрирует зрителям одного из популярных телеканалов испытанный на Олеге прием, как, впрочем, и много других. Но Олег запомнил ее не потому, что она поставила его в идиотское положение перед студентами. Он ее запомнил и был ей благодарен, потому что не будь ее лурацкого вопроса, он мог бы не увидеть свою Ланку. Он помнил, как азартно рассказывал о своем спасении в чеченских горах, мысленно удивляясь, как похоже это было на сцену из крутого боевика, но ведь все так и было! И он именно об этом хотел сказать, как вдруг его перебил томный девичий голос. Он машинально посмотрел в ту сторону, откуда голос прозвучал, и... увидел белокурую девчонку, которая с досадой смотрела на встающую соседку.

Олегу не требовалось анализировать свое отношение к жене. Оно просто возникло в тот момент - и ничуть не изменилось за все эти годы. Очень немногие люди на планете могут с полным правом сказать о своих спутниках «моя половинка». Олег был из их числа.

Они спорили. Они ссорились. Но разве человек всегда в ладах с самим собой?

Глава 5

- Сегодня ведь пятница, правда, Тошка? - надевая «уличные» джинсы перед уходом из детсада, спросил Тимка у брата.

- Ты прав, как ни странно, бледнолицый брат мой, - ответил тот, помогая Тимке надеть куртку и теплые ботинки.

- Ура, правда? - В голосе малыша послышалось ликование.

- Еще бы не «ура», - вздохнул старший брат. - Сейчас пойдем в «Лакомый кусочек». Так что давай поторопись... Hurry up! Quickly!

Тимка засмеялся:

- Ты что, птица, что ли?

- Почему?

- Ты сказал «квик»! И про какую-то харю...

- Темнота! Я сказал «быстрее», но по-английски. Да-а, пора тебя языку учить... Ты ведь каждую вторую вывеску прочитать не можешь! А что дальше будет?

Платон еще раз вздохнул. По пятницам у его тусы всегда какие-нибудь планы, а он на сейшн или опаздывает, или и вовсе - мимо... А что делать? Сам виноват. Пару раз вышло так, что повел брата в кафе, а мелкие - они памятьливые. Теперь как пятница - так веди его в кафешку...

Они шли по освещенной фонарями и рекламными щитами ноябрьской улице. Тимка двигался вприпрыжку, то и дело тормозя и читая по складам вывески:

- Ла-ко-мый ку-со-чек... Лакомый кусочек! Пришли, Платош!

В кафе уютно пахло ванилью, было людно, но им повезло: любимый столик у окна только что освободился. Платон усадил брата, повесил на стилизованную под березку вешалку их куртки и пошел к стойке делать заказ.

Очередь была не очень большой, но двигалась медленно. Платон, задрвав голову, изучал электронное меню, прикидывая, что еще, кроме «наполеонов» и свежавыжатого сока, он может взять. Наконец подошла его очередь, он сделал заказ, расплатился и повернулся лицом в зал, поднимая руку, чтобы показать брату большой палец. Но Тимки за столиком не было. Платон обежал взглядом кафе: нет Тимки! Платон заметался между столиков, спрашивая весело болтавших посетителей:

- Мальчика... беленького такого, в синем свитере, маленького - не видели?

- Нет... Нет... Нет... - равнодушно отвечали люди и отворачивались, снова возвращаясь к своим разговорам и лакомствам...

Наконец худенькая официантка, несущая полный поднос, сказала:

- Мальчик лет пяти-шести? А его женщина увела. Минут... наверное, около десяти минут прошло. Я почему внимание обратила - она ему куртку и шапку на ходу натягивала.

- Какая... какая она из себя?

- Ой, даже не знаю, я ее только со спины видела... Ну, такая... плотная, в темной куртке и, кажется, в джинсах. Или в брюках? Шапка голову обтягивала, темная - волос не видно.

Да... Попробуй найти кого-нибудь по такому описанию. Невозможно даже понять, знакомый это человек или нет... Отзывчивая официантка все что-то говорила - что-то вроде того, что у нее самой такой же сынишка и как же можно ребенка раздетого на улицу тащить... Платон окончательно растерялся, и тут подошла еще одна официантка.

- Что ты стоишь, треплешься, люди заказ ждут! - накинулась она на первую.

- Лид, тут такое дело... У мальчишки брата украли.

- Не гони! - вытаращила та глаза.

- Правда! Я видела, как его баба какая-то уводила, на ходу одевала.

- Так я тоже их видела! Я на улице у входа курила, а она его мимо протащила, говорила: «Скорей, скорей...» А он все оглядывался. Она еще вроде бы говорила, что это игра, вот, мол, пусть поищет тебя... Или поищут, что-то в этом роде. Потом посадила в машину - и как рванут с места!

Платону стало ужасно жарко и сразу ужасно холодно. Трясущимися пальцами он выковырнул из кармана джинсов телефон и набрал «02»:

- Милиция? У меня брата украли...

Милиция прибыла быстро - районное отделение располагалось в квартале от кафе. Но опрос свидетелей дал только то, что Платон уже знал. Лишь официантка, которая курила у входа, добавила, что увезли мальчика на «Жигулях» темного цвета. Вроде бы на «девятке». Но сколько темных «девяток» в городе!...

Милиционеры увели Платона в отделение, и плотный лысоватый капитан позвонил его родителям. Мальчику показалось, что они мгновенно возникли в дверях неуютного прокуренного кабинета. Ему и хотелось их увидеть, и не хотелось, потому что кроме ужаса он испытывал невыносимый стыд и чувство вины.

- Мама... Папа... Что теперь будет? Простите меня... - Платон заплакал, глядя на родителей черными от горя глазами.

Лана обхватила ладонями горячую голову сына, зашептала:

- Успокойся, Платоша, тише, тише...

Платон сцепил зубы, чтобы удержать позорные слезы, но упреки, которые не высказали ему родители, все вертелись и вертелись в его голове: как он допустил такое? Почему не стоял в очереди с братом? Или хотя бы не смотрел на него, не спуская глаз?! И большее всего было от того, что всего за четверть часа до пропажи братишки он, старший брат, думал с досадой: «Навязался ты на мою голову...»

Хоть и мало было известно об обстоятельствах похищения, Камневых продержали в отделении не меньше трех часов. Пришлось перечислить всех знакомых, ответить на кучу разных - на их взгляд, нелепых - вопросов, написать заявление... Примиряло со всей этой процедурой одно: и

капитан, и все, кто был в этом кабинете, были искренне озабочены случившимся. Напоследок капитан, которого звали Эдуард Петрович Васильев, сказал:

- На моей памяти в нашем городе детей не крали. Но сейчас обстановка в стране в этом плане сложная. Хорошо, если похитители позвонят вам в ближайшее время. Да, могут потребовать, чтобы с милицией больше не связывались. Вы выполняйте все их требования. Мы найдем способ с вами связаться.

«Хорошо, если позвонят». За этой фразой стоял черный бездонный ужас.

- Скорее, скорее! - торопила Лана Олега и Платона. До дома от отделения было рукой подать, но - вдруг именно в эту минуту похитители звонят на их домашний телефон?

Вот наконец поворот - и их дом. Скорее, скорее... Лифт невыносимо медленно дополз до их этажа. Лана первой шагнула в открывшуюся дверь - и замерла, вглядываясь во что-то, лежавшее у двери их квартиры. Глаза, как назло, застилала какая-то пелена, а ноги, словно чужие, не хотели сделать три шага до маленькой фигурки в Тимкиной синей курточке...

Кто-то резко оттолкнул ее в сторону. Мимо пронесся Олег, присел, заслонив собой того, кто лежал - и обернулся, облегченно улыбаясь:

- Спит, просто спит, - прошептал он.

Лана не помнила, как оказалась рядом с Олегом, который уже держал Тимку на руках. Она быстро ощупала сына - жив! Цел!

- Боже, спасибо тебе!... Пойдемте скорее в дом! Почему он не просыпается?!

В это время пискнул сотовый Олега: пришло сообщение.

- Лан, посмотри, что там.

Она вытащила из кармана его куртки телефон, откинула крышку: «Это только предупреждение! Хотите, чтобы вас оставили в покое - звоните завтра в 14.30 (далее шел номер телефона). В милицию больше не обращайтесь, во избежание больших неприятностей».

- Что происходит, пап? - тревожно спросил Платон.

- Если бы я знал, - ответил отец сквозь стиснутые зубы.

\* \* \*

Какое блаженство! Он избавился, навсегда избавился от своей тетушки-мучительницы! От этой мерзкой твари с удушливыми духами! Ах, как хорошо! Жаль только, она недолго мучилась... Но ужас в глазах, которых он так всегда боялся, ужас перед ним - перед ним!... Ах, какое блаженство!

Теперь он может делать все, что захочет. Он - свободен.

Теперь он будет жить.

Только комп почистить - и все!

\* \* \*

Тимка проснулся, но глаза не открывал, лежал тихо-тихо, принимался... Точно-точно, пахнет домом! А не машиной и этой теткой! Тимка чуть-чуть разлепил веки и сквозь пушистые светлые ресницы увидел... Платошу!

- Тош, мы где? - прошептал он, все еще не открывая глаз полностью.

- Дома, Тимыч, дома. Все хорошо, не бойся!

Теперь все и вправду стало хорошо: Тимка не только дома, но и очнулся от своего неестественного, какого-то каменного сна. Нет, не-ет, больше он от него ни на шаг. Больше он с него глаз не спустит!

- А мама и папа?

- Мы здесь, Тимоша, - услышал он мамин голос и окончательно поверил, что он дома.

- Ура! Вы здесь! - Тимка резко сел и, побледнев, снова упал на подушку. - Ой, все кружится...

- Ты лежи, лежи, я тебе сейчас молочка принесу. - Лана погладила его по волосам и быстро ушла на кухню.

- Когда лежишь, легче? - Олег присел к нему на постель. Тимка слабо кивнул. - Чем же тебя вчера угостили?

Тимка зажмурился, плечики его поползли вверх, сжимаясь.

- Пап, - виновато зашептал он, приоткрыв один глаз, - я просто уж-жасно хотел пить! А у тети только кока-кола была... Па-ап? У меня что... у меня уже... печенка растворилась?! - И синие глаза налились слезами по самые краешки.

- Кока-колу? Бэ-э! - Платон скривился, словно его затошнило. Олег наклонил голову, чтобы скрыть непедагогичную усмешку. Когда Тошка был маленьким, все эти! колы, фанты и спрайты вдруг заполнили ларьки и прилавки магазинов. Тошке они очень нравились. И однажды на дне рождения дружка, отец которого как раз и держал ларек, он так упился всеми этими заграничными газировками, что и теперь не может слышать даже их названий. А Олег с Ланой, наученные горьким опытом старшего сына, младшему с младых ногтей внушили, что все эти напитки - яд.

- Сколько ты выпил? - деловито спросил Платон.

Тимка с надеждой посмотрел на старшего брата - в этих вопросах он считал Платона экспертом.

- Я... ну вот такая бутылочка была, ма-аленькая... А я отпил половинку...

- Ну-у... - тоном признанного авторитета протянул Платон. - Печенка, может, еще и цела, ты же не цыпленок... Но организму вред все же нанесен. Да, пап?

Тимка тут же перевел горящий надеждой взгляд на отца. Тот утвердительно кивнул. Платон тоже посмотрел на отца и снова заговорил:

- Голова, говоришь, кружится? И тошнит, наверное?

Тимка, начиная потихоньку плакать, опять кивнул.

- А не ушел бы от меня без спросу, не пил бы у незнакомой тети ядовитую колу - и все было бы нормально...

- Я больше не буду! - прорыдал Тимка, глядя то на отца, то на брата отчаянно правдивыми глазами. - Никогда-никогда!

- Почему слезы? - испугалась Лана, которая вошла в детскую со стаканом теплого молока.

- Ничего страшного, мам, - успокоил ее Платон. - Покаяние блудного сына и брата.

- А-а, осознал, как плохо слушаться чужих! - моментально включилась Лана в воспитательный процесс. - А теперь пей молоко, это для тебя сейчас лекарство. Пей, не кривись!

- Да я пью, пью...

- Кока-кола, конечно, вкуснее, - съехидничал Платон.

Тимка сверкнул на него обиженным взглядом.

- Он теперь никогда с незнакомыми даже разговаривать не будет. Правда, Тим? - сказала Лана. - Ну, выпил? Давай стакан. А теперь расскажи, с кем и зачем ты вчера от Тоши ушел.

- Мам, она сказала, что это игра такая, что мы Платошу разыграем, он удивится... - Голос его становился все тише, глаза осоловели. - А мы поедем домой, к маме и папе. Мы с Олегом и Ланой про это договорились - она так мне сказала... Вот. Они, ну, вы, ждут... - Он зевнул. - Я спать хочу, можно?

- Спи, разбойник маленький. - Лана укрыла его одеялом, поправила подушку. - А мы пойдем позавтракаем, с твоего разрешения.

Тимка пробормотал «угу» и засопел.

Ровно в 14.30 Олег набрал указанный в послании номер. Через три гудка ответил смутно знакомый мужской голос:

- Слушаю вас.

- Я Олег Камнев, - жестко сказал Олег. - И это я вас слушаю.

В трубке молчали, и Олег, с трудом удерживаясь, чтобы не начать выяснять, с кем говорит, молчал тоже. На него напали из-за угла, и он не будет кричать «караул».

- Это вашего сына похитили вчера? - наконец прозвучал вопрос.

- Кому это знать, как не вам! Разве это сделали не вы или не по вашему приказу?

- Откуда вам известен этот номер?

- Послушайте! - взорвался Олег. - Вы же сами мне его эсэмэской прислали!

Собеседник снова подержал паузу. И вдруг сказал:

- С вами, Олег Дмитриевич, говорит капитан Васильев.

Олега словно ударили по голове. Как такое получилось?

- По этому номеру больше не звоните. Вы сейчас дома?

Олег кивнул, забыв, что капитан его не видит. Но тот почему-то понял.

- Хорошо, никуда не уходите, я скоро у вас буду.

Из трубки раздались короткие гудки. Олег постоял несколько мгновений, пытаясь выстроить в ряд хаотично носящиеся в голове мысли. Ничего у него не получилось, и он пошел на кухню. Лана делала перед собой вид, что моет посуду.

- Что? - нетерпеливо спросила она.

- Пока я ничего не понял. Сейчас явится вчерашний капитан Васильев. Я с ним говорил.

- Почему с ним? Ты же должен был звонить...

- Я и набрал тот номер. А ответил капитан.

Лана обессиленно прислонилась спиной к стене.

- Ничего не понимаю... Что же это такое, как ты думаешь?

Олег потерся лбом о ее лоб:

- Давай подождем. Что гадать?

Он отошел к окну, открыл форточку, закурил и стал наблюдать за двором. День был хмурый и унылый. Конец ноября. Еще не зима, уже не осень. И сигарета какая-то невкусная...

К подъезду подкатил белый старенький «жигуленок», из него вылез Васильев и открыл заднюю дверь, выпуская еще кого-то.

- Приехали. Быстро как, - пробормотал Олег, торопливо гася сигарету в пепельнице. В прихожей уже звенел домофон.

Пропустив в дверях худенькую женщину с усталым лицом, капитан пожал Олегу руку и слегка поклонился Лане.

- Мы обнаружили следы вашего сына... - заговорил было он, но Лана его прервала:

- К счастью, Тимка уже дома.

- Да?... - Капитан помолчал, что-то соображая. Я надеюсь, у вас были веские основания не сообщать на об этом?

Олег молча открыл свой телефон, вывел на экран вчерашнее сообщение и подал мобильник капитану. Тот прочитал.

- Кое-что становится ясным. Кое-что... - пробормотал капитан. - А трубочку у вас придется

забрать. Вещественное доказательство.

- Как вам будет угодно.

- Может быть, вы пройдете в комнату, сядете и объясните, что происходит? - предложила Лана.

- Леночка, проходи, - снова пропустил молчаливую спутницу вперед Васильев. - Наш криминалист Елена Звягинцева, - запоздало представил он ее, когда все уже были в комнате. Елена кивнула и с видимым наслаждением опустилась в кресло. Васильев тоже с видимым наслаждением плюхнулся на диван, вытянул ноги и объяснил: - Мы с шести утра не присели.

- Тогда подождите немного, я принесу кофе и что-нибудь перекусить, - заботливо откликнулась Лана.

Капитан отрицательно покачал головой:

- Лучше тоже садитесь, и начнем.

- Мы не понимаем... - начала Лана, садясь на краешек своего рабочего кресла.

Васильев опять отрицательно покачал головой и впервые за время визита улыбнулся:

- Детективы смотрите? В таких случаях сыскарь говорит: «Вопросы буду задавать я». Так вот вам первый: кто и как вернул вам сына?

- Мы не знаем... - хором начали Камневы, глянули друг на друга, и Лана кивнула Олегу: говори.

- Мы не знаем, кто это был. Когда мы вернулись от нас, Тимофей спал глубоким сном у двери квартиры. И почти сразу пришло сообщение, которое вы читали.

- Ага... Очень интересно, да, Леночка? Ты когда-нибудь слышала, чтобы человека похищали, чтобы сразу вернуть?

- Нет, Эдуард Петрович, - вяло ответила Елена.

Лана внимательно посмотрела на нее и решительно встала.

- Прошу меня извинить, но ваш криминалист явно нуждается в подпитке. Мне плевать, - повысила она голос, упреждая реплики капитана и протесты Елены, - что там можно, а чего нельзя в вашем жанре. Я иду за кофе и всеми полагающимися к нему... атрибутами.

Демонстративно не слушая возражений, она повернулась и вышла из комнаты.

- Вот это излагает! - восхитился капитан. - Узнаю Светлану Камневу. Она и в статьях своих такая бойкая.

- Рад, что вы читаете нашу газету, - из чистой вежливости сказал Олег. В данный момент ему было совершенно безразлично, как относятся к его детищу эти люди. Слишком подозрительной была вся ситуация.

- Еще как читаем! - охотно откликнулся капитан. - По правде сказать, это единственная газета, которая не пачкает ни рук, ни мозгов, ни души.

Это было или очень искреннее заявление, или... что?

Вошла Лана, толкая сервировочный столик. Вообще-то этот предмет роскоши был любимой Тимкиной игрушкой но сейчас с честью нес службу по своему прямому назначению. Лана установила его так, чтобы всем было удобно брать чего душа пожелает, налила в одну из чашек кофе, щедро добавила сахару и молча протянула чашку Елене. Произвела те же манипуляции со второй чашкой и подала ее капитану. Потом поднесла каждому из них тарелку с бутербродами.

- Спасибо, Светлана Платоновна, это было и впрямь необходимо, - неловко сказал капитан, прожевав первый кусок.

Елена только благодарно покивала. Ее лицо на глаза разгладилось, порозовело, и оказалось, что она совсем молоденькая и очень симпатичная.

- Ну, - сказал Васильев, когда кофе был выпит. За щедрость еще раз благодарим, а вопросы задавать все равно будем. Скажите, господа Камневы, подозреваете ли вы кого-нибудь в похищении сына?

- Нет, - хором ответили они.

- А вы подумайте, полистайте подшивки, может в них имя врага обнаружите?

- Но мы никогда не публикуем непроверенных и не подтвержденных документально фактов.

Капитан с иронией поднял бровь:

- Вы думаете, от этого вашим героям легче?

- А им должно быть легче? - в тон ему ответила Лана, присаживаясь на подлокотник кресла, где сидел Олег.

- Покажи-ка фотографии, - попросил Васильев Елену. Та, повозившись с цифровым аппаратом, протянула его Камневым. На экране была женщина. Тело ее расслабленно сползло вниз с сиденья машины, голова свесилась на плечо, в открытых глазах застыл ужас.

- Она... мертвая? - тихо спросил Олег.

- Да. Убита. Обнаружена сегодня дворником у дома номер шесть по улице Каретной. Это совсем недалеко от вашего дома... - Капитан не сводил с Олега пристального взгляда. - Ну так как, знакома она вам? Или вам? - посмотрел он на Лану.

- Нет, я ее не знаю, - ответил Олег.

- Я ее тоже не знаю. Почему вы у нас это спрашиваете? - удивилась Лана.

- Потому, что в машине, где она была убита, мы нашли шапку и варежки, по описанию похожие на вещи вашего ребенка. Лена, покажи.

Елена, порывшись в большой сумке, вытащила два прозрачных запечатанных полиэтиленовых пакета и протянула их Камневым.

- Только через пакет смотрите, - остановила она Лану, которая уже собралась открыть упаковку.

- Да, это Тимкина шапка. И варежки тоже! - сказала Лана взволнованно. - Значит, убитая - та женщина, которая увела Тимку?

- Можно предположить это. Мы нашли в машине еще бутылку с остатками кока-колы, на ней Лена выявила отпечатки и говорит, что это детские пальчики. Да, Леночка?

Девушка утвердительно кивнула и добавила:

- Вы теперь понимаете, что нам необходимо с вашим ребенком и поговорить, и пальчики его откатать.

Олег нахмурился и недовольно сказал:

- Парень никак не отоспится от того зелья, что ему в газировке преподнесли.

- Мы постараемся как можно скорее определить, какое средство они применили, - пообещала Елена.

- Так мальчик еще спит? - спросил капитан.

Лана встала:

- Я пойду его разбуджу. Надеюсь, вы не будете демонстрировать ему ту фотографию?

Капитан возмущенно округлил глаза, и в это время, словно по заказу, в проеме двери появился зевающий во весь рот Тимка.

- Мам, я голодный, - заявил он и тут увидел незнакомых людей. - Ой!

- Ты-то нам и нужен. Здравствуй, Тимофей Олегович, - протянул ему руку капитан.

- драсте... - утопил свою ладошку в его руке Тимка.

- Мы тебя, мужик, всю ночь искали, а ты, оказывается, дома почивать изволил?

- А я не знал, что я дома. Я в машине спать ка-ак захотел, а потом уже проснулся - а я здесь! А вы сыщик?

- Можно сказать и так, - засмеялся Васильев. - А скажи мне, Тимофей Олегович, как звали ту тетю, с которой ты от брата удрал?

Тимка виновато потупился.

- Я не знаю. Я глупо поступил. Я когда в машину сел, сразу выйти хотел... - Он поднял взгляд на капитана. - Мне Платошу жалко стало. А тететька... она сразу как разозлилась! Она дяде за рулем как закричит: «Давай трогай быстро!» Я заплакал...

Тимка пристыженно опустил голову.

- Как излагает, а? - снова восхитился капитан, теперь уже Тимкой. И тут же объяснил сам себе: - А что тут странного? Гены! - И вынул из нагрудного кармана фотографию. - Тимофей, эта тетя была?

Лана испуганно охнула и ловкохватила снимок из руки Васильева. С него кокетливо

смотрела не очень молодая женщина, большеглазая, с крашеными светлыми волосами.

- Извините, - пробормотала Лана, отдавая капитану фотографию. Тот укоризненно покачал головой и снова протянул ее Тимке.

- Ага, это та тетенька, она в машине шапку сняла и стала на эту фотку похожа.

- А вот теперь и вы посмотрите. - Васильев отдал фотографию Олегу, опять пристально наблюдая за его реакцией.

- Нет, не знаю, - рассмотрев снимок, сказал тот.

- Ну, нет так нет, - вздохнул капитан, пряча фото обратно в карман. - Тим, ты говоришь, за рулем дядя был. А его ты узнал?

- Не... я его лица вообще не видел. Он же рулил! - объяснил бестолковому капитану Тимка.

- Ах, да, конечно, за рулем надо быть очень внимательным, тут ты прав. И куда рулил этот дядя?

- Тетя сказала, что мы ко мне домой поедem, меня будто мама и папа ждут. А сами все ездили и ездили. И она ему еще говорила: что ты кружишь, сворачивай за город! А дом наш рядом с «Лакомым кусочком»... Ой, мам, я так есть хочу!

Лана вопросительно посмотрела на капитана:

- Он утром только молока выпил, а сейчас уже...

- Ой, подождите, мы сначала быстренько его пальчики снимем, - засуетилась Елена, доставая из сумки все нужное для процедуры и сочувственно поглядывая на Тимку.

- Что, прямо как у преступника отпечатки брать будете? - охотно протягивая Елене ладошки, спросил Тимка.

- Какое поколение криминально грамотное растет! - засмеялся капитан.

Ему очень нравились и Тимка, и Лана, и Олег, и их дом, совсем не шикарный, как можно было бы предположить, но такой уютный. Но совсем не нравилось капитану с королевским именем Эдуард и царственной фамилией Васильев, совсем не нравилось этому ценителю слова то, что знал только он. Он один.

## Глава 6

Был седьмой час вечера, в редакции стояла тишина. Олег с повышенным вниманием вычитывал готовые полосы перед тем, как написать на них «В печать!» и поставить свою подпись. От этого занятия его отвлек телефонный звонок.

- Олег Дмитриевич Камнев? Следователь Приходько беспокоит. Мне необходимо с вами побеседовать.

- Хорошо, я буду у вас через... - Олег окинул взглядом фронт работ, - через полтора часа. Вас

устраивает?

- Вполне. Кабинет номер пять.

В условленное время Олег сидел в кабинете, стены которого скупо украшали настенные часы да портрет президента.

Следователь Приходько встретил его без улыбки и без рукопожатия. Сухо кивнул из-за своего помпезного стола, указал рукой на единственный стул.

- Сразу скажу: отпечатки на бутылке с кока-колой принадлежат вашему сыну, в напиток подмешано снотворное. Само по себе не опасное, но доза там большая, хорошо, что мальчик не допил. Все данные говорят за то, что вашего сына везли на машине, в которой обнаружили труп женщины. Можно предположить, что именно она выманила его из кафе, тем более, что мальчик уверенно опознал ее по фото.

Все это, даже фразу «хорошо, что мальчик не допил», следователь произнес монотонно, словно молитву прочитал. Олег молча ждал продолжения.

- Посмотрите на фотографию. - Приходько перевернул один из снимков, лежащих перед ним изображением вниз, и придвинул ближе к Олегу. - Вы узнаете эту женщину?

Олег удивленно посмотрел на следователя:

- Я узнаю фотографию, поскольку Васильев мне ее уже демонстрировал. Я и ему сказал, и вам повторяю: женщину эту я не знаю.

Приходько нахмурился, перевернул и придвинул ему другую фотографию.

Олег посмотрел.

- И это фото мне знакомо. Такое же недавно прислали мне по почте.

- Вы узнаете женщину?

- Нет.

Приходько фыркнул и с презрением в голосе спросил:

- Но ведь это вы с ней... кувыркаетесь?

Олег внимательно посмотрел на сидящего против него человека. Он не только сидит против - он почему-то вообще... против него.

- На фото действительно я, но женщина мне незнакома.

Приходько не мигая уставился на Олега, странно кривя рот то в одну, то в другую сторону.

«Глаза как у снулой рыбы, - брезгливо подумал Олег. - И рот как-то странно дергается. Тик у него, что ли?»

Если бы он не был так настроен, Олег рассказал бы ему, что они с женой поняли про эти фотографии. А этому... нет, этому рассказывать ничего не хотелось.

- Вот что я думаю, Олег Дмитриевич, - заговорил следователь, все так же не сводя с него глаз. - Эта убитая дама не только вам знакома - она ваша любовница. - Его губы снова дернулись справа налево. - Она украла вашего сына, скорее всего, чтобы за что-то - вам лучше знать, за что! - наказать вас. - Он резко подался вперед, налег грудью на стол, приблизив свое лицо очень близко к лицу Олега. - И вы ее... убили. Я вас задерживаю. До выяснения обстоятельств.

Следователь удовлетворенно, как-то сыто откинулся в кресле и с торжеством уставился на Олега рыбьими глазами. Даже странно, какое торжество могут выражать рыбы глаза...

\* \* \*

С самого детства Лане время от времени снился один и тот же сон: будто она упала в какую-то расщелину между скал, похожую на колодец, и эту расщелину медленно заполняет вода. Лана пытается карабкаться по скале, но она такая гладкая - не уцепишься. «Ничего, сейчас меня вода поднимет», - думает Лана, но вдруг наверху раздается ужасный грохот и наступает темнота. Лана понимает, что оказалась в ловушке, словно мошка в закрытой кастрюле. А вода все прибывает... Лана всегда в ужасе просыпалась в последний момент, когда неизбежно должна была захлебнуться. «Надо сердечко проверить», - озабоченно сказала мама, когда Лана рассказала ей этот сон. Проверили - сердце оказалось в полном порядке. Но сон, с легкими вариациями, нет-нет да и приснится.

Зная, что Олег ушел на встречу со следователем, Лана ждала его, сначала спокойно, потом все больше волнуясь, до тех пор, пока не уложила мальчишек спать. Потом не выдержала и позвонила в милицию, и там ей сказали, что Олег задержан.

- За что?! - крикнула она в трубку.

- Не имеем права говорить, - равнодушно ответили ей и прервали связь.

Вот тут на нее и обрушился ужас, до этой минуты знакомый только по снам.

Всю ночь она проворочалась на перекрутившейся простыне, несколько раз вставала, тихонько прокрадывалась па кухню, чтобы выпить воды... корвалолу... даже курить пробовала, но с отвращением потушила едва зажженную сигарету. Еле выдержав до шести утра, встала, приняла контрастный душ и... начала прибирать квартиру - только бы отвлечься.

К половине восьмого она уже навела порядок везде, кроме детской, только пылесос не включала, приготовила завтрак и пошла будить мальчиков, стараясь, чтобы традиционный напев: «Мальчишки, подъем!» - звучал бодро и весело.

Но в комнате мальчиков уже горел ночник, и с постелей на нее смотрели совсем не сонные глаза - два синих глаза сверху, два синих глаза снизу. Все-таки разбудила их ее возня по дому! Или они что-то почувствовали?

- Mam, что случилось? - хором спросили они. Значит, почувствовали...

- Ничего, все нормально, - спокойно ответила Лана и поторопила ребят: - Скорее собирайтесь, а то завтрак стынет!

За завтраком Лана пыталась быть такой, как всегда, - веселой и спокойно-заботливой, но, честно говоря, это плохо получалось. Платон молча и быстро проглотил немного каши, отхлебнул чаю и, пробормотав неразборчиво: «Спасибо, мам, мне надо...», почти убежал из кухни. Тимка сосредоточенно строил в каше арыки и смотрел, как они опять зарастают.

- Мам, а почему папа дома не ночевал? - не отрываясь от своего занятия, спросил он задумчиво.

- Интересно, Тимоша, почему ты не ешь такую полезную кашу? - словно не слыша его вопроса, строго сказала Лана. - Совсем мой труд не ценишь?

Тимка вскинул на нее виноватые глаза:

- Мамочка, я ценю! - и начал торопливо глотать уже остывшее варево.

- Не торопись, что ты, мой хороший! - испугалась Лана. Но сын уже справился с кашей и взялся за сок.

- Ма, я пошел, - заглянул в кухню Платон.

- Нет, Тоша, поедем на машине все вместе. Мне будет спокойнее.

- Ура! Мы опять с братом поедем! - обрадовался Тимка. А Платон нахмурился. Обхохочутся в школе - Платона Камнева маменька в школу возит, как мелкого...

\* \* \*

В коридоре редакции Лане встретилась секретарша Ниночка.

- Здравсте! А шеф приехал?

Лана начала что-то искать в сумке, чтобы спрятать глаза.

- Привет, Ниночка, ты на сегодня отмени, пожалуйста, все встречи, Олега некоторое время не будет...

- Как это? - ахнула секретарь. - А в мэрию кто пойдет? Там в девять тридцать начинается...

- Пусть идет Борис Викторович, - торопливо ответила Лана, скрываясь за дверью своего отдела.

Нина поглядела ей вслед растерянным взглядом, пробормотала: «Во дела!» - и пошла к заму.

Лана, очутившись у себя, бросила в пространство «Доброе утро», включила компьютер, не отрывая глаз от монитора, пристроила на вешалку куртку, вывела на экран начатую в пятницу статью. Пусть думают, что по дороге ее озарила какая-то мысль и она боится ее потерять... Только бы с ней никто не заговорил... Горло разъедали - аж шипели! - сдерживаемые слезы, сердце то замирало, то начинало трепыхаться, как тот птенец, которого она однажды подняла и держала меж ладоней, соображая, как же вернуть его в гнездо.

В комнате, впрочем, был только практикант Сергей что-то тихонько кропавший за своим компьютером. Он встрепенулся при появлении Ланы и очень удивился: где ее обычные энергия и приветливость? Что-то не так...

Сегодня ей не тридцать с хвостиком, а намного больше. Она похожа сейчас на его маму в те дни, когда она уже заболела, но никто этого еще не понял... У Сергея защемило в груди.

Шумно протопала по коридору и ворвалась в комнату Татьяна, крикнув: «Хай, коллеги!» Лана, не оборачиваясь помахала ей рукой. Что-то бурно обсуждая на ходу, вошли Саша с Костиком...

«Господи, я не выдержу!» - панически думала Лана, гоня несчастный текст вверх-вниз. Снова приоткрылась дверь, и голос Ниночки позвал:

- Лана! Тебя дядя Боря просил зайти.

- Да-да, сейчас, - торопливо ответила она, закрывая файл. - Иду.

Борис Викторович нервно слонялся по коридору вблизи приемной. Увидев Лану, нелепо взмахнул рукой, а когда она подошла, уцепил за локоть и повел в свой маленький кабинет.

- Садись-ка, садись, - подвел он ее к старому креслу, сработанному еще в семидесятые годы прошлого века, и крикнул: - Ниночка, чаю нам сделай! Сладкого!

Сел во второе такое же кресло, побарабанил пальцами по облезлой столешнице тонконового журнального столика, суетливо зашарил по карманам заслуженного твидового пиджака. - Я закурю, разрешишь?

Лана кивнула, не поднимая глаз. Не могла она сегодня ни на кого смотреть! В поле ее зрения были руки старенького зама, и эти руки дрожали, разминая сигарету и щелкая зажигалкой.

- Видишь, какое дело, - начал он фразой, которая мелькала в его речи, только когда он сильно волновался. - Я сейчас был в мэрии, и мне там сказали, что Олега... задержала милиция. Кулагин говорит - его в убийстве подозревают? А?!

Лана пружиной взвилась из кресла:

- Как - в убийстве?! В каком еще...- и рухнула обратно в кресло.

- Тише, тише, доченька, не надо так, услышат... - испугался Борис Викторович. Кинулся к двери, распахнул ее и сердито закричал: - Нина! Сколько можно чай ждать?!

- Сейчас будет! - откуда-то из глубины коридора откликнулась секретарша.

- Слава Богу, не слышала, - пробормотал Борис Викторович. - Ланочка, ты как? Ты этого не знала, девочка моя?

- Я знала только... - начала Лана, но в это мгновение в кабинет влетела Ниночка.

- Борис Викторович, что же происходит? Мне Сейчас Клара газету «Параллель» сунула, почитай, говорит, что про вашего редактора пишут... Ужас! Ой... - Она увидела Лану, закрыла рот ладонью и виновато вытаращила глаза: - Извини, забыла, что ты здесь...

- Иди-иди, Нина, свое дело ты уже сделала, с досадой сказал Борис Викторович, отбирая у нее газету и быстро сворачивая ее трубочкой. И совсем другим, ласково-заискивающим тоном обратился к Лане: - Сейчас Витя тебя домой отвезет, хорошо?

Но Лана, протянув руку, решительно потребовала:

- Дайте мне газету.

- Нет, лучше...

- Дайте.

- Не надо тебе это читать!

- Борис Викторович, не смешите меня. Я сейчас пойду и куплю такую же. Что вы мне хвост по кусочку рубите?

- Да бери, бери, еще чего не хватало - на эту гадость деньги тратить, - сдался зам.

Лана развернула скатанную в тугую трубку газету. Аршинные буквы на первой полосе: «РЕДАКТОРА «Объектива» ЗАКРЫЛИ». Вторую полосу заняла статья под названием «Объективно об «Объективе». Она была щедро расцвечена фотографиями Олега: с семьей, с коллегами, в кругу власть предержащих... Было здесь и фото Стечкина. «Спасибо, хоть порноснимка не поместили», - подумала Лана, бегло читая текст. В начале статьи были реальные факты: похищение Тимки, убитая женщина, оказавшаяся той самой похитительницей... А дальше корреспондент «Параллели», всегда такая приветливая с Ланой, со сладострастным удовольствием повествовала о том, что при осмотре квартиры потерпевшей были найдены фотографии, на которых она (потерпевшая) заснята в момент соития с О.К. У следствия есть версия, что потерпевшая была любовницей О.К., что, совершив киднеппинг, она за что-то ему мстила, а он ее за это смертью покарал... И это было еще не все. Дальше говорилось, что газету свою О.К. создал на грязные деньги колбасного олигарха Павла Стечкина (фото прилагается) и все якобы объективные статьи публикуются в этом издании после того, как их щедро оплатят враги тех, о ком статьи написаны. Не удивительно, что О.К. с чадами и женушкой обитают в пятикомнатных апартаментах. (Хм... Это не совсем так. Квартиру, которая числилась как одна, а на самом деле состояла из двух, между которыми просто прорубили отверстие и поставили дверь, им «сдал» Павел. Но они занимают трехкомнатную, а двухкомнатная стоит, закрытая с обеих сторон, и ждет приездов хозяина.) Это не считая большой квартиры в Подмосковье! (Что есть, то есть.) А еще его семья владеет двумя автомобилями иностранного производства! (И здесь не соврали: у Олега «форд» 93-го года, а ей отец, который давно уже в Париже живет и вообще востребованный художник, «пежо» подарил как раз четыре года назад).

Лана бросила газету на стол, брезгливо вытерла руки о джинсы и посмотрела на Бориса Викторовича.

- Вы это уже читали, - утвердительно сказала она.

- Ты же знаешь, «Параллель» всегда брешет как сивый мерин!

- Брешут кобели, мерины ржут, - усмехнувшись, поправила Лана. Она почему-то совсем успокоилась и уже не прятала глаз.

В дверь робко заглянула Ниночка: - Лана, тебе звонят... из милиции.

- Так переведи сюда звонок! - взъярился Борис Викторович. Ниночка, испуганно вытаращила глаза, быстренько захлопнула дверь и из-за нее виновато пропищала:

- Уже перевожу...

Звонил следователь Приходько, назначил Лане встречу в своем кабинете № 5 «на двенадцать дня». Она глянула на часы: пора ехать.

- Витя тебя отвезет, - сказал зам.

- Я на своем «автомобиле иностранного производства», - хмуро сказала Лана.

- Давай я с тобой поеду? - предложил Борис Викторович.

- А кто в лавке останется? - старательно улыбнулась Лана.

Борис Викторович облегченно вздохнул:

- Ну, вот и молодец, так и держись. Я сейчас твои вещи принесу.

На лестнице ее догнал Саша, подхватил под руку:

- Ничего не говори. Я с тобой.

Она кивнула. С ним и вправду легче.

Кабинет, который единолично занимал старший следователь Приходько, был невелик и давно не переживал ремонта. Следователь, однако, восседал в отличном офисном кресле за дорогим столом, на приставке - новенький дорогой компьютер со всем необходимым к нему оборудованием. А вот стульчик, на который он жестом предложил Лане сесть, был глубоким старцем.

- Светлана Платоновна Камнева? Я Илья Петрович Приходько. Располагайтесь, будьте как дома. - Он неприятно улыбнулся. - Если хотите, можете курить.

- Я не курю.

- Да? Это похвально. - Приходько туда-сюда подергал губами, словно у него нестерпимо чесался кончик носа. - Я тоже не курю. Так вот, Светлана Платоновна, разговор нам предстоит деликатный, вы уж заранее меня извините, если обижу... Как вы думаете, муж вам изменяет?

Он снова улыбнулся, и Лана поняла, на кого он похож - на гиену!

«Лобовая атака!» - крикнул в голове у Ланы мультяшный голос. Спокойно глядя на Приходько, она ответила:

- Не изменяет.

- О, как вы уверенно это сказали!... А если я представлю вам фотофакты?

И он эффектным жестом, каким игрок в карты вскрывает коронного туза, перевернул лежащий перед ним вниз лицом снимок.

Лана глянула, не прикасаясь и даже не наклоняясь к снимку.

- У вас только одна? Я могу вам еще штук пять принести - в разных позах.

- У-у вы какая! - осклабился Приходько.

- Какая есть, - равнодушно бросила Лана. - Лучше скажите, на каком основании задержали моего мужа.

- На основании подозрения в убийстве любовницы. Вот этой, - ткнул пальцем в фото Приходько.

- Так... Скажите, это вы давали интервью газете «Параллель»? Они так оперативно сработали:

Олега вчера вечером задержали, а утром уже статья... Вы, видимо, торопились им помочь? Даже забыли спросить Олега Дмитриевича, как он провел ту ночь, когда убили эту женщину? Иначе вы знали бы, что он со мной и старшим сыном сидел всю ночь у постели Тимки. И никто из нас никуда не отлучался.

Лана уже сидела очень прямо: так ей было легче говорить, не повышая голос до крика. Но глаза ее метали синие искры, щеки горели... Приходько вдруг встал, зашел ей за спину и положил руки ей на плечи.

- Вы такая красавица, Светлана Платоновна... А знаете, я ведь могу и освободить вашего муженька... при определенных условиях...

Он наклонялся все ниже, почти неразборчиво что-то бормоча у нее над ухом. И вдруг она почувствовала на своей шее чужие, мерзкие, мокрые губы!

Она вскочила, отшатнулась, с отвращением отталкивая Приходько, но он все лез ней, хватал цепкими руками, бормоча что-то вроде: «Будьте умницей...»

- Пустите меня сейчас же! - заорала в отчаянии Лана, видя, что следователя ей не остановить... И тут дверь открылась, и в ее проеме замер Матросов. Приходько отпрянул от своей жертвы, прошипел, бешено глядя на Сашу:

- Как вы смеете?! Вон отсюда!

Саша, не сводя со следователя грозного взгляда, медленно закрыл дверь. А Приходько, приосанясь, обошел свой грандиозный стол, спокойно уселся в кресло и с улыбкой как ни в чем не бывало спросил:

- Кто-нибудь может подтвердить ваши показания?

Да вы садитесь, Светлана Платоновна, что же вы стоите?

Лана, подавив гадливость и усилием воли демонстрируя хладнокровие, присела на краешек стула и ледяным голосом начала «давать показания»:

- Мы нашли нашего сына спящим у дверей квартиры. Уложили его в постель и сразу вызвали «Скорую помощь». Бригада приехала через пятнадцать минут, было без пяти одиннадцать. Врачи пробыли у нас минут двадцать пять - тридцать. Я не знаю, когда была убита эта женщина. Но до половины двенадцатого алиби моего мужа подтвердят и в «скорой», и в нашем райотделе милиции. Потом мы втроем до утра сидели в детской комнате, отлучаясь разве что в туалет. Хотите - верьте, хотите - не верьте, - холодно закончила она.

- Все ясно, Светлана Платоновна, все проверим. Можете быть свободны. - Он снова оскалился в улыбке голодной гиены.

Лана вышла, чуть не ударив дверью Сашу Матросова.

- Подслушиваешь? Ну и правильно делаешь. Если

бы ты не вломился - я бы его убила. Ты его спас.

- Какая жалость! - всплеснув руками, дурашливо пропел Саша и уже серьезно добавил: - Напиши на него жалобу. Сексуальные домогательства, превышение служебных полномочий...

- Саша, ты думаешь, с этим будут разбираться? Нет, ты серьезно так думаешь? - с сарказмом спросила Лана.

- Вот если бы в отношении кого другого - то могли бы и заняться. А насчет Приходько - сомневаюсь. Мутный человечешко... Ему всегда все мерзости с рук сходили, - вздохнул Саша.

Они подошли к машине, и Лана разблокировала двери.

- Может, пустишь за руль? - с надеждой спросил Саша.

- Садись, конечно, управляй моей «машиной иностранного производства».

- «Параллель» цитируешь? - Саша с видимым удовольствием завел и тронул с места Ланин «пежо». - Читал, читал...

- И что скажешь?

- Скажу, что не вчера статейка написана, давно готовились, сплетни собирали. И фотографии тоже. Но про подозрение в убийстве и арест добавили уже в верстке. А может, даже перedelывали полосы аварийно, ночью, в типографии.

- Я тоже так думаю. Саш, тебя в последний месяц, случайно, никто не тревожил? Может, угрозы какие поступали?

- А как же! По «мылу» прислали: «Высокое напряжение. Не копай - убьет!» И кости-череп. А когда я про переселение писал... помнишь? У-у-у! Тогда на меня братков наслали. Вроде бы просто случайное ограбление - мобильник, часы, кошелек... А по ходу дела припугнули: пиши, дескать, поаккуратнее...

- Помню, ты тогда с вывихнутой рукой и фингалом ходил. Только про «пиши аккуратнее» ничего не рассказывал.

- А зачем? Не в первый раз... Это мои проблемы.

В феврале прошел его материал о том, как строительная компания Царькова уговорила владельцев частных домов в тихом центре города переехать временно в «капитально отремонтированный дом». Место под застройку компания «Рассвет» приобрела тогда высококлассное. И тем, кто поддался на уговоры отдать свои дома под снос, обещали квартиры в домах, которые вырастут на этом месте. Правда, сроки назвали туманно... На протяжении следующих месяцев Саша Матросов наблюдал за «капитально отремонтированным» домом, где ждали своих улучшенных квартир бывшие домовладельцы, и писал репортажи. Дом рушился: потекла крыша, стены пошли трещинами шириной в ладонь. В аварийном состоянии был водопровод. В общем, это было здание, давно предназначенное под снос. А между тем на выкупленной у владельцев земле с невероятной скоростью росли два пятиэтажных дома... Саша сумел проникнуть внутрь одного и убедился, что строятся дома не для простых людей. Стоимость двухэтажных квартир в нем гораздо выше той, во что можно было оценить снесенные домишки.

Сейчас его материалы были о тех, кто уже приобрел жилье в строящихся домах. Две недели назад - о директоре самого большого рынка - бывшем криминальном авторитете (да и бывшем ли?). Неделю назад - о владельце сети магазинов - зяте Царькова. Сейчас писал о хозяине двух ресторанов и трех кафе, на сей раз - родственнике самого губернатора.

- Сань, вон кафешка неплохая, давай торmozнем? Я что-то есть хочу... И поговорить с тобой тоже. Угощаю я.

- Фигушки! Я - мужчина, и мы не в Соединенных Штатах. Только... дальше ты поведешь, я пиво пить буду.

За обедом Лана подробно рассказала Саше обо всем, что произошло с их семьей в последнее время: и о фотографиях, которые потом всплыли на допросе у Приходько как косвенная улика, и о похищении Тимки.

- Тебе не кажется, что это делает кто-то из героев твоих статей? - закончив свой невеселый рассказ, спросила Лана.

- Похоже... И я даже... Нет, сейчас не скажу. Подожди, еще подумать надо.

- Ну, Са-аш!

- Светлана Платоновна, я бывший сыщик и я должен врага вычислить точно! Ясно, что кому-то хвост прищепили, но кому?... Я буду думать.

- Ладно, мсье Пуаро, поехали в редакцию, нас уже потеряли.

Когда Лана с Сашей уехали в прокуратуру, Борис Викторович собрал коллег на летучку.

- Все читали? - Он брезгливо, как кот намокшей

лапой, потряс свернутой в трубочку «Параллелью».

- Читали, конечно, - за всех ответил Костик.

Борис Викторович демонстративно выдвинул из-под стола мусорную корзину и, страстно скомкав газету, бросил ее туда.

- Надеюсь, никому не показалось, что там напечатано хоть слово правды? - указал он на корзину подбородком.

- Почему ж не показалось? - с усмешкой сказала Татьяна. - Там есть некоторые правдивые сведения.

Борис Викторович гневно уставился на нее.

- Какие это сведения?!

- Ну, какие... Что нашего редактора зовут Олег Дмитриевич Камнев... Что у него есть жена и двое сыновей... Что он ездит на машине и живет в квартире, - под общий смех закончила она.

Борис Викторович, первые слова слушавший настороженно, потом тоже засмеялся. Но тут же помрачнел, строго сказал:

- Я вот почему вас собрал... Не надо об этом говорить с Ланой. Хотя бы до завтра. Договорились?

- Могли бы и не предупреждать, Борис Викторович! - обиженно сказала Татьяна, хотя вот в

ней-то пожилой зам был не уверен в первую очередь. Слишком эмоциональная дама... Неужели сдержала бы свое возмущение и не бросилась к Лане со слезами сочувствия? Тем не менее, когда Лана с Матросовым, о чем-то на ходу болтая, вошли в рабочую комнату, их встретили спокойным: «Привет!» Только Сергей бросил гневный взгляд на Сашу.

## Глава 7

«От тюрьмы да от сумы не зарекайся... не зарекайся», - бубнил в голове голос. Кажется, это был голос следователя Приходько. Олег (хоть в этом ему повезло) был в камере один. Он лежал на голой скамье, подтянув колени к подбородку и обхватив себя руками, чтобы хоть чуточку согреться. В помещении было страшно холодно и в то же время душно и смрадно. Олег хотел пить, есть, в горячую ванну... на свободу.

Что за бред творится в последнее время вокруг них? Фотографии эти - сделаны так, что любой дилетант распознает подделку. Похитили Тимку - и сразу вернули (слава богу!). Словно дразнит кто-то, попугивает. И почему вдруг на него убийство вешают? Но даже не допросили толком...

Заскрежетал в замке ключ, двери отворились, и охранник крикнул:

- Камнев, на выход!

Олег встал, подтягивая джинсы, - за ночь они стали велики, спадали без ремня. Хорошо хоть ботинки на липучках, а не на шнурках, а то шаркал бы сейчас...

- Лицом к стене, руки за спину! Вперед! - командовал охранник.

Вот и знакомый кабинет № 5. Охранник ввел Олега. Следователь Приходько стоял перед своим помпезным столом, держа в руках какие-то бумаги.

- Вы свободны, Олег Дмитриевич. Ваше алиби на время убийства гражданки Карцевой подтвердили в службе «Скорой помощи». Распишитесь вот здесь, и - желаю здравствовать.

Сегодня Приходько любезно улыбался Олегу, обнажая десны над желтыми зубами.

Олег молча подписал то, что требовалось, молча взял из рук Приходько какую-то справку и молча развернулся, чтобы уйти.

- А вещи? - остановил его Приходько. - Или вы на радостях по морозцу в рубашке домой помчитесь? Вот ваша дубленка. Вот мобильник, часы, кошелек с пятьюстами восьмьюдесятью тремя рублями и десятью копейками... Нам чужого не нужно!

Продолжая молчать и глядя в бегающие глаза следователя, Олег вддел ремень в джинсы, надел часы, короткую свою дубленку, развернулся и пошел к двери.

- Всего вам доброго, Олег Дмитриевич! Привет от меня передайте своей прелестнейшей супруге! - ерническим тоном проговорил ему вслед Приходько.

Но Олег так и не сказал ни слова.

На улице был снег. Первый. Крупный, пушистый. Олег задрал голову, и снежинки ласково защекотали лицо, заставили зажмуриться...

Домой можно было быстро доехать на троллейбусе - всего-то две остановки. Но Олегу захотелось пройтись под этим снегом, по благоухающим всеми запахами свободы улицам. Он достал телефон - зарядка еще была, - позвонил Лане.

- Олешка, ты?! - моментально откликнулась она. - Ты где?

- Стою возле ментовки, свободный и озадаченный. Лань моя синеглазая, как я по тебе соскучился!...

- А я-то как!... Ты сейчас что будешь делать?

- Домой пойду, отмываться. Как хорошо на воле-то... Снег какой, видишь?

- Да! Я тоже по улице иду! И сейчас тоже пойду домой - и плевать на все дела! - ликующе закричала Лана. - До встречи!

- До встречи...

Они одновременно отключились, и Олег пошел, глубоко вдыхая запах первого снега - вкусный, чистый, неповторимый. Радость была круглой, сияющей - как елочный шар. Но внутри этого шара скреблось и перекачивалось постороннее чувство - то ли досада, то ли разочарование. Вот опять: арестовали - выпустили. Попугали. Кому это все-таки нужно?

На углу прикрывала свой товар пленкой продавщица прессы. Олег бездумно окинул взглядом глянцево-журналы, пестрые газеты - и тут увидел заголовок «РЕДАКТОРА «Объектива» ЗАКРЫЛИ».

- Дайте «Параллель», пожалуйста.

Он развернул газету, стал на ходу читать. Так вот оно что! Вот зачем все делалось! Интересно, а не идет ли следом человечек с ножичком в кармане?... Да нет, им это сейчас не нужно - его убивать. А то вдруг ненароком вместо парии станет героем...

Олег скомкал газету, сунул ее в кстатипопавшую урну. И пошел было дальше, но вдруг остановился - так резко, что в него врезался кто-то из идущих следом.

- Не может быть... - пробормотал он вслух. - Не может быть. У меня мания величия...

\* \* \*

...Какими стали ее глаза, когда он ей приставил к груди пистолет! Сначала в них было привычное глумление, потом удивление, а потом - ужас. Все эти выражения промелькнули мгновенно, но в его воображении они растягивались, и растягивались, и растягивались: глумление- у-д-и-в-л-е-н-и-е-ууу-жжж-ааааа-ссссс...

Теперь он начнет с чистого листа. Через полгода получит после тетушки (глумлениеудивлениеужас) наследство (а там и квартирка, и машинка, и золото-бриллианты), продаст все, и мамин (царствие ей небесное, бедненькой) домик продаст - и уедет в такое место, где никто его не знает. В Штаты... Нет, ну их! В Грецию - к теплему морю...

Господи-господи, как же он ее боялся, тетку свою! И мать ее в последнее время боялась. Почему? Да потому, что знала тетушка, кто отцу помог на тот свет перебраться...

Вспомнив отца с пылесосным проводом в руке, которым он все время избивал и его, и мать, он

крепче зажмурился, натянул одеяло на голову и начал подробно вспоминать ее глаза, когда он приставил ей пистолет к груди...

«О, моя королева, - думал он. - Я сегодня сделал первый шаг к тебе!»

\* \* \*

Борис Викторович занимался своим любимым делом: подбирал стихотворения для очередной публикации в рубрике «Слово». Эта полоса и еще одна, «Преданья старины», на которой публиковались очерки по краеведению и истории, были в полной власти пожилого зама.

Когда-то он окончил пединститут и несколько лет был учителем в сельской школе, преподавал русский язык, литературу и историю. Уже в то время публиковался и в городских газетах, и в центральных. Он очень долго работал в областной «Правде», из них лет пятнадцать - в должности ответственного секретаря, и уже было собрался уходить на пенсию, но возник Олег и предложил ему стать его заместителем.

- Мне подсказали, что вы - прирожденный редактор, тонко чувствуете слово, а я хочу, чтобы в новой газете материалы выходили не только объективные, но и грамотные, хорошо написанные.

Олег не прогадал, уполномочив Бориса Викторовича править материалы своих журналистов. По натуре его заместитель был человек мягкий, деликатный. Но только не с текстами! Никто из пишущих сотрудников «Объектива» косноязычием не страдал. И правку дяди Бори, как между собой звали они зама, порой не сразу замечали. Но, побывав в его руках, статьи волшебным образом приобретали особый аромат.

- И как я сама не догадалась из этого предложения сделать два!... А здесь всего два слова поменять местами! Ну дядя Боря, ну ювелир! - восхищалась Лана.

Олег подбирал людей для своей газеты очень тщательно, и далеко не все его нынешние коллеги были журналистами по образованию. Саша Матросов, например, окончил юрфак - потому и занимался в газете журналистскими расследованиями. Таня, как и Борис Викторович, имела диплом учителя. А Костик и вовсе был врачом. Но журналистами рождаются. Специфика образования позволяла каждому сотруднику газеты выбрать свою тему. И потому, вопреки высказыванию Козьмы Пруткова о том, что нельзя объять необъятное, «Объектив» сумел разместить на своих двадцати четырех полосах все - от политики до юмора.

Сегодня, конечно, настроение в редакции было подавленное. Борис Викторович с утра собрал всех, как мог настроил на работу и сам сейчас старается делать все как! всегда... Охо-хо-хо, что же будет? Что будет?...

За дверью кабинета послышался топот, дверь с шумом распахнулась, отлетев к стене и, ударившись, поехала назад. Чья-то рука нетерпеливо толкнула ее, и на пороге возникла встрепанная и красная Татьяна.

- Борис Викторыч, да что же это такое! - чуть не плача, закричала она. - С троими, фу ты, с тремя... или с троими?

- С тремя, - разрешил ее сомнения Борис Викторович. - А в чем дело-то?

- Ну вот, на сегодня договаривалась... И все - все! - отказались от встречи! У одного совещание,

другая в срочную командировку уезжает, третий... Третий сказал, что не хочет иметь дело с нашей газетой!

Борис Викторович смотрел на Татьяну приоткрыв рот. Неужели всего одна статья в неуважаемой «Параллели» способна разрушить репутацию и Олега, и его издания? Он закашлялся и начал шарить по карманам, не видя, что пачка сигарет и зажигалка лежат на столе, прямо перед ним. Татьяна плюхнулась на стул у его стола и, схватив ату пачку, вытащила из нее две сигареты, прикурила их, протянула одну заму. Некоторое время оба молча дымили, глядя друг на друга вопросительно.

- Видишь ли, какое дело, - начал наконец Борис Викторович, и эта фраза сказала Татьяне о том, как он волнуется. - Мы, Танечка, не должны впадать в панику. Ну, не хотят с нами иметь дело - и не надо! Мы не сделали ничего плохого, наша совесть чиста. И Олег... Дмитриевич, вот увидишь, тоже ни в чем не виноват! Они пожалеют... еще как пожалеют, что так легко поверили во всю эту параллелевскую бредятину!... - Он помолчал, посмотрел на портрет своего любимого Пастернака, словно советуясь с ним о чем-то, продолжил уже спокойно-убеждающе: - Народ просто растерялся, не знает, как себя вести... Подождем. Вытаскивай, Танюша, запасы, дописывай, дорабатывай... Ничего, все наладится... Кто там еще есть в редакции?

- Костик свою полоску делает. А у Маринки тоже что-то сорвалось, но она уже занялась другим материалом. Саша весь в сериале. Сергей ушел куда-то, Лана тоже на встречу с кем-то ушла...

- Ну вот, видишь... Все работают, никто не кричит: Братцы, разбой!» Было бы на чем написать, а что написать - найдем! Иди, Танюша, хватит мои сигареты стрелять!

А через два часа позвонила Лана и сказала, что в редакцию сегодня больше не придет, потому что Олега освободили!

Саша не сомневался, что его редактора отпустят очень скоро. И в том, что успокаиваться рано, тоже не сомневался. Задержание вкупе со статьей в «Параллели» было акцией, что тут непонятного?

Он закончил статью о рестораторе, отдал ее Борису Викторовичу и пошел домой.

Жил он вдвоем с матерью в ее, как она шутя называла, «родовом особняке», кстати, недалеко от новых домов. Мама его была «голубых кровей», сильно разбавленных еще до 1917 года разночинской кровью, а после революции - и пролетарской. Маленький и старый каменный дом располагался в «тихом центре» за высокой каменной же оградой с железными резными воротами. Саша очень любил этот домик, в котором только десять лет назад появились газ и водопровод. Любил тенистую улицу с булыжной мостовой и корявым донельзя тротуаром, сквозь трещины которого пробивалась по весне упрямая травка-купавка. Даже лягг трамвая любил. Привык засыпать под него с младенчества - вместо колыбельной.

Он подошел к воротам и удивился: почему молчит Вулкан? Пес всегда чуял хозяина издалека и начинал радостно влзлаивать и повизгивать, когда тот был еще в сотне метров от калитки. Саша вошел во двор, подошел к будке: Вулкана нет, цепь перекушена каким-то мощным слесарным инструментом...

- Сашенька, это ты? - взволнованно окликнула его с крыльца мать.

Саша, бросив огрызок цепи, торопливо поднялся с корточек и торопливо пошел к дому, тревожно приговаривая:

- Мамуль, не стой раздетая на холоде! Опять каш

лять будешь.

Шестидесятивосьмилетняя Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, директор краеведческого музея, успевала еще и лекции в университете читать, и писать исторические очерки в «Объектив». «Голубая кровь» чувствовалась в ее царственной осанке, в строгой элегантности. В том, что никто и никогда, даже Саша, не видел ее непричесанной, в халате. («Мой мама самых честных правил», - смеялся Саша.) Она была всегда невозмутима и иронична. Но сейчас ее худенькая фигурка как-то сжалась, в глазах затаился страх.

- Сашенька, чтобы вот так увести нашего Вулкана - это надо быть...

- Ма, дай лучше поесть чего-нибудь, - намеренно грубовато, чтобы отвлечь ее от мыслей о собаке, сказал Саша.

Екатерина Кирилловна моментально выпрямилась, укоризненно глянула на сына, но на кухню пошла и оттуда сказала виноватым голосом:

- Извини, но у нас только кефир и бутерброды.

- Нормально! - откликнулся Саша, открывая пришедшее сообщение: «Проверь почту».

Саша включил компьютер, вошел в почту - и не сразу понял, что видит. А когда понял, его сердце, подпрыгнув, стало в горле комом. На экране два черных пса атаковали третьего. Тот яростно, но, видимо, из последних сил оборонялся. Это был Вулкан. Черные псы в дружном броске сбили его с ног, в следующий момент экран заслонило что-то темное, а потом камера уперлась в лежащего на земле Вулкана, из шеи его, пульсируя, хлестала черная кровь. Изображение увеличивалось - до тех пор, пока экран не заполнила голова пса с оскаленными в предсмертной судороге зубами. Внизу побежала строка: «Кто теперь будет охранять твою маму?»

- Сашенька, все готово! - крикнула из кухни Екатерина Кирилловна. Саша быстро закрыл изображение. Какая сейчас еда? Какие бутерброды с кефиром?!

А ведь придется есть, чтобы мама не начала расспрашивать, отчего у него вдруг пропал аппетит...

Эх, Вулкан, Вулкаша... Как же ты подпустил к себе эту сволочь?

## Глава 8

Олег, подстегиваемый мыслью, которая остановила его среди улицы, купил еще один экземпляр «Параллели» и быстрым шагом пошел домой. Там он, торопливо сбросив куртку и ботинки, прошел на кухню, сел на диван и начал кропотливо изучать пресловутую статью. Его задержали в понедельник вечером, а утром вторника уже была эта публикация. Значит... Значит, ее готовили заранее. И значит, тот, кто задумал акт попрания чести Олега и его газеты, планировал и... убийство той женщины?! Или в «проект» вмешалась случайность, которая была на руку «проектировщику»?

А фотографии? Чтобы их сфабриковать, надо было наснимать их с Ланой, а это было полгода

назад. Значит, кому-то они сильно мешали уже тогда?

Олег пошел в «кабинет-гостиную», вытащил из книжного шкафа подшивку «Объектива» за первые месяцы этого года и понес ее на кухню, чтобы полистать их, сидя на диване - месте, где ему всегда думалось лучше всего.

Это был не какой-нибудь «уголок», обтянутый синтетической кожей или бархатом. Это был не предмет мебели, а нечто, обретшее имя собственное: Диван. Ветеран, перешедший по наследству уже третьему поколению Камневых. Из его съемных подушек и валиков строил в раннем возрасте «халабуды» Олег, потом маленький Платоша, а теперь эти многострадальные детали то и дело уволакивал для тех же целей Тимка. Диван был самым любимым местом в доме для «посидеть с мамой», «повалиться», «соснуть минут шестьсот». И обдумать что-то иажное.

Разложив газеты на столе, Олег закурил. В это время открылась входная дверь, и в кухню, прямо в куртке и сапожках, вбежала Лана. Олег даже встать не успел, как она бросилась к нему, оказалась у него на коленях, и они уже целовались, как будто не виделись сто лет.

Потом они некоторое время просто сидели, бездумно наслаждаясь близостью друг друга. Наконец Лана сняла одну руку с его шеи, потянула к себе подшивку.

- Что это ты изучал? Не евши, не пивши, не мывшись - с головой ушел в какое-то чтиво? Это же наша газета! Что ты в ней ищешь?

- Пытаюсь разобраться, когда это началось и кто может за этим стоять. И кажется, начал что-то понимать... но тут ты пришла. - Олег снова хотел ее поцеловать, но она вдруг отстранилась и несколько мгновений внимательно смотрела ему в глаза. Потом молча встала, и, по пути сняв с себя куртку и сапожки, пошла в ванную.

- Ты куда?

- Ванну тебе приготовлю. Ты тюрьмой пахнешь, - услышал он сквозь шум льющейся воды и пошел следом за женой.

Она сосредоточенно готовила все для купания: доставала свежее полотенце и халат, трогала рукой воду и в сторону мужа не смотрела. Олег постоял-постоял - и развернул ее лицом к себе.

- Что тебя так расстроило?

- Ванна готова, давай ныряй.

Лана отвернулась, но Олег взял ее за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза.

- Говори, о чем думаешь.

- Да ты раздевайся! Ты уже принюхался к себе и не представляешь, как... благоухаешь! - Она начала стягивать с него свитер и майку. - Давай-давай, откисай... - И быстро вышла за дверь.

Пять минут назад его запах не мешал ей самозабвенно целоваться с ним...

- Брезгуете мужем, леди? - обиженно крикнул он вслед. - Ладно-ладно, вот сейчас как откисну, как отмоюсь, да как отбреюсь, да как отдушусь - а потом как отвернусь да как отстранюсь - будете тогда знать, как в трудную минуту... - бормотал он, блаженно погружаясь в душистую

пену.

Чистый, благоуханный, закутанный в банный халат, Олег вошел в кухню, где его приветствовали запахи жареного мяса и разогретого борща. Лана сидела на диване перед накрытым столом. Подшивка газет аккуратненько лежала на валике.

- Олечка, как мы будем реагировать на то, что написала «Параллель»?

- А никак! - весело глянул он на жену. - Приду завтра, как всегда, на планерку в мэрию - и пусть они реагируют. - Он плюхнулся на диван, потирая руки. - Ух, какой я голодный! Лань, давай по рюмочке коньячку, за освобождение?

- Французский коньяк и украинский борщ - это мезальянс! - засмеялась она, но достала пузатую бутылку и рюмки.

Сначала они ели, потом пили кофе, потом ходили встречать сыновей, и все это время оба старательно избегали прерванного на кухне разговора.

Только вечером, когда мальчишки ушли к себе наверх, а Олег наслаждался сигаретой, лежа на любимом Диване, Лана, домыв посуду, под села к нему.

- Тебе не понравится то, что я собираюсь сказать, Олечка... Но я все равно скажу. И я не только скажу - я буду с тобой спорить и ссориться, пока ты не согласишься со мной.

Олег заинтересованно приподнялся, опираясь на локоть. Такой... учительский тон, такая выверенность фраз... Готовилась.

- Ну так вот: я знаю твой характер - ты всегда идешь до конца в поисках истины. А я тебе скажу: не надо мне никакой истины, никакой победы над негодьями, если это дается такой ценой! Мы сейчас не рядом с догадкой ходим - а по самому что ни на есть краешку пропасти!... Нет, Олег, если ты намерен кого-то искать, я...

Но тут ее горячую речь прервало тиликанье домофона. Олег глянул на часы:

- Скоро одиннадцать. Кто бы это? - Он поднялся с Дивана и пошел в прихожую. Взглянул на экранчик домофона и успокаивающе крикнул Лане: - Это Саша!

- Извините, что поздно и без звонка, - вместо приветствия сказал Саша, когда Олег открыл дверь квартиры.

- Ты чего такой бледный? Заходи, давай! Сейчас чайку...

- Мне почему-то кажется, что чай ему сейчас не поможет. Ему надо поесть... а сначала - выпить чего-нибудь покрепче, - взглядевшись в лицо Матросова, сказала Лана.

- Вот от коньяка точно не откажусь! - Саша улыбнулся тенью своей обычной улыбки. Он сел к столу и полез в один из множества явных и скрытых карманов своего неизменного джинсового жилета. - Вот что мне сегодня... преподнесли. Я бы раньше пришел, но пока мама спать не легла, не мог это распечатать.

Он одним глотком выпил налитый Олегом коньяк и болезненно зажмурился.

Лана охнула при виде изображения мертвой собаки и надписи.

Саша открыл глаза. В них была боль и растерянность.

- Они мне целый фильм прислали, как мой Вулкан...

как он с двумя бойцовыми псами сражается и...

Бойцовые собаки... В голове Олега мелькнуло воспоминание.

- Пойдите! Мы же летом писали о том, что какие-то собаки козу загрызли. Вроде в загородном доме у Царькова питомник...

- Да, Олег Дмитриевич, так оно и есть.

- Что ж, это либо оплошность, либо вызов.

- Какая оплошность? Какой вызов? - закричала Лана. - Олег, ты что, не понимаешь? Эти собаки могут нагрызть и съесть любого! И косточек не останется! О господи, спасибо тебе, что этого еще не случилось... Олег! Тошка и Тимка дети, ты представляешь, что...

- Лана! Замолчи сейчас же, успокойся! Все я понимаю.

Они долго сидели молча. Наконец Олег сказал:

- Ладно. Оставим их в покое.

Ох, и гадко стало у всех троих на душе...

\* \* \*

Имена врагов были названы.

Желание врагов решено было исполнить.

Значит, все трое - трусы?

Олег трус, потому что велел Матросову молчать. Отменил бросок на амбразуру.

Саша трус, потому что почувствовал облегчение, получив распоряжение от главного редактора закрыть тему. (Кто теперь будет охранять твою маму?)

Лана трусиха, потому что... потому что у нее два сына.

Что тут непонятного? Все мы люди, все мы человеки...

Во дворе Саша присел у будки Вулкана, рассматривая огрызок цепи. Вулкана растерзали собаки. Олег прав: хоть и косвенно, и слабенько, но это доказывает, что его украли по приказу Царькова. Да, Вулкаша, жизнь свою ты отдал не сразу, в борьбе, это хоть как-то утешает. А я не могу так, как ты. Потому что кто тогда защитит мою маму? Я не могу, не могу подвергать ее опасности...

И жить с этим я не могу. Что же делать-то?

Саша, не чувствуя холода, все сидел на корточках, опершись локтем на крышу будки, из которой пахло псиной. Он вдруг вспомнил, как семь лет назад, тоже зимой, Вулкан появился в

их доме.

Саша тогда еще был студентом. Однажды ночью он возвращался со свидания. Шел по аллее парка, остановился, чтобы закурить, и услышал слабый жалобный звук. Саша замер, прислушиваясь. Звук повторился, он шел из-под тяжелых от заледеневшего снега веток кустарника. Саша присел на корточки и стал шарить в холодной темноте. Вдруг рука его наткнулась на что-то мягкое. Он потащил это что-то, и оно запищало громче, отчаяннее... Щенок! Почти замерзший... Саша сунул его за пазуху и побежал домой.

Остаток ночи он провел, отогревая щенка и отпаивая его теплым молоком. Заснул, пристроив сыто сопящего, вполне ожившего щенка на своей подушке, прикрыв до носа одеялом. В таком положении их и увидела утром мама, тихонько вытащила псеныша, вымыла, снова напоила молоком. Когда Саша проснулся, щенок уже крутился на кухне у ног Елизаветы Кирилловны, и его звали Вулкан...

А теперь эти твари безжалостно погубили его пса. Чтобы он, Александр Матросов, испугался?!

Олег и Лана лежали в кровати, каждый на своей половинке, притворяясь друг перед другом, что спят. Это было очень трудным и абсолютно новым для них занятием. Хотелось ворочаться с боку на бок, вздыхать, Олегу вдобавок еще и курить хотелось. Но самым неприятным было то, чего им обоим не хотелось. А не хотелось им делиться друг с другом одолевавшими их мыслями. И это с ними тоже произошло впервые за пятнадцать лет.

Перед глазами Ланы словно крутили кинолентку, на которой был заснят тот страшный день, когда Олега увезли с пульей в легком. Они шли из редакции обычным путем вместе, когда это случилось: Олег вдруг словно поперхнулся словом, споткнулся, и изо рта у него хлынула кровь... А только что они смеялись, вспоминая, как забавно ползает их полугодовалый Тошка. Он мог тогда умереть... И она гордилась бы, что ее муж не изменил профессиональному долгу, что он - герой. Неужели это могло быть так? Неужели она была такой идейной идиоткой?! Ведь когда он выжил и снова начал заниматься делом Стечкина, она отнеслась к этому как к само собой разумеющемуся. И изо всех сил старалась быть такой же принципиальной, последовательной, смелой, как он.

Но в ту бесконечную минуту, когда она в дверях лифта вглядывалась, смаргивая пелену с глаз, в синее пятно у двери квартиры, когда у нее от страха одеревенело тело, а в голове было только эти слова: «Господи, спаси и сохрани», - в ту минуту глупая романтическая девочка Лана стала взрослой женщиной, матерью, для которой нет ничего дороже, чем ее сыновья. Никто, кроме них, так не дорог. Никто. Даже Олег.

Олега же с двух сторон грызли и раздирали на куски упрямство и разочарование: он не умел сдаваться, он никогда не отступал ни перед какими угрозами - и вдруг он сам сказал: «Оставим их в покое». Вот если бы он один занимался этим делом... Вот если бы не ответственность за других... В том числе - и за жену с детьми. В первую очередь за них.

Но как можно «оставить в покое» тех нелюдей, для которых даже убийство - лишь акция устрашения? Просто предупреждение - так, на всякий случай: а вдруг подействует?

Олег не выдержал - осторожненько встал и на цыпочках вышел из спальни, плотно закрыв за собой дверь. Так же тщательно закрывшись на кухне, он отворил форточку и с жадностью закурил. Выкурив одну за другой две сигареты и все же не накурившись, решил сделать небольшой перерыв. Прилег на Диван - и вдруг очутился в лесу. Надвигалась гроза, было

темно, по верхушкам сосен пробежали мощные валы ветра. Откуда-то из-за деревьев послышался голос отца, он звал маму. Олег пошел на этот голос и увидел, что отец с корзинкой в руке то мечется тревожно по поляне, крича мамино имя, то замирает, прислушиваясь, не откликнется ли она. Отец мельком глянул на подбежавшего сына, сказал: «Мама потерялась! Не могу ее найти!» - потом вдруг сел на траву и, низко опустив голову, с тоской прошептал: «Уж сколько лет ее ищу. Убежала, обиделась, что...»

И тут Олег снова очутился в кухне на Диване. Он сел, помотал головой, приходя в себя. Увиденная картина была такой яркой! Он помнил и запах предгрозового леса, и внезапный после жары холодок, и отца, одетого так, как всегда, когда они ходили по грибы: в клетчатую «ковбойку», старый летный комбинезон и белую тряпичную кепочку...

Как он сказал? «Уж сколько лет ее ищу»? «Обиделась»?

Мамино горе вряд ли можно определить таким маленьким будничным словом - обида. Она все что-то шептала, глядя на портрет с траурной ленточкой... Все разговаривала с отцом, глядя то его фуражку, то старенький свитер. Иногда и упрекала: «Что ты наделал? Почему о нас не подумал?» Да, тогда, перед тем как самолет закрутило в смертельном падении, у отца было время нажать на кнопку катапульты. А он хотел понять, почему же эту модель после стольких доработок все срывает и срывает в штопор. И все докладывал «земле» о своих действиях и реакциях машины. Пока не стало поздно.

Значит, там они с мамой не встретились...

\* \* \*

Когда Олег потихоньку вышел из спальни, Лана облегченно вздохнула, повертелась с боку на бок и встала с постели. Подошла к окну, слегка отодвинула тяжелую штору. Все за окном было укрыто снегом, и крупные снежинки продолжали свой танец в свете фонарей.

Лана опустила штору за спиной. Никогда в жизни ей не хотелось полного уединения, а уж Олег ей вообще не мешал. Сейчас же хотелось быть совсем одной - и думать, думать... Странно: Ее профессиональная обязанность: собирать факты, анализировать их, сортировать и комбинировать - разве это не означает «уметь думать»? Почему же ей кажется, что она делает это сейчас впервые в жизни?

Счастье - эмоциональная категория... Тсс! Не спугни птичку! Голубую, певчую - летает себе, сверкает, поет... Заворожила, загипнотизировала. Ее одну? Ее и Олега? Ее, Олега и детей?

Дети. Ее мальчишки. Зачаты в блаженстве. Родились легко. Росли без проблем: рук-ног не ломали, старшим не дерзили, друг в друге души не чают.

Муж. Ее любит, детей обожает, не пьяница, не дебошир.

Дом. Дом есть, и в доме есть - им хватает.

Она. Жена верная. Мать заботливая. Хозяйка... нормальная хозяйка. В доме чисто, еду всегда готовит вовремя.

И работа у них любимая.

Все есть для счастья. Все - счастье.

Зачем думать о том, что хорошо?

Почему же она сегодня - впервые! - обо всем этом думает? И почему так хочется уединиться?

Лана прислушалась: тишина. Олег не идет. Или ему тоже захотелось уединения? Хорошо это или плохо?

С одной стороны - желание взаимное, значит - хорошо.

С другой стороны - взаимное желание каждого побыть друг без друга. Наверное, плохо? Или нормально?

Скорее всего, нормально, - постаралась успокоить се-бя Лана. Ненормально, что до сих пор у нее такого желания не возникало. А у Олега?

Он часто бывал в командировках. И ничего - переживал разлуки без ущерба для своей психики.

А она? И она - без ущерба. Работалось ей в его отсутствие не хуже, чем в присутствии. Дома были заботы-хлопоты.

Фу! До чего она додумается, в конце концов? Что воля, что неволя - все равно?

Неволя? Никогда, ни в чем Олег ее не неволил. Да что ЙТО с ней?!

Неужели она боится, что Олег и Саша все равно будут?... Но Олег же ясно сказал, чтобы Саша бросил эту тему.

...Ну да, сказать-то он сказал. Но она давно и очень хорошо знает Олега.

Утро все-таки настало и собрало всю семью за столом в просторной кухне. Мужчины уже принялись за традиционную овсяную кашу, но ели хмуро, неохотно. Лана, готовя оладьи к чаю, поглядывала на семейство озабоченно. Ладно - Тимка, у него с овсянкой сложились непростые отношения. В младенчестве ел ее за обе щеки, а когда подрос и попробовал более вкусные вещи - шоколад, мороженое, - начал капризничать. Да еще Платон невзначай против каши сыграл. Как-то ставит перед ним мисочку и говорит голосом дворецкого Берримора из «Собаки Баскервилей»:

- Овсянка, сэр!

И вдруг Тимка ни с того ни с сего начинает рыдать.

- Ты что? - обескураженно спрашивает Платон.

- Я не сыр! - кричит трехлетний тогда Тимка, а слезы так и катятся крупным горохом. - Я не сыр! Сыр воняет! А я нет!

Еле-еле ему тогда объяснили, что такое «сэр» и почему Платоша ему так сказал. Но он все равно долго еще обижался и так же долго не ел овсянку.

Потом Лана нашла хитрый ход - шантажировала младшего сына тем, что он не ценит ее труд. Это действовало.

Сегодня Тимка водил ложкой по каше, подперев голову другой рукой.

- Тимошка! - окликнула его Лана. - Ау! Очнись,

ты где витаешь?

Тимка вздрогнул, поднял на мать серьезные глаза и прошептал, словно доверяя тайну:

- Mamочka, каша сегодня совсем несъедобная...

Платон фыркнул, Олег, не поднимая глаз, быстрее заработал ложкой.

Лана зачерпнула кашу, попробовала: варево было соленым-пресоленым...

- Стойте! - растерянно крикнула Лана. - Сейчас же не есть!

Ее мужчины переглянулись и хором захохотали.

Лана тоже засмеялась, главным образом от облегчения, она-то думала, что Олег ест так мрачно из-за всех этих событий.

- Тоже мне рыцари! - сквозь смех закричала она. - Ох... спасибо хоть младенцу... с его истиной! Это я вместо сахара столовую ложку соли всыпала!

Олег любовался хохочущей женой - и понимал посторонних мужчин, и старых, и средних, и таких, как этот практикант Сергей - желторотых. В его жене было то самое «нечто», которое лучше самой красивой красоты. Лишняя изюминка в булочке... Нет, это не про нее! В ней была... чистота. Попробуй сыщи ее нынче в женщине! Все с какими-нибудь комплексами неполноценности... Потому и тонны краски на лицах, и фитнес-клубы, и вечная погоня за «своим стилем». Бедняги боятся быть собой. А Ланка не боится почему-то...

А он боится. Больше всего на свете боится одного - потерять Лану.

Вчера, когда она прямо заявила, что готова бороться не на его стороне, а с ним самим, если он продолжит «наступать на те же грабли», его единая сущность резко разделилась на две. Одна, которая была Олег-журналист, опешила и возмутилась: «Предательница!» Другая, которая была Олег-отец, возмущенно согласилась: «Как ты можешь думать обо мне так плохо?!»

После рассказа Матросова он ощутил гневное бессилие. Ответственность! Еще одна его мука... Хорошо было лезть на рожон, когда он был один. А сейчас он смотрел, как его жена, смеясь, сгребает пересоленную кашу с тарелок в мусорное ведро, ставит перед ними чистые мисочки, достает из шкафчика коробку с хлопьями, а из холодильника - молоко, сыр, еще что-то... Как переглядываются и подмигивают друг другу его сыновья, такие похожие и между собой, и на Ланку, и на него, Олега... Нет, этого он никому не отдаст!

Но разве для того, чтобы все это сохранить, надо смиренно прогнуться перед Злом? Разве, почуяв это смирение, Зло отступит?

Он поднялся из-за стола, потерся носом о теплую душистую макушку жены, ласково подергал торчащую хохолком прядку волос:

- Спасибо, Лань, накормила. Пошел, пора. До вечера, мужики! - пожал он руки сыновьям. - Удачного всем дня.

И вышел из кухни, напевая себе под нос: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир...»

Лана посмотрела ему вслед - и сердце ее сжала тревога: не остановить его, нет, не остановить!...

\* \* \*

Саша тоже почти не спал в эту ночь, под утро забылся, но сразу растрезвонился чертов будильник.

И кофе кончился! И даже чаю нет. Один кефир с бутербродами, которые Саша уже видеть не мог.

- Ма, я сгоняю в магазин! - крикнул он в глубину дома, откуда слышалась негромкая музыка. Екатерина Кирилловна, как всегда, занималась гимнастикой.

- Хорошо, - услышал он ее бодрый ответ.

- Через полчаса, нагруженный пакетами, он вернулся домой. Зажав в зубах один из них, стал открывать калитку и увидел, что в почтовом ящике что-то лежит. Пришлось ставить пакеты на снег. Достал упаковочку с диском. Ни адреса, ни подписи. Еще какие-то ужасики?

- Мам! - закричал он, отгаскивая пакеты на кухню. - Я принес сырье! Можешь готовить горячий завтрак, а мне надо поработать.

- Хорошо! - снова донеслось из недр «родового особняка».

Саша закрылся в своей комнате, включил компьютер, вставил диск и открыл файл. Некоторое время смотрел, потом взял телефон, нажал кнопку быстрого набора:

- Привет, Петрович! Ты где? А-а, понятно. Да мне тут компру прислали, надо вместе посмотреть. И еще нашего главного редактора пригласить надо бы...

## Глава 9

Капитан Васильев ехал домой после суточного дежурства, в которое он плавно перетек из бессонной ночи. Хорошо, что идет снег. Так чисто кругом, так свежо... Вот как раз этого на его службе не сыскать. Только грязь разного рода. И ладно еще, если эту грязь несут преступники - у них задача такая подлая. А вот когда свои...

Как Приходько, например. Ведь Васильев ему все о Камневе принес, в том числе и время, когда он с семьей был в райотделе. Именно в эти часы Карцеву убили... Да не к чему там было придраться! По крайней мере по тем фактам, которые он следаку представил. А если бы он ему и ту фотку, которую в кармане уже неделю таскает, отдал? Ну, от другого следователя капитан и не стал бы ничего утаивать. Хорошо, что заранее знал, кто дело вести будет.

Сейчас дома поспит маленько - если дадут, - и надо с Саньком и этим редактором главным пересечься.

\* \* \*

А теперь его донимали воспоминания, в которых тетка то покупала ему три мороженых сразу, то они шли с ней в парк или на пляж, то она отбирала у отца пылесосный шнур. Она его, своего старшего брата, нисколько не боялась, и если заставляла в их доме скандал с побоищем -

папаша сразу ретировался.

Он мечтал убить своего отца лет, наверное, с шести... А когда ему было тринадцать, он однажды поддерживал отца лестницу - тот что-то делал с проводами на столбе, - поддерживал-поддерживал - и... отпустил. Лестница стала падать, отец автоматически схватился за провода, чтобы удержаться, и его ударило током. Насмерть.

Несчастный случай, - решили все. Правду знал он. И мама. И сошла с ума. И умерла в сумасшедшем доме. Из ее большого бреда тетка тоже все поняла. И тогда он стал ее бояться.

И стал мечтать, как избавится от нее.

А теперь мучается воспоминаниями. Так ли плоха была тетушка?

Но она знала. И наказывала.

И еще - теперь он свободен. Он сделал добро своей Королеве. Он идет к Ней!

\* \* \*

Удивительное дело - капитану Васильеву за все утро никто не позвонил! Он успел увидеть жену и дочку перед их уходом - одна на работу, другая в университет (тоже, дурочка, на юрфак пошла, мечтает следователем быть), спокойно съел котлеты с жареной картошкой, которую ему одному готовили, поскольку его дамы строго блюли фигуры. Спокойно выпил две чашки крепкого чая с плюшками. Тоже для него одного жена печет. Может, любит, а может, холестерином задавить хочет. Принял обстоятельный душ и лег в постель. И спал! И никто не звонил.

Проснулся отдохнувший, поглядел в окно: все бело от снега, ах, хорошо!

Вот бы Господь Бог так и души человеческие освежал, как землю-матушку, посыпал бы их чем-нибудь - и человек стал бы щедрым, честным, добрым и... Да-а.

Пора звонить главному редактору. У него «Объектив», а у капитана Васильева компрометирующие материалы... Где там его телефончик у нас?

- Олег Дмитриевич? Добрый день, капитан Васильев беспокоит. Помните такого? Не найдете для меня минут сорок?

И еще один звонок:

- Але, Матросов, привет, студент! Ну, сговорился я с твоим главным. Ты машину и пластиночку прихватывай и езжай на нашу явочную. Все, жду.

...Сергей маялся, сидя перед столом Бориса Викторовича, который читал его очередной опус - репортаж об открытии нового катка. Зам редактора читал хмуро, без комментариев... Плохой знак. Обычно он то похвалит, то посмеется над ляпом - находится в диалоге с «вычитываемым» журналистом. А с ним, Сергеем, всегда молчит и хмурится. За три недели практики вышли две его крохотные заметульки, да и то в них ни слова автора не осталось - сплошь правка. И две фотографии - их, кстати, дядя Боря хвалил, даже очень. Так, снимает очки, сейчас скажет: «Видишь, в чем дело...» Нет, опять очки надел. Ага, снимки смотрит...

- Сергей, - медленно заговорил зам, рассматривая распечатку с фотографиями, сделанными на

открытии катка. - У вас явно талант фотографа, фоторепортера. Подумать только, какие кадры! Здесь и свежесть взгляда, и умение поймать ракурс... Здесь у вас - жизнь, - он постучал пальцем по распечатке, - а здесь, - палец перепрыгнул на текст, - болото непролазное... Я по уши увяз в скуке, пока читал эти... сколько тут? Примерно сто строчек. Давайте так: отберите три снимка на свой вкус, дайте к ним вкусные подписи и придумайте другой заголовок! Что это: «На катке здоровый дух»?! Идите. Жду вас через час с готовым материалом.

Сергей удрученно кивнул, сгреб листки со своим репортажем, пошел...

Выходя из приемной, столкнулся с редактором, испуганно шарахнулся, опуская глаза, пробормотал: «Здрас-те...»

- Здравствуйте, Сергей, как дела? - вежливо ответил редактор. - Что-то мало вы пишете... Чем сейчас заняты?

- Я... вот, с катка репортаж написал, - показал ему листки Сергей. - Только Борис Викторович завернул на доработку.

- Зайдите-ка ко мне... - Олег взял практиканта за худое плечо и повел в свой кабинет. Там предложил практиканту сесть, сам сел за свой стол и осторожно заговорил: - Вот что, Сергей, время идет, а материалов ваших почти нет. И слабые они... Я не говорю, что вам прямо сейчас стоит начать поиск другой профессии, вы ведь только начинаете. Но... Я говорил и с Константином, и с Борисом Викторовичем, оба они сказали, что вы... - Олег поискал неизбежное определение, - не проявляете инициативы. Что вам мешает раскрыться?

- Да ничего мне не мешает, - пробормотал Сергей, теребя свой «Здоровый дух».

- В коллективе вас вряд ли обижают, не тот у нас народ, - словно не слыша, продолжал Олег. - Не обижают?

- Нет, - не поднимая головы, как второгодник перед завучем, буркнул Сергей.

- Может, у вас финансовые проблемы? Вы не стесняйтесь. Я знаю, как без родителей трудно. Сам в таком же положении в ваши годы оказался.

Сергей как-то странно взглянул на Олега - уж не с насмешкой ли? - и снова опустил голову.

- Не беспокойтесь, Олег Дмитриевич, я... вполне обеспечен. У меня подработка есть и вообще... все нормально. Я постараюсь лучше писать. Я... умею лучше. Можно, я пойду? Борис Викторович мне на доработку только час дал...

- Конечно, идите, - несколько смешавшись, отпустил студента Олег. Интересно, с чего это его на благотворительность потянуло? Сам-то он в свое время ни на чью помощь не надеялся. И грузчиком работал, и уборщиком, даже туалеты на Курском вокзале драил. Ничего, любой жизненный опыт журналисту только на пользу... Почему же он думает, что у этого юноши меньше самолюбия, чем было тогда у него? Только потому, что он похож на ангелочка?...

Да нет же, себе-то не надо врать... Просто ему до сих пор неловко перед этим мальчишкой за ту ревность, которая испортила праздник всей редакции, промучила самого Олега всю ночь, почти поссорила с женой и отпустила только в тот момент, когда Лана сказала: «Для вас, Сергей, я Светлана Платоновна».

Чего он только не передумал в ту ночь после праздника в редакции! И о том, что он для Ланки стар - десять лет разницы! И о том, что он был ее первой любовью, а вдруг она давно остыла? Может быть, с его стороны вообще было нечестно жениться на девчонке, которая еще не поняла ни себя, ни жизни?

А потом она так холодно и спокойно раздавила его ревность, как давят ногой отвратительное насекомое...

Но чувство неприязни к практиканту все же осталось.

...А Сергей сел за компьютер и за четверть часа отобрал три самых интересных снимка, написал вполне приличную «сопроводилровку» и даже заголовок придумал. Отнес все это дяде Боре, и услышал от него: «Ну вот же, совсем другое дело! Ведь можете, когда хотите».

«Да. Могу. Когда хочу... Когда разозлюсь - я все могу. Вы даже не представляете, на что я способен», - думал Сергей, светя в лицо заму тихой ангельской улыбкой.

\* \* \*

Две недели распространители приходили за добавкой: «Объектив» распродался как никогда. А этот номер возвращали пачками. Казалось, город объявил газете бойкот. Даже авторы исторических очерков и художественных произведений начали звонить и просить не публиковать их статей, ссылаясь кто на «сырость» работы, кто на необходимость проверить исторические факты... Город, не дождавшись отчета главного редактора о происшествии с ним, видимо, рассудил так: раз он, редактор «Объектива», после того как с него сняли обвинение, ничего не сказал обо всем этом в своей газете, значит, с ним что-то нечисто. А мы ему так верили!...

В редакции воцарилась атмосфера уныния и расслабухи. Тем более что собирать фактуру тоже стало трудновато: город избегал контактов с журналистами «Объектива».

И тут позвонил капитан Васильев.

Они встретились, как хотел капитан, на свежем воздухе - в скверике недалеко от редакции.

- Красота такая на улице, жаль, посидеть на лавочке нельзя, - пожимая Олегу руку, сказал Васильев. - Давайте ходить, курить и разговаривать.

Они закурили и пошли потихоньку вдоль аллеи.

- Вы как, пришли в себя после инцидента с Приходько? - скользя взглядом по уютно укутаным в снег деревьям, спросил Васильев.

Олега вопрос разозлил.

- Инцидент с Приходько спровоцирован вашей некачественно сделанной работой. Если бы вы собрали все сведения, которые так легко было...

- Брейк, - спокойно прервал его Васильев. - Не говорите о том, чего не знаете. Вот, взгляните-ка на эту фоту, как выражается ваш замечательный Тимка.

Он протянул Олегу потертый конверт. Олег вытащил из него черно-белый снимок: группа людей с автоматами и в камуфляже, среди них - он, Олег, совсем молодой, а рядом - девушка,

тоже в камуфляже, но в белой шапочке медсестры на длинных темных волосах.

- Да-да, эти ребята меня у чеченских боевиков отбили. Надо же, а у меня такой фотографии нет...

- Вы не туда смотрите. На девушку обратите внимание...

- А, это Люба, она наши синяки-царапины лечила после заварушки этой. А что?

- Ты, редактор, разве никого в ней не узнаешь? Ты приглядишься, приглядишься, - вдруг по-свойски заговорил Васильев. - Там, в конвертике, еще снимки есть, сравни...

Олег вынул фотографии - знакомые фотографии...

- Так эта убитая - медсестра Люба?!

- Выходит так. А ты и вправду ее не узнал, или такой артист в тебе погиб?

Олег досадливо поморщился:

- Капитан, что за игру вы затеяли?

Васильев тяжело вздохнул:

- Да, ты прав, Камнев, я непростую игру затеял. Но не против тебя, а вместе с тобой. Если согласишься, конечно. У тебя со временем как? А то я Саньку Матросову встречу назначил. На квартирке одной секретной. Подвезешь?

- Матросову? Так, начинаю понимать... Ну что ж, поехали.

Помещение, куда Васильев привел Олега, и квартирой назвать было трудно. Так, крыша над головой в «хрущобе», той самой, где полы с потолками, а окна с дверьми не успели совместить.

- Ты не тушуйся, Камнев, кухня здесь вполне... благоустроенная. О! Слышишь, Санек там уже шурует. Санек, мы пришли!

- Идите сюда, я кофе варю! - откликнулся Матросов.

Он немного смутился при виде своего редактора. Васильев сел на жидконогий пластиковый табурет, распахнул куртку, кивнул Олегу: садись, мол. Тот последовал примеру капитана. Саша разлил кофе по кружкам. Васильев отхлебнул:

- Мастерство не упало, - и пояснил Олегу: - Санек у нас главным кофеваром был. Ну что, к делу? Сань, ты компьютер притащил? Молодец. Давай настраивай технику...

На диске, который принес Васильев, какие-то люди подписывали какие-то документы. Два типа, не внушающих доверия. Крупно мелькнуло лицо Карцевой, опять-таки крупно - женская рука, ставящая свою подпись. Вот стало видно, что все это происходит в богато обставленном кабинете. А вот и хозяин кабинета - Царьков собственной персоной. Улыбается и говорит, что все подписавшиеся будут ежемесячно получать по 10 тысяч рублей. А вот и документ, который подписывали - о том, что такой-то является соучредителем и совладельцем «Онтель-банка»... А вот и Приходько прорисовался...

- Бумагу, что она сейчас, то есть там, подписала, мы у нее при осмотре квартиры нашли. И кстати, тех мужичков, что тоже там подписывают, Приходько отмазал, не завел дела. Они какую-то пирамидку построили, деньги с доверчивых собрали и уже хотели деру дать, но люди вовремя спохватились, заявление на них написали.

А Илья дело не завел, но денежки велел вернуть. Такой вот благородный следователь. А диск этот мне в карман кто-то подсунул, когда я людей по поводу убийства Карцевой обходил. Кто подбросил, пока не знаю. Ну что, Санек, давай твой диск посмотреть?

- Стоит ли? Он абсолютно аналогичный. Копия этого, - пожал плечами Матросов.

- Нет уж, давай посмотрим, на всякий случай, - возразил Васильев.

Просмотрели и эту запись. Потом, чтобы убедиться, что ничего не пропустили, - опять первую. Все совпадало.

- Петрович, а ты даже не предполагаешь, кто тебя одарил этим диском? Ни времени, ни места не помнишь? - спросил Матросов.

- Ни времени, ни места. Пришел домой, сунулся в карман за сигаретами, а там - это... Но, думаю, кто подбросил, тот и убил. Значит, этот человек был среди опрашиваемых. Только среди них не было тех, кто работает на Царькова. Это я очень тщательно проверил.

- Но это значит, что ее убили не для того, чтобы меня подставить? - обрадовался Олег.

- Похоже, не для того. Но это так кстати случилось, что они даже не ищут, кто это сделал. Приходько ведет дело спустя рукава и собирается в отпуск... Но я убийцу найду! - Капитан помолчал, словно раздумывая, стоит ли выдавать следующую информацию, посмотрел на собеседников с сомнением, но все-таки продолжил: - На Карцеву буквально накануне ее гибели вышел наш отдел по борьбе с наркотиками. Даже слежку еще не успели наладить - и вот... Кстати, при осмотре ее жилья ничего такого не нашли. Вот и думай, кто ее убрал... И еще раз кстати: потерпевшая была любовницей специалиста по связям с общественностью в фирме Царькова. А он до того...

- ...был главным редактором «Объектива». И газета за два года его правления растеряла всех читателей и стала такой нерентабельной, что Царьков ее рад был с рук сбыть, - продолжил Олег. - Думаю, личную неприязнь ко мне бывшего коллеги и нынешнего пиарщика можно понять...

- А почему Карцева участвовала в твоей травле, Камнев? - с любопытством спросил Васильев. - Чем ты ее обидел?

Олег пожал плечами:

- Не помню...

Не будет же он рассказывать мужикам, как сбежал от этой Любаши в палату, где еще человек шесть легкораненых лежали. Не джентльменский он поступок совершил - пренебрег женской страстью. А что было делать? Не любил Камнев напористых и «раскованных» женщин. Всей душой и всем телом не любил... И не любит.

Чеченская эта история была не самым лучшим его воспоминанием. Материалом для очерка -

прекрасным, а воспоминанием - нет. Потому что он в этой истории выглядел отнюдь не героем... Напросился с ребятами в разведку, зазевался (если совсем честно, по нужде отполз в сторонку), получил по голове и очухался только под мат-перемат и короткие автоматные очереди. Вот ребята, которые его у чеченских боевиков отбили, - те да, те и впрямь герои. О них он и писал, и рассказывал.

А потом была еще и Любаша...

Отвели его в полевой госпиталь. Врач сказал, надо полежать, сотрясение мозга в наличии. Вот тут-то его Любаша и взяла в оборот. Женщина она была знойная, опытная. Взяла над привлекательным корреспондентом шефство. На вторую ночь в процедурную палатку его позвала - вроде для укола какого-то, - а сама халатик с себя долой, а под ним - ничего... кроме роскошных форм, конечно. Ну, Олег развернулся - и в палату...

Три дня еще валялся, а потом отправили его домой. «Ну тебя, журналист, - сказали напоследок. - Сначала школу молодого бойца пройди»... А Любаша, помнится, тоже кое-что сказала... «Лучше мне больше не попадайся», - вот ее прощальные слова.

- Может, чем и обидел тогда. Давно это было, - сказал он Васильеву.

- Ну, как хочешь... В личные отношения лезть не стану. Ну, что скажете, господа журналисты? Давайте пишите об этом. А я с газетой к начальству, дескать, разобраться бы надо... Дело и завертим. Здесь же есть тема для статьи?

- Есть-то она есть... Только писать об этом мы, - Саша вопросительно глянул на Олега, - наверное, не будем.

Олег хмуро кивнул.

- Да вы что, мужики?! - опешил Васильев. - У меня только на вас надежда была! Неужели так и спустим на тормозах?!

Олег жестко посмотрел Васильеву в глаза:

- Капитан, а как ты собираешься защищать наши с Александром семьи? Да и свою тоже... Сколько человек в твоей команде? И кто, кроме Приходько, служит Царькову? И кто лепший друг Царькова - знаешь ведь, да? Правильно - губернатор... Он его во всех делах поддерживает. Ты убежден, что и он в их скрытых делах по горлышко не увяз? Только документов у нас на него нет.

- Вот именно! Вот именно! - горячо заговорил Васильев. - На это я и делаю ставку! Лепший друг сдаст Царькова, как только паленым запахнет! И будет он на нашей стороне, и выставит национальными героями!... Мужики! Но ведь если не мы, то кто же?...

Он растерянно смотрел на журналистов. Олег и Саша сидели в совершенно одинаковых позах - свесив между колен руки и понурив головы. Ну и что теперь делать? Что делать двум сильным, храбрым, честным мужикам? Третий сильный, храбрый и честный позвал их с собой на поле боя, и даже оружие в руки вложил... Но как они затеют эту войну, когда враг уже занял самую главную высоту - и держит под прицелом родных людей?...

Наконец Олег поднял голову:

- Капитан, разве мы отказываемся? Но нам с Александром надо все очень хорошо обдумать.

## Глава 10

Влад тоскливо листал готовые полосы своей газеты. Боже-боже, как ему все это надоело!... Эти гламурные сплетни, эти интервью со «звездами»... «Звезды», мать их!... Он задохнется в этой искусственной атмосфере... Ему не нужны такие деньги и такая власть. Нет, не нужны! Все, он больше ничего не хочет.

Но все уже закрутилось, запуталось в такой колтун - по волоску не разберешь. Только резать.

А как отрежешь? А дочка как же? Вон как с тусовкой своей перепутана... И со школой престижной... И с салонами, и с клубами спортивными. Перепутана - переплетена - выросла... Боже-боже, что делать?

Если бы не дочь - жену в расчет можно не брать, - уехал бы в родной город, напросился бы к Камневу в корреспонденты.

Но у Олега сейчас тоже проблемы. А у Влада есть возможность стать совладельцем еще и «Объектива»...

Вот такие пертурбации хочет устроить его главный соучредитель, его хозяин, человек, которого лучше бы он и не знал никогда...

За годы - можно сказать, за многие годы! - работы на Царькова Влад уже не впервые жалел, что связался и с «Прогулками по бульвару», и с этим... бизнес-монстром. Царьков виртуозно владел методом кнута и пряника: одной рукой щедро одаривал, а другую, вооруженную, держал в кармане... Неофиты ловились на его благодеяния - и попадали в рабство, избавиться от которого было... невозможно? Да нет, ради бога, иди на все четыре стороны. Аки наг, аки благ. И без надежды обрести что-то, наготу прикрывающее. Впереди такого смельчака неслась молва, и перед ним закрывались все двери.

Мертвая хватка у Царькова. Вот и Олега он... прищемил. А ведь предупреждал его Влад: тормозни, Камнев... Олег - дурак, он к своему Стечкину вряд ли за помощью обратится. А интересно было бы схватку гигантов понаблюдать...

Так думал Влад, брезгливо просматривая полосы своих «Прогулок», а в душе его болела и словно разгоралась та точка, к которой крепилось его дружеское чувство к Олегу. Да, он всю жизнь завидовал Камневу, но он и гордился им. И больше всего на свете хотел быть таким, как Олег. Когда Олег вдруг стал владельцем собственной газеты, Влад очень удивился: откуда у честного журналиста такие денежки? Потом Царьков рассказал ему, откуда, и Влад позлорадствовал: ага, и ты, оказывается, продаешься... Но сколько ни вчитывался потом в публикации «Объектива», не мог найти в них ни пиара Стечкина, ни... В общем, «Объектив» и впрямь был объективным изданием: профессиональным, интересным, на скандал ради собственной рекламы не нарывался, но и мимо несправедливости с закрытыми глазами не проходил. Причем не смотрел на статус лица или учреждения.

Вот за это теперь на него и наехали. Кому нужна кость в горле? Кто из верхов в наши дни - как, впрочем, и во все иные - потерпит неуправляемую печать?...

Дверь кабинета приоткрылась, и в проеме возникло личико Томуси, молодой корреспондентки

и нынешней Владовой «любви».

- Мне тебя ждать или как? - недовольно спросила она.

- Иди домой, зайнька... - Влад невольно поморщился. - У меня еще много работы.

Томуся фыркнула, как рассерженная кошка, и хлопнула дверью.

Томуси, Ленуси, Ируси... А у Олега Ланка. Ланка... Когда-то Влад ей в день ее рождения серьги преподнес: сапфиры в белом золоте. Она открыла бархатную коробочку, побледнела, глаза сузились, но отказалась от подарка вежливо:

- Извини, Влад, у меня для сережек уши не проколоты. Я их никогда не носила. И, извини, носить не буду, не люблю, мешают...

Серьги он обратно ювелиру отнес, потому что никому больше такое не подойдет. Только Ланке.

А Ланка - только Олегу.

И ни черта у вас не получится Камнева схарчить! Подавитесь! Зубы обломаете!

Ну как же это он номер мобильного Олега не взял! Завтра придется в редакцию звонить...

\* \* \*

- Олег Дмитриевич будет через два часа, я передам ему, что вы звонили, - сказала Владу Ниночка. - Может, поговорите с его заместителем? Он на месте.

- Нет, девушка, спасибо, мне нужен Олег Дмитриевич лично. Я перезвоню.

Влад положил трубку на соседнее сиденье и оперся грудью на руки, лежащие на руле, бездумно наблюдая, как «дворники» сгоняют с лобового стекла падающий и падающий снег. Он уже полчаса торчал в «пробке», продвигаясь вперед буквально по сантиметру. Ожил мобильник. Мелодия вызова от Царькова.

- Да, слушаю вас, Валерий Игоревич.

- И зачем тебе лично понадобился Камнев? - лениво осведомился Царьков.

Опешив, Влад молчал.

- Ты, Владислав Евгеньевич, место свое знай, - ласково посоветовал Царьков и, не дожидаясь, когда немота абонента закончится, отключился. Сзади рассерженно загудели. Влад, очнувшись, понял, что «пробка» двинулась вперед, а он тормозит движение своего ряда. Он тронул с места свою «тойоту».

Вскоре затор рассосался. Машина Влада взяла разбег и полетела по гладкому шоссе, как вдруг ее ударило и сзади, и сбоку, «тойота» завертелась на месте, получая удары уже со всех сторон. Вздуплась подушка безопасности. Что-то огромное, кроша лобовое стекло, вломилось в кабину...

\* \* \*

Сначала секретарь Влада отвечала Олегу, что Владислав Евгеньевич скоро будет. Потом

сказала, что его мобильный не отвечает. А потом позвонила сама и паническим голосом прокричала, что Петраков попал в аварию и теперь в Склифосовского...

Олег позвонил Лане по внутреннему телефону:

- Одевайся, пройдемся.

Лана тут же прибежала в кабинет:

- Что случилось?

- Я же сказал: одевайся! Иди, куртку накинь, шапку надень. Мне фантазия пришла в кафе тебя пригласить. Давай-давай, скорее...

Лана пожала плечами, ушла и через пару минут вернулась одетая:

- Пошли? Спускаясь по лестнице, все же спросила с тревогой:

- Мы правда в кафе или что?

- Можно не в кафе. Можно в скверике погулять. Лана остановилась, преградив путь мужу.

- Олег, что?

- Ничего страшного, Лань, сейчас выйдем, и я тебе все расскажу. Пошли уже! - Он подхватил ее под локоть, и они почти бегом спустились по лестнице, торопливо одолели участок улицы, еле дождавшись зеленого светофора, перебежали на другую сторону и наконец-то оказались в уютном сквере. И как только они туда ступили, Лана остановилась и требовательно посмотрела на Олега. Он обнял ее за плечи и повел по аллейке, на ходу рассказывая:

- Понимаешь, что-то странное опять произошло... Влад Петраков мне звонил, не застал, а теперь в серьезную аварию попал. Я тебе не говорил: мы с ним где-то месяц назад встречались здесь, он тогда меня насчет Царькова предупредил. И вот...

- Ты думаешь, это связано?

Олег помолчал, доставая из кармана сигареты и зажигалку. Потом долго закуривал.

- Иди-ка ты в отпуск, забирай мальчишек и лети в Сибирь, к Пашке, - сказал он наконец решительно.

Теперь молчала Лана, внимательно вглядываясь в хмурое и решительное лицо мужа,. Олег с досадой отбросил плохо курящуюся сигарету, снова достал пачку и зажигалку.

- Не молчи так. Вам необходимо уехать.

- А тебе?

- Мне ничего не угрожает. Знаешь, как у Паши сейчас хорошо? Ребята будут в восторге!

- Не сомневаюсь. И почему бы не поехать всем вместе?

Олег опять начал шарить по карманам, вытащил исчерканный листок и начал его внимательно рассматривать.

- Олег! Если ты в наше отсутствие все-таки собираешься воевать с Царьковым, то так и скажи: я тут кашу варить буду, боюсь вас забрызгать... Ладно, мы уедем. Но только если и ты поедешь... Олег! Давай продадим газету, а?

Олег с болью посмотрел на жену.

- Не узнаю тебя. Когда это ты так быстро сдавалась? Подумаешь, интерес к газете упал! Это все нормально и временно. Потом еще больше читателей будет...

- Потом - это когда? - вскинулась Лана. Помолчала и стала говорить очень медленно и четко, чтобы не сорваться на крик: - Когда ты Царькова в пух и прах разделаешь на страницах, а он тебя - где-нибудь за городом своим собачкам скормит? Тебя или Саньку как автора статей... Или вам обоим какую-нибудь аварию устроит... Мои просьбы оставить эту личность в покое для тебя, видимо, ничего не значат.

Олег снова начал рассматривать исчерканный листок бумаги. Как она не понимает, что отмолчаться нельзя. Нельзя категорически! И даже не потому, что газету уважать перестали и его, редактора, тоже. А потому, что Зло растет на энергии струсивших противников.

Олег смял в кулаке листок и бросил его в снег.

- Лань, успокойся и послушай... сказку, - сказал он.

- Какую сказку? - удивилась она.

- Вот такую сказку... В общем, дело было в Китае, в давние-давние времена. Правил тогда там один мандарин. И однажды прилетел в его сад соловей и запел. И так это пение понравилось мандарину, что он...

- ...взял этого соловья во дворец. А потом его заменили механическим соловьем, и настоящий улетел. А мандарин заболел. Знаю я эту сказку. К чему ты мне ее рассказываешь?

- Да к тому, что настоящее, истинное берет верх над всем, даже над смертью. Только не надо от него отказываться. А тех, кто откажется, Зло пожрет все равно. Ты разве хочешь, чтобы наши дети выросли осторожными трусами, чтобы жили жизнью, похожей на фруктовый кефир?

- Я хочу, чтобы они жили, - отрезала Лана, но в голосе у нее не было той решительности, какую она хотела выразить. Олег прав: если они проявят сейчас... осторожность, противник только обнаглеет.

- Олешка, ты не думай, что я всего этого не понимаю, - растерянно сказала она после тяжелой паузы. - Я просто... боюсь. Я все время вижу, как Тимка лежит у двери, а я не могу подойти к нему... Понимаешь? И... этих страшных бойцовских собак!

Олег обнял ее за плечи.

- Дурачок ты, Лань. Все я понимаю. Именно поэтому нельзя оставить все так, как есть. - Он отодвинул жену на вытянутую руку, заглянул ей в лицо. - Давай оформляй отпуск, собирай детей. Я сейчас Пашке позвоню, пусть встречает.

- А как ты ему наш неожиданный приезд объяснишь?

Олег задумался. Действительно, Пашка может заподозрить неладное. А Олег пока не решил,

посвящать его в эту историю или справляться самому.

- Ну, скажем, что Тошка сибирскую зиму измечтался увидеть, и так эту мечту братишке преподнес, что они оба нас победили. Как тебе такая версия?

Лана с сомнением покачала головой:

- Не знаю, не знаю, Пашка мужик ушлый... Ладно, будем собираться. Олежка, пошли в редакцию, позвоним, узнаем, как там у Влада дела...

\* \* \*

Влад еще не вышел из-под наркоза. Но врач, с которым разговаривал Олег, сказал, что Влада прооперировали, мозг, слова богу, не пострадал. Хуже дело обстоит с позвоночником: перелом со смещением. В общем, жить будет, а вот двигаться - не скоро.

- Поступим так: поедем в Москву машиной, я вас посажу на самолет, а сам поеду в больницу, - положив трубку, сказал Лане Олег. - Сейчас езжай домой, собирай вещи, а я пока закажу вам билеты и введу в курс дел дядю Борю.

Когда Лана ушла домой, Олег опять накинул дубленку и пошел в корреспондентскую.

Еще в коридоре он услышал взрывы дружного смеха, а когда вошел, увидел, что все шестеро работников пера сидят с чашками в руках и внимают Костику, который рассказывает что-то, видимо, очень смешное. Появление главного редактора прервало повествование на полуслове, все оглянулись на звук раскрываемой двери и замолчали.

- Саша, пойдем, ты мне нужен, - позвал Олег Матросова. - Куртку надень! - И бросил коллегам с добродушным ехидством: - Продолжайте веселиться, делать-то вам нечего...

Во дворе Олег сказал Матросову:

- Я убедился: меня слушают. Тебя, наверное, тоже. Что надо сделать?

- Перво-наперво мобильник надо заменить... Олег Дмитриевич, увезите семью куда-нибудь.

- Я сам того же мнения. Куда вот только?

- У меня в Долговском районе тетка с мужем живут. Может, к ним? Там телефона нет, я записку им напишу. Село глухое, старики славные...

- А самому мне в столицу съездить надо. Там друг мой, редактор газеты нашего олигарха, вдруг в аварию попал. После звонка мне. Вот и думай, что хочешь...

- Вообще-то аварию готовить надо. Не следили же они за ним! Нет, скорее всего, случайность, - немного подумав, сказал Матросов.

- И все же съездить надо. Он меня насчет Царькова давно предупреждал, но я не придал его словам значения.

Когда все после рабочего дня разошлись, Саша разобрал телефоны в приемной и в кабинете Олега и увидел два крохотных микрофона, еще одно такое же малюсенькое устройство - зернышко кофейное! - обнаружил с обратной стороны столешницы. Кто же это ставил?

Да, в век развитых электронных технологий попасть под наблюдение проще простого...

\* \* \*

- Ну как, Лань, вещи собрала? Я билеты заказал, Пашке позвонил, завтра в шесть утра выезжаем, - говорил Олег, а сам писал на листочке: «Сейчас берем вещи, ловим такси и едем на автовокзал. Молчи. Вернее, говори о том, как поедem ЗАВТРА». Ланка кивнула, прикусила губу и большими глазами посмотрела на Олега.

- Олeжка, давай поедem на моей машине, я техосмотр позже тебя проходила, - сказала она первое, что пришло в голову, одновременно написав: «Какой план? Куда едем-то?»

- Я уже свою подготовил. Да не волнуйся ты, - ответил Олег, на бумаге отвечая совсем другое: «На автобусе поедem в одну деревушку, там какие-то матросовские родичи живут. К ним».

- Ну, как скажешь, - вслух ответила Лана на оба заявления Олега. - Пойду посмотрю, спят ли мальчишки.

«Как же им сказать? - подумала она. - Тимка может что-нибудь ляпнуть...»

Она прошла в спальню к мальчишкам и с облегчением увидела, что Тимка спит, а Платон сидит за компьютером. Лана приложила палец к губам и подала сыну листок, на котором была их с Олегом переписка. Он прочитал и посмотрел на мать с испугом и пониманием, взял ручку и написал: «Давайте на дядь Пашину половину Тимку перенесем. Через площадку». Лана прочитала и показала Платону большой палец.

Они перетащили спящего Тимку в двухкомнатку Павла. Но и здесь осторожничали: мало ли что!...

Олег собрал все мобильные телефоны и отнес их в гараж, в свою машину. Потом они потихоньку одели сонного Тимку - он только руки-ноги подставлял, продолжая дремать.

- Я его понесу, а ты сумки, - тихо сказал Платону Олег. Тот молча кивнул. - Ну, все, гасите свет!

Они вышли в ночь, к шоссе. На такси добрались до автовокзала, а там снова взяли такси и отправились к родственникам Саши Матросова.

Олег оставил на попечение стариков свою семью, на той же машине поехал в ближайший городок, а оттуда на автобусе - в Москву.

С автовокзала он позвонил в институт Склифосовского. Ему сказали, что Петраков пришел в себя, но состояние у него тяжелое. Он в реанимации, к нему никого не пускают.

Автобус отправился затемно. Откинув кресло и прикрыв глаза, Олег пытался заснуть, но это ему не удалось. Мысли, как осы вокруг фруктового ларька, вертелись вокруг происходящего в его жизни: «Звонить Пашке или нет? Насколько опасной эта ситуация может оказаться для него? Может быть, это вообще на него очередной наезд? Наверное, стоит позвонить, вроде бы просто так... Из Москвы, с телеграфа позвоню, - решил он. - Интересно, они уже обнаружили, что мы сбежали? Противно как: сбежали... Саша уже должен был связаться с Васильевым. Черт, как же мы раньше без сотовой связи жили?»

Рассвело. Олег огляделся: все пассажиры спали. Автобус тяжело, с одышкой, словно пожилой толстяк, двигался по гладкой дороге, мимо заснеженных сонных перелесков, небольших

поселков, придорожных кафе... Олег смотрел в окно, пока глаза утомленно не закрылись и он наконец заснул.

В Москве Олег первым делом купил телефонную карточку и позвонил Павлу.

- О, москвич! - сочно пробасил Стечкин в трубку. - Ты куда подевался-то? Я тебе со вчерашнего дня звоню - дома автоответчик, а мобила твердит, что ты недоступен. Будто я без нее не вижу, что недоступен. Ну, чо, как дела, как семья?

- Да вроде нормально, Паш, ты там как? Бизнес процветает? Болячки не беспокоят?

- Какие болячки, москвич?! Ты чо, не знаешь, что я даже насморком никогда не болел? Не, все нормально! Я тебе чего звонил: завтра-послезавтра в столицу собираюсь, может, и к вам загляну.

- Вот и славно. Дело в том, что я сейчас сам в Москве.

- Ну, так еще лучше! Встретишь меня в аэропорту. А ты чего в столичный град пожаловал. По газете?

- Да не совсем... Проблемы у нас, Паш. Павел помолчал, что-то прикидывая.

- Уж не с Царьковым ли?

- С ним.

- Ага! У тебя тоже... Слушай сюда: созвонись с Самойлычем, он мне говорил, что у него на Царькова какой-то обличающий материал появился.

Совсем интересно! Откуда-то уже и у Льва Самуиловича Фельдмана, адвоката, защищавшего Стечкина по делу «о насильственном отъеме фермы», есть компромат на Царькова.

- Давай, Паш, жду! Сообщи свой рейс... Ах, да, у меня же мобильника нет... Я сам тебе вечером позвоню.

- Бывай, москвич, привет Ланке и пацанам передавай. Ты их береги!

И он отключился.

\* \* \*

- Эх, и почему я не генерал... - Капитан Васильев задумчиво отправил в рот щепотку сушеных кальмаровых стружек, отхлебнул пивка. - Я бы уж это дельце давно раскрутил! Слышь, Санек, а ты не скажешь: и чего это мы с богатеями бодаемся? Может, из зависти, а?

Матросов хмуро пошуршал своим пакетиком с арахисом, потряс его над ладонью, добыл несколько крошек и горсточку соли.

- Ну да, из зависти... Революционеры тоже царям завидовали, а то чего бы им... - проворчал он.

- Ты что, правда, так думаешь? - удивился Васильев.

Матросов посмотрел на капитана, мрачно усмехнулся.

- Я думаю вот что: если мы примем условия противника и ляжем на дно, он, противник, додавит нас поодиночке - все равно. На хрена ему, противнику, вражеские донные бомбочки держать? А если скажем с открытым забралом: «Иду на вы...»

- Ой, какой умный этот журналист Матросов! Как красиво он излагает мысли, приходящие в его интеллектуальные мозги! Бог ты мой! - Васильев закатил глаза, потом со злостью посмотрел на собеседника. - Я тебя не спрашиваю, что да как будет, если то да се! Я вас когда еще призывал к действию! И как ты думаешь - почему?

- Петрович, я ведь не мог против главного переть. Да и прошло с тех пор всего три дня, мы бы и не успели ничего... А ты сам-то почему не подумал, что у нас везде прослушка понаставлена? Тоже мне, великий сыщик!

- Лучший метод защиты - нападение, - задумчиво ответил на это капитан. - В том-то и дело, Санек, что нет у нас в руках достойных улик. Я имею в виду - достойных того, чтобы всем царьковским холуям в нашем управлении их в морду ткнуть! Или ты не юрфак окончил, или не знаешь, что видео - не улика? Вот если бы в прессе шумок прошел...

- А его мало было, шуму про «Рассветовские» выкрутасы? Что ж вы дела на него не завели, когда он частников в аварийное жильё спихнул? - вспыхнул Матросов.

- И-и-и! - по-бабьи протянул капитан. - Ты, милоч, за четыре года подзабыл, что такое правоохранные органы. Нет заявления - нет и дела. А заявлений от граждан - нетути!

Они посмотрели друг на друга, постепенно остывая, и снова принялись за пиво.

- Хоть бы уж главный скорее проявился, что ли... - недовольно сказал Саша.

- Ждать и догонять - сам знаешь... Но меж тем я к вам в редакцию завтра приду - арестовывать убийцу.

Матросов чуть не поперхнулся пивом:

- Убийца - в нашей редакции?! Капитан пожал плечами:

- А чем вы хуже других?...

- Кто?!

- Завтра узнаешь.

## Глава 11

Лев Самуилович Фельдман нашелся в том же офисе, что и во времена «войны» за Пашкину ферму.

- Ага, сударь, вот и вы припожаловали! - встал навстречу Олегу все такой же импозантный, но сильно постаревший за прошедшие годы адвокат. - Знаю, чего вы хотите, но это у меня дома. Вы уж не поленитесь часам к шести подъехать вот по этому адресу... Возьмите визиточку. Здесь и телефоны мои все, позвоните предварительно.

Распростившись с Фельдманом до вечера, Олег поехал в больницу к Владу. Его грызла тревога

за Ланку и сыновей. Как же он заранее не придумал способов связи с ними! А теперь вот пожалуйста - мучайся в неведении.

Олег набрал номер рабочего телефона капитана Васильева, ему сказали, что тот на задании, когда придет - неизвестно. Звонить на мобильный Олег считал преждевременным. Вот посмотрит видео, которое у Фельдмана, тогда...

В больнице Олегу сказали, что Влада перевели из реанимации в палату, что ему лучше, но у него сейчас посетители.

- Может быть, мне тоже можно пройти?

- Ну, попробуйте. У него, кажется, дочь, она надолго.

Накинув халат из какого-то материала, похожего на нервующую туалетную бумагу, и натянув пластиковые бахилы, Олег пошел по бесконечным больничным коридорам. Ага, вот она, палата номер пятьдесят восемь. Из-за неплотно прикрытой двери слышался быстрый капризный говорок:

- ...и всегда, всегда она все запрещает. Папулик, ну разве так можно? А я...

Олег постучал.

- Да, войдите! - разрешил тот же голосок.

Влад лежал на высокой кровати, весь забинтованный и обмотанный какими-то проводами.

- Олег, ты? - Голос его был совсем слабым, но в нем ясно слышалось радостное удивление.

- Я. Как же тебя угораздило, дружище?

- Да вот... поскользнулся, очнулся - гипс.

- Уж не на той ли банановой коже поскользнулся, что и я?

Влад мигнул Олегу и сказал:

- А это, кстати, моя кровиночка Стася, то есть Анастасия. Ровесница твоему Платону. Стася, это мой давний, еще студенческий друг Олег Дмитриевич Камнев.

- Очень приятно, - кокетливо протянула Олегу нежнейшую ручку прекрасная юная особа.

- Стасенька, оставь нас с Олегом Дмитриевичем ненадолго. Сходи в буфет, возьми что-нибудь вкусенького...

- Ну ты, папулик, скажешь, - фыркнула девица. - В склифовском буфете? Да не парься, я найду, чем себя развлечь... Бай! - И, изящно пошевелив пальчиками в воздухе, Анастасия скрылась за дверью.

- Красивая у тебя дочь, - пробормотал из вежливости Олег, но Влад вдруг обрадовался:

- Нет, правда? Мне кажется, она твою Ланку напоминает.

По мнению Олега, на его Ланку могли быть похожи только их сыновья, насколько мальчики могут быть похожи на девочку. Но он не стал говорить этого другу, пребывающему на больничной койке. Вместо ответа он обвел глазами палату Влада.

- Отдельный люкс, - проследив его взгляд, с насмешкой сказал Влад.

- Ну... Не нам с тобой, частным предпринимателям, осуждать состояние государственной собственности.

Да и... здесь вполне прилично. Даже диван и кресло есть. И телевизор. Чем ты недоволен? - Олег придвинул кресло ближе к постели больного, с блаженством в нем развалился и признался: - Ох, устал я! Давай, Влад, говори, что хотел, зачем меня по телефону искал и так далее...

Влад помолчал, видимо, думал, с чего начать.

- Помнишь, я тебе советовал не трогать Царькова? Ты еще тогда, наверное, решил, что я от его имени действую...

- Ну-ну, помню...

- Гад ты, если мог так решить! Я тебя искренне от неприятностей убереечь хотел!

- Стоп, Петраков! - Олег выпрямился в кресле. - Так ты знал, что неприятности будут?

- Нет, тогда я ничего не знал. Но я Царькова знаю неплохо. Он мстительный и... мелкий человек. Зато бизнесмен крупный.

- А звонил мне зачем?

- Ох, Камнев! Да затем и звонил, что удалось разведать кое-что.

- Что?!

- А хочет он газету назад забрать и редактора ее на место вернуть. Помнишь его?

- Байкина Степу? Он забываем! - Олег невесело засмеялся. - Я его перлы своим ребятам иногда на планерках зачитываю. Чтоб они знали, как нельзя...

- Вот ты смеешься... А ведь этот человек опасен. Абсолютно беспринципный, завистливый и честолюбивый. Гремучая смесь, согласен? К тому же он жесток и очень любит унижать человека.

- Влад, да брось! Ну что может сделать какой-то Байкин?! Он лишь служащий Царькова.

- Не просто служащий, а верный и доверенный вассал. Наушник.

- Если судить по его, извини за выражение, очеркам - он просто дурак...

- То, что он хреново пишет, так это бог над нами смилостивился, бодливой корове рогов не дал. Либо, скорее всего, дьявол каверзу устроил, вот таким способом замаскировал своего верного слугу. Олег, мне трудно долго говорить... Главное - запомни: Байкин очень опасен.

Влад еще больше побледнел, глаза словно еще сильнее ввалились, дыхание участилось.

- Влад, прости! Я же совсем забыл, какой ты сейчас... - всполошился Олег. - Может, врача позвать?

- Погоди, послушай меня...

Но Олег уже нажал на кнопку вызова, и через несколько мгновений в палату вошла медсестра. Взглянув на показания приборов, побежала за врачом.

- Вот что я, эгоист проклятый, наделал, - озабоченно и виновато бормотал Олег, бестолково поправляя на друге одеяло. Влад с видимым усилием успокаивающе улыбнулся и прошептал:

- Ничего, обойдется... Учти: главный твой враг - Байкин.

Пришедший врач выпроводил Олега из палаты, и он слонялся по коридору. Вскоре откуда-то явилась Стася.

- А вы почему не у папулика? - начала она кокетливо, но, увидев лицо Олега, вдруг совершенно нормальным испуганным девчачьим голосом вскрикнула: - Что с папой?

И метнулась в сторону палаты. Олег еле успел ее перехватить.

- Погоди, входить не велено.

Девчонка тут же совершенно по-детски разревелась, размазывая по лицу косметику.

- Не реви, все нормально будет, - погладил ее по плечу Олег, поглядывая на дверь палаты. Он и сам волновался все сильнее: что они так долго не выходят?

Наконец-то врач вышел из палаты и подошел к ним, укоризненно грозя пальцем:

- Больше больного не волновать! Только положительные эмоции. Идите, он звал.

- Так это вы папу разволновали?! - чуть ли не с кулаками накинулась на Олега Стася.

- Я, девочка, каюсь. Сам себя избить готов. Так что бей. - Он встал перед девушкой, покорно склонив голову и опустив руки.

- Не буду я вас бить, много чести! - прошипела она сквозь зубы. - Я вас просто больше не пущу к папе. Никогда!

И скрылась за дверью палаты. Но через минуту эта дверь отворилась, и Стася, все так же сквозь зубы, сказала:

- Заходите, что ли...

Влад выглядел значительно лучше, только глаза у него были сонные-сонные.

- Мне вкололи что-то, сейчас усну... Олег, ты все понял? Ну, успеха. Все, пока...

Веки его сомкнулись, и он тут же уснул.

Олег до тех пор просил у Стаей прощения, пока выражение ее зареванного личика не смягчилось и она, наконец, соизволила его простить., на первый раз.

- Но только попробуйте хотя бы взглядом когда-нибудь папку обидеть!... Я вас тогда... я такое с вами сделаю!

- Хочешь совет, ну, в качестве дополнительного извинения? Нет, два совета, - сказал Олег.

- Ну, и что же это за советы? - уже с привычным жеманством спросила она.

- У меня еще один совет появился, как только ты вот так заговорила: брось ломаться, а? Второй: зови отца как угодно - папой, папкой, батей, даже папулей... Но только не папуликом! И третий совет: не мажься ты так! Ведь всю красоту свою замазала!

Стася вдруг вспомнила, что ревела. Схватила за лицо, испуганно ахнула и, ни слова не говоря, рванулась бежать.

- Тебя отвезти домой? - ухватил ее за рукав такой же, как у него, «бумажной» робы Олег.

- Я здесь ночую! - пискнула она, не оборачиваясь,

выдернула свой рукав из его пальцев и умчалась.

\* \* \*

У Льва Самуиловича Олега вкусно накормили и напоили чаем с яблочным пирогом.

Только после этого акта гостеприимства адвокат повел гостя в кабинет, молча достал из сейфа диск, запаянный в черный полиэтилен.

- Будете сейчас у меня смотреть или уже дома?

- Да ведь я вроде как в бегах, Лев Самуилович...

В речи адвоката моментально прорезались родные одесские интонации:

- Ну и что ж вы молчите за это? Или я должен по цвету вашего носа догадываться о ваших неприятностях? Тогда так: ночуете у меня! И, как говорят у меня на родине, рассказывайте за ваши неприятности.

- Я согласен. Только давайте сначала посмотрим, что там...

- Безусловно.

И замелькали кадры. Вот Царьков деловито беседует с Басаевым, еще с какими-то людьми «кавказской национальности»... Вот Карцева выкладывает из потертого полиэтиленового пакета пачки денег, перетянутые аптечными резинками, пересчитывает пачки, проверяет каждую... Вот в саду загородного дома Царькова за шашлычком сидят с хозяином и тот же Приходько, и та же Карцева, и тот же Байкин, и празднуют они открытие того самого «Онтель-банка» - это ясно из произносимых тостов и разговоров. А это что? Карцева дает что-то, завернутое в бумагу, какому-то человеку и говорит, что цена повысилась, потому что продукт качественный... Человек, видимо, засомневался, развернул сверток, потом раскрыл маленький пакетик, взял то, что было в нем, втер в десны. Все это крупным планом: руки и их манипуляции с порошком... Героин? Кокаин? Интересно, кто смог все это наснимать и как это оказалось у Фельдмана?...

- Как к вам это попало, Лев Самуилович?

- Как попало, как попало... Как попало! Случай, волшебство, удача... Устраивает такое объяснение?

- Не очень, но что тут поделаешь, если других объяснений нет... А оператора съемок вы знаете?

- Если бы знал... Без того, кто все это раздобыл, мы ничего никому не докажем. Ну, люди подписывают бумаги... Ну, кто-то белый порошок передает... Ну, беседует Царьков с одиозными личностями. А когда? А о чем? Может, он их перевербовывает! Уговаривает, чтобы бросили свой терроризм и занялись созидательным трудом! А? Вот так-то... Да если бы и был у нас этот оператор - что с того?

\* \* \*

- Мам, а я с бабой Ксенией корову доил! Только все равно парное молоко пить не буду! - Этими словами Тимка разбудил Лану, можно сказать, спас, потому что она снова барахталась в своем кошмарном ущелье.

- Ну и не пей, кто ж тебя заставляет? Тошка встал?

- Угу, он воду таскает.

- Молодцы вы у меня. Пора и мне свою лепту внести. Иди, Тим, брату помогай. - Лана хотела встать, но Тимка, который собрался было уходить, снова повернулся к ней лицом:

- Ма, а что такое «лепта»?

- Дай-ка мне халат... Лепта? Гм... Так говорят, когда хотят принять небольшое участие в деле... А! Ведь вспомнила, надо же... Лептой называли в древности мелкую монету у евреев. Ну, у русских был грош, а у них лепта.

- А у тебя есть?

- Что, Тим?

- Лепты эти самые, гроши...

- Нет... Эти слова уже в прямом значении устарели, их говорят в переносном смысле.

Лана уже надела под одеялом халат и шла в кухню умываться, Тимка - следом.

- Как это - в переносном?

- Подожди, Тим... Доброе утро, Ксения Павловна!

- Доброе утро, Светочка. Что, не дают сынки отдыху?

- Да мне стыдно прямо, все уже работают, одна я дрыхну, - умываясь, пробормотала Лана. - Сейчас я всем оладушек напеку.

- Вот правильно, побалуешь и нас с дедом. Ему щи да каша, поди, надоели.

- Мам? - потянул Лану за рукав Тимка, упорно ждущий ответа на свой вопрос.

- Пойдем, я тебе яичек, муки, простокваши дам, - позвала хозяйка.
- Тим, я сейчас тебе все расскажу. Будем завтрак вместе готовить и поговорим, согласен?
- Прикольно! - Тимка вприпрыжку последовал за женщинами в холодные сени, где хранились продукты.
- Вот и ты слова в переносном смысле употребляешь, - заметила Лана.
- Как это?
- А «прикольно» - это что значит?
- Клево, значит.

А «клево» что значит? - Лана приняла из рук улыбающейся Ксении Павловны решето с яйцами и мешочек с мукой. Хозяйка взяла еще миску с зерном и пошла на двор кормить кур. Тимка тоже собирался принять участие в этом незнакомом деле, но забыл, потому что тема разговора с матерью оказалась чрезвычайно интересной.

- Клево? А! Это значит - хорошо.
- Вот-вот... Где тут соль и сахар?
- На полочке, мам, вот.
- Так, молодец. Еще соду найти... Ага, вот она...

Такой долгий и обстоятельный разговор с младшеньким, чтобы на все его вопросы, без спешки, за таким приятным и опять-таки неспешным занятием, - не впервые ли за его шестилетнюю жизнь? А когда вырос Тошка - она и не заметила. Все куда-то спешишь, детей - то маме, то в садик. И вправду, нет худа без добра...

- Ну, ма! Рассказывай дальше!
- А что на самом деле, в прямом смысле значит слово «клево»?

Лана уже поставила на плиту сковородку и творила тесто. Тимка задумался. Бедняга, ему не по силам найти связь между глаголом «клевать» и жаргонным «клево». Неисповедимы пути твои, слово...

- Что делают куры с зернышками? - попыталась помочь она сыну.
- Едят.
- А как?
- Клювами... Клюют! Мам, я все равно не понимаю.

- Видишь ли, сын... На, съешь пока оладушек. Такие слова, как прикольно, клево, отпад - и еще много всяких - называются «жаргон» или «сленг». Они образуются загадочным путем, я, честно, не знаю, как. Но когда ты говоришь «прикольно», ты не имеешь в виду, что что-то к чему-то прикалываешь, правда?

- Правда.

- Ну вот. Ты переносишь настоящее значение на ненастоящее. Как бы сравниваешь одно с другим... Как оладьи?

- Клевые... Ой! То есть классные! Ой?

- Нет, «классные» - не очень «ой». Слово «класс» обозначает уровень. Да, Тим, что-то я тебя загрузила... Ты хоть помнишь, с чего разговор этот начался?

- С лепты, помню. А-а, я понял, мам! Люди забыли, что «лепта» - это денежка, а слово не забыли и стали им называть это... ну, как его? Участие...- Тимка вдруг замер, озаренный какой-то мыслью. - Мам! У-част-ие - в нем же и есть слово «часть», да?!

Лана восхищенно посмотрела на своего младшенького, который сидел на табуретке с надкушенной оладьей в руке и глядел на нее широко открытыми глазами первооткрывателя.

- Умница-преумница! Не только понял - еще и пере-понял. Да, да, да!

В эту патетическую минуту дверь открылась, и вошел...

- Сережа? Как ты здесь оказался?

- Меня Олег Дмитриевич к вам послал. Здравствуйте, Светлана Платоновна.

\* \* \*

Оладьи получились пышными и вкусными, все уплетали и похваливали. Но Лане кусок в горло не лез. Она озадаченно поглядывала на Сергея, который тоже, казалось, ел через силу. Он ничего толком ей не рассказал, потому что почти сразу пришли Захар Иванович с Платоном, побывавшие, оказывается, на конеферме, и все сели завтракать.

Наконец все наелись, и Лана увела Сергея в огород, чтобы никто не мешал.

- Сережа, я ничего не поняла. Как ты оказался замешан в это дело?

- Олег Дмитриевич...

- Он что, вернулся?

- Ну...и да, и нет. Там неприятности крупные, Светлана Платоновна. Он мне сказал: бери машину и привези сюда жену. Дети пусть остаются... пока.

Не верить Сергею Лана не могла, поскольку никто, кроме Олега и Саши, не знал, где она с детьми. Значит...

- Едем. Быстрее!

Она побежала в дом. Сергей облегченно вздохнул.

\* \* \*

Редакционная «лада» с трудом преодолевала застывшую кочками грунтовку. Давно бы пора выехать на шоссе, но оно почему-то все не появлялось.

- Что-то мы долго... - наконец не выдержала Лана.

- Я объездными еду. На всякий случай, - не отводя напряженного взгляда от лобового стекла, бросил Сергей.

- Что же все-таки произошло? А, Сереж?

- Олег Дмитриевич позвонил Матросову... Но он тоже «под колпаком», - напряженно следя за дорогой, отрывисто рассказывал Сергей. - И тогда он доверился мне...

А за окном лес все ближе придвигался к почти заросшей дороге.

- Сереж, ты хоть знаешь, где мы?

- Знаю.

Лана все сильнее волновалась, потому что ситуация казалась ей все более подозрительной. Почему Саша выбрал из всей редакции, где есть вполне проверенные люди, этого... мальчишку?

- Господи, когда же мы на гладкую дорогу!... Меня уже укачало!

- Скоро, скоро... - пробормотал Сергей, сворачивая с хоть как-то определяемой грунтовки уж и вовсе на целину.

То ли тряска, то ли волнение было тому причиной, но Лану вдруг сильно затошнило. Она зажала рот руками:

- Скорей останови... Мне... плохо. Сергей встревожено глянул на нее:

- Что - правда? Сейчас!

Машина остановилась, Лана выскочила из нее, и тут же, у колеса, ее вывернуло наизнанку. Сергей заботливо придерживал ее за талию, потом вынес из машины бутылку минеральной воды. Лана умылась, прополоскала рот и осторожно, прислушиваясь к реакции организма, выпила несколько глотков. Больше не тошнило, но голова продолжала кружиться и в ушах противно звенело.

- Ну, как, лучше вам? Давайте по лесу походим, подышим...

Сергей взял ее под локоть, потянул. Лана огляделась. И вправду лес. Заснеженный. Сказочный. И тропинка протоптана узенькая, и дымок из-за деревьев вьется...

- Здесь, похоже, есть жильё?

- Похоже. Проверим?

- Ну что ты, Сергей! Ехать надо, - возразила Лана.

- Сейчас вы отдышитесь, а я вам заодно все расскажу...

Они пошли по тропинке и через сотню метров увидели впереди какую-то избушку-развалюшку под соломенной крышей, из трубы которой и впрямь шел дымок.

- В таких местах без большущей псины обычно не живут, - с опаской сказала Лана. - Пойдем, Сергей, обратно, я уже совсем оклемалась.

Но тот, обернувшись, улыбнулся:

- Нет здесь никого.

И протянул к ее лицу руку. Что-то зашипело.

- А ты откуда... Что...

Лана не договорила и куда-то полетела, полетела... Совсем как в своем страшном сне.

## Глава 12

- Что-то вы, братцы-кролики, совсем разболтались... Татьяна, где Костик?

- Борис Викторович, я что, староста класса? Мне откуда знать, где наш Доктор Жизнь?!

- Та-ак... Разболтались... И распаялись, и развинтились, и...

- И расстроились, как старый разбитый рояль, - пробасил с места Саша. Шла планерка под руководством зама, который, как упомянутый рояль, был и расстроен, и даже разбит. Олег свет Дмитриевич поставил перед фактом: мы с женой отбываем в отпуск, а вас я попрошу остаться... И это в такой момент, когда популярность упала, а с ней - и дисциплина в редакции. И вообще непонятно, чего ждать. А главное, телефоны ни у Олега, ни у Ла-ны не отвечают. О-хо-хо...

- Довольно острить, Матросов. Да, еще и Сергея нет. Он где?

- Да он вроде был... А-а, нет, он собирался в район, вчера машину просил...

- Та-ак. Ну что ж, репрессивные меры к нерадивым сотрудникам применит по возвращении главный редактор. А пока...

Его речь прервала Ниночка. В щелочку приоткрытой двери она прошептала:

- Борис Викторович, здесь милиция пришла!

И тут двери распахнулись широко, и вошедший капитан спросил:

- Кто из вас Сергей Витальевич Кобылкин?

- Зря ты, Петрович, мне не сказал, кого арестовывать придешь. Еще вчера бы его дома взяли! Нет, тебе гласность, драма с трагедией нужны! - злился Матросов.

- Цыц, малек! На кого хвост поднимаешь? - смущенно прикрикнул на него Васильев. - Ну, лопухнулся... с кем не бывает? А ты не будь таким кровожадным! Погуляет лишний часок твой коллега на свободе, и всех делов... Возьмем, не боись...

Они ждали новостей в лишенном уюта капитанском кабинете, утешаясь пакетиковым чаем с сушками.

- Этот... Сергунчик, такой ангелочек на вид, таракана не обидит, и вдруг - убийца! Да еще и киднепер! Офигеть, как все в жизни странно... - задумчиво сказал Матросов. - А как на него вышли-то?

- Да как... Карцева эта - его родная тетка, они друг у друга - единственные родственники. То есть - наследник ваш Кобылкин. Мы когда ее квартиру смотрели, кроме сберегательной книжки, ничего ценного не обнаружили, хотя квартирка упакована - будь здоров! И сумма на ее счету лежит немалая. А ты знаешь, кем и где она официально служила? Медсестрой в районной больнице! Такой диссонанс мне не понравился, и я тщательно покопался в ее частной жизни. Тут и Сергунчик всплыл... И узнал я...

В это время зазвонил телефон, капитан минуту молча слушал, потом положил трубку и подхватился с места.

- Засекли вашу «ладу», ведут по трассе. Едет на юг. Ну, все, я поехал! - А я?

- Что - ты?

- Я, Петрович! Может, помнишь: я пять лет у тебя в отделе прослужил...

Капитан несколько мгновений подумал, потом махнул рукой:

- Ладно, поехали!...

В промозгло-холодном «уазике» Васильев сел рядом с водителем, Матросов пристроился рядом с двумя милиционерами, похожими на переодетых для маскарада подростков. «Совсем ментура кадрами обнищала: на задержание убийцы пацаны едут», - с тоской подумал Матросов.

Неудобно извернувшись на сиденье, чтобы видеть собеседника, капитан продолжил начатый в кабинете рассказ:

- Так вот, Санек, узнал я, что Карцева состояла в любовной связи со Степаном Антоновичем Байкиным, бывшим редактором «Объектива». А нынче он у Царькова связями с общественностью заведует. Как это по-иностранному называется?

- Паблик... - мрачно начал Саша.

- Во-во, этим самым - пабликкрылейшыном. Тьфу ты, я ж про это уже вам с Олегом рассказывал!... Ну, ладно... А племянник Сережа у его крали в подручных ходил, и я хоть неопровержимо сам себе его преступное деяние доказал, но решил походить за ним - мало ли как он связан с нашими фигурантами... А никак! Самостийно он решил Карцеву в расход пустить... И в квартире он после убийства наверняка пошарил. Карцева эта главным дилером и была, поэтому и денежка у нее водились...

Захрипела рация.

- Да! Что у вас? - ответил капитан и тут же приказал водителю: - Едем в Петушки.

- Он в Петушках?! - ахнул Матросов. - Там же Светлана с детьми...

- Черт! Что он задумал? - Теперь у капитана зазвонил телефон. - Да! Что? Куда еще? Так!

Следите, но чтобы ни гу-гу мне! Витя, прибавь газу!

- Что там стряслось, Петрович?

- Он куда-то увозит вашу Камневу.

- Ни фиги себе!!!

Надсадно ревя мотором, машина затряслась по кочковатой районной дороге в почти безуспешной попытке ехать быстрее.

- Это он что, как заложницу ее взял?

- А черт его, психа, разберет! - Капитан снова извернулся в кресле и критически оглядел своих «бойцов». - План захвата надо менять. Да, Санек, напрасно ты с нами поехал... Ну что, орлы, заложников спасать вам еще не случалось? Да, ребята, здесь бы лучше ОМОН...

\* \* \*

В тумане замаячил серый прямоугольник, а на нем - темное пятно. Лана сморгнула и теперь поняла, что прямоугольник - это крохотное окошко, а пятно - лицо Сергея.

- Вам лучше? - заботливо спросил он. - Вот, выпейте.

Он поднес к ее лицу кружку, запахло кофе. Лана дернулась, чтобы сесть и взять питье, но ничего не получилось, потому что ее тело было скручено плотной тканью в тугий кокон.

- Не волнуйтесь, я сейчас все объясню... Она с недоумением смотрела на него.

- Да уж, объясни...

- Я вас спасаю, Светлана Платоновна. Муж вас бросил с детьми в этой деревушке, а сам уже, небось, за границей... А я вас люблю, так люблю...

- Стоп, Сергей! Ты бредишь? Развяжи меня сейчас же! - Лана заворочалась в своем коконе, стараясь освободить хотя бы руки.

- Нет, я не брежу, Светлана... Платоновна! Я вас развяжу, конечно. Но только когда вы все узнаете и согласитесь на мои предложения.

«Он псих, - холодея, догадалась Лана. - Что же делать?»

После дурацкой сцены ревности, устроенной Олегом, Лану поклонение этого мальчишки только раздражало. Он был тихо назойлив: стоило ей войти в их рабочую комнату - вскакивал, помогал снять куртку, тащил кофе... Молча. Как паж... Компьютер ее он постоянно усовершенствовал. И сопровождал каждое ее движение обожающим взглядом. Впрочем, в ее жизни начались такие события, что о существовании юного поклонника она вспоминала лишь тогда, когда видела его.

Но как же он нашел их?!

- Сережа, помоги мне хотя бы сесть...

Он тут же кинулся выполнять ее просьбу, усадил, подсунув под спину какой-то тулуп, еще что-то...

- Вот спасибо! Дай пить! - Он поднес к ее губам кружку остывшего и слишком сладкого кофе. Она сделала пару глотков. - А теперь рассказывай. Как ты нас разыскал?

- Это просто, Светлана Платоновна. «Маячок» в куртке вашего Тимофея. Не понимаете? - Он усмехнулся. Усмешка была жесткой. Сейчас он перестал напоминать ангелочка. - Это ведь я со своей теткой тогда мальчишку выкрал... И убил ее тоже я. Да вы не пугайтесь! Вам я ничего плохого не сделаю. Я убиваю только тех, кого ненавижу! Папаше своему на тот свет уйти помог. И сестрицу его туда же проводил... А вас я люблю. Только вы меня можете спасти.

- От чего спасти, Сережа? - еле шевеля словно заледеневшими губами, прошептала Лана.

- От меня самого. С вами я другой, потому что вы - настоящая. Добрая. Веселая. Справедливая.

Он так и стоял на коленях перед лежанкой с тех пор, как поил Лану кофе. Но теперь его поза стала молитвенной. Он входил в экстаз, и Лана поспешила переключить его мысли.

- Скажи, зачем вы Тимку... тогда?...

Он моргнул, словно очнувшись от чего-то, помолчал, потом поднялся в полный рост и неохотно заговорил:

- Так совпало все... Так в узелок скрутилось... И Байкин вашего мужа из газеты хочет прогнать, и тетка моя ему отомстить хотела... Вы не знали, что когда она в Чечне медсестрой служила, у них что-то было, и он ее потом... проигнорировал? Короче, все эти дела с фотками и с похищением задумывались, чтобы вас рассорить, напугать и... ну, имидж вашему мужу подпортить. Они думали: то да се - и он согласится газету отдать назад. А я тетку взял и кокнул! - вдруг захихикал он. - Я ж не думал, что им это только на руку будет! Просто она меня достала - окончательно и бесповоротно!... Ну, и все, в общем-то. Теперь мы с вами должны уехать далеко-далеко и подождать полгода. Потом я получу остатки теткиного наследства - основное-то я и так уже взял! - и будем жить долго, богато и счастливо!

Лана не сводила с него глаз, и лишь на секунду - на маленькую секундочку - перевела взгляд за его спину.

Но этой секунды хватило: с быстротой кобры Сергей развернулся и выставил вперед пистолет, каким-то чудом возникший в его руке.

- Стоять, или всех убью! - взвизгнул он.

Васильев, почти наткнувшийся на дуло пистолета, медленно поднял руки.

- Тихо, парень, тихо, - успокаивающе пробормотал он.

Но Сергей смотрел не на него, а на замершего в двух шагах от капитана Матросова.

- Ненавижу, - пробормотал Сергей.

Два выстрела прозвучали, казалось, одновременно, и почти одновременно упали двое - Саша Матросов и Сергей.

- За что ж он Сашку-то? - бормотал время от времени капитан Васильев. Пока они с Ланой маялись в коридоре больницы в ожидании, когда закончат оперировать Матросова, капитан словно сдулся, как проколотый воздушный шарик. Лана поглядывала на него - и снова опускала обведенные черными кругами глаза. Ей сильно нездоровилось, и Васильев то и дело требовал, чтобы она тоже обратилась к врачу... Но она упрямо заявила:

- Потом. Вот Сашу вытащат...

И теперь она то и дело бледнела и убегала в туалет. Ее сильно тошнило.

- Может, этот псих траванул тебя, а ты сидишь здесь... Сдохнешь ведь! Мало Сашки мне... - ругался капитан. - Сил моих нет. Старый я, оказывается. Пацана двадцатилетнего взять не сумел!

- Этот пацан был сумасшедшим убийцей, - морщась от подступающей тошноты, утешала Васильева Лана. - Нормальному человеку с сумасшедшим управиться трудно. А за меня не волнуйтесь, это не отравление.

- Нервы, что ли?

- Угу...

- Ох, что-то они Сашку долго штопают... Хоть бы...

- Сашка сильный...

И оба вскочили на ноги, потому что дверь операционной открылась.

- Счастлив его бог, - сказал хирург, подходя к ним. - На миллиметр влево - и не спасли бы. Ничего, парень крепкий, будет жить.

- Ф-фу, ешкин кот, пронесло! - облегченно выдохнул Васильев и ухватил за локоть Лану, которая собралась потихоньку улизнуть домой. - Ты куда? Э-э нет, мы так не договаривались. Пойдем к врачу! Пусть он мне скажет, что ты в порядке, - вот тогда и отпущу.

## Глава 13

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны приема. Sorry...» Эту фразу на двух языках Олег выслушал за нынешний день несчетное количество раз. Капитан Васильев с утра как уехал «на задание», так и отключил свой сотовый. То же было и у Матросова: недоступен...

Уже в восьмом часу вечера капитан Васильев отозвался раздраженным голосом:

- Да! Слушаю!

«Чтоб вы пропали», - слышалось в его интонации.

- Эдуард Петрович, это Камнев. Голос сразу стал радостным:

- Есть бог на свете! Наконец-то! Ну, что скажешь?

- Я в аэропорту, встречаю Стечкина. Новости есть, и много. То есть не новости, а

подтверждение вашим фактам, - быстро выложил Олег необходимую информацию и спросил о том, что его волновало сейчас гораздо больше: - Мои на связь не выходили?

- У нас тут тоже куча новостей, но с твоей семьей все в порядке. Когда тебя ждать?

- Думаю, лучше вам и Саше сюда срочно надо подъехать. С...

- Да понял-понял, приеду - поз... Ах да! Вы звоните, попозже, к ночи.

- Хорошо! Если можно, Лане привет передайте. И Матросову, конечно! Пусть сотовый свой зарядит, а то не дозвонюсь никак!

Васильев что-то неразборчиво буркнул и отключился.

Рано еще информировать Камнева, что Саша в реанимации. Лану он, капитан, самолично вернул в Петушки... Сергей Кобылкин мертв.

Капитан был уверен, что его застрелил кто-то из его людей. Сам не видел - бросился к Саньку. А оказалось - псих сам себе башку разнес. Не был бы психом - стал бы чемпионом по скоростной стрельбе.

Лана всю обратную до Петушков дорогу тихо плакала - то Санька жалела, то этого... самоубийцу. Второго, кажется, даже больше, очень, говорит, судьба у него тяжелая, а такой одаренный мальчик был...

- Ну, хватит уже слезы лить! Он правильно сделал, что пальнул в себя. Что его ждало? Либо тюрьма пожизненно, либо психушка, если бы признали психом. Тоже пожизненно. Ну? - утешал Лану капитан.

- Да, вы правы, наверное, - отвечала она, вытирая слезы, которые текли и текли по ее щекам.

«Так плакать еще уметь надо, - подумал Васильев. - Ни тебе всхлипов, ни... ничего. Красивая женщина и горюет красиво».

- А Саша... И зачем он вообще поехал?

- Ну ты и спросила! Он вам друг? Друг! Он журналист? Журналист! Как он мог не поехать? Ты лучше скажи, что тебе врач сказала!

- Сказала, что я... здорова. - Лана улыбнулось сквозь слезы.

Павел Стечкин из-за своего богатырского роста и телосложения был виден в любой толпе. Но в этот раз за ним, обводя вся и все специфическим взглядом, шли два таких же мощных мужика. «Охрану завел», - понял Олег.

- Москвич! Как же я рад тебя видеть! - Павел сгреб его своими мощными ручищами. - Что-то ты совсем и худой, и бледный!

- А ты, Пашка, ходячая реклама своей продукции: «Питайтесь колбасой и кефиром Стечкина!» Тебе надо во всех магазинах свои портреты развесить. Ух! Здоровяк!

Только, гляжу, сопровождающих завел...

- А, орлов!... Это Аленка условие поставила... чего-то все боится. Вот, мучаю теперь ребят... Знакомься: Иван, Алексей. Леш, прозвони - машину подогнали?

- Уже ждут, Пал Владимирыч.

- Ну, пошли тогда. Я решил к родителям, ты не против у них погостить?

- Погостить - это сколько? - испуганно спросил Олег.

Стечкин засмеялся:

- Да не дрейфь, москвич, завтра уже к твоей Ланке ненаглядной отчалим. Ну, должен же я бату и мать навестить?

- Уф, успокоил. А твои когда возвращаются?

- На днях... У Самойлыча был?

- Был. Интересное кино посмотрел, очень интересное...

- Доказательное?

- Ну-у, насколько видео может быть доказательством для наших правоохранительных органов - да.

- Ты забрал или у Левы оставил?

- Он сам отдал, когда узнал, что прилетаешь. Я ведь у него остановился...

- Вот и ладненько. Я это завтра с утра самому главному прокурору отвезу...

- Даже так?

- Да, я с ним уже по телефону говорил. Сдадим мы этих голубчиков - и баста! Пусть с ними государева служба разбирается, а у нас своя работа. Верно говорю, москвич? Ты, конечно, можешь про все это в газете рассказать, твое право.

- За нами не задержится.

- Слушай, я чо-то не понял: ты чо у Самойлыча ночевал, а не у себя в Жуковском?

- Да ты же наших приключений не знаешь...

И он в общих чертах рассказал события последних недель. Стечкин слушал, хмурился, только когда Олег дошел до похищения Тимки, процедил сквозь зубы: «Вот гля зеленая», - но эта безобидная фраза прозвучала страшнее любого проклятия.

- И теперь я здесь, а мое семейство в Петушках, у родни Саша Матросова. И связи с ними никакой, кроме как через капитана Васильева, - закончил свой рассказ Олег.

- Да-а, натерпелись вы. А все из-за меня!

- При чем здесь ты? Мы и сами с усами. Сашка знаешь как царьковскую компанию в «Объективе» ославил?

- Не-а, москвич, ты ведь мою историю не знаешь. Помнишь, я прошлым февралем к вам в гости приезжал? Ну так я к вашему губернатору ходил и прочее... Хочу у вас в городе свое производство открыть, ваших фермеров поддержать. А губернатор... Он у вас тертый калач, вроде согласился, руку жал и прочее... А насчет строительства, говорит, обращайтесь к Царькову. Только к нему, говорит, он у нас лучший!

- Как не порадеть родному человечку, - прокомментировал Олег.

- Вот именно... Ну, а Царьков начал с того, что назвал сумму, в которую мне строительство обойдется. Я ему на это сказал, что за такие деньги я свой заводик рядом с Кремлем поставить могу... А он мне: дело ваше, а нам, дескать, резону нет в пришлых людях. Мы, мол, и свои производства строим неплохие. Нам, мол, и вашего диверсанта из «Объектива» хватает. А давайте, говорит, вы мне заплатите гора-аздо меньше, только в придачу газету эту вернете. На что я ему ответил, что его строительная компания не одна во Вселенной. Ну, и разошлись на том...

- А я тогда думал, что ты на меня за что-то обиделся, такой ты злющий уезжал. И все-таки ты телегу впереди лошади ставишь. Царьков тебя так встретил потому, что как раз тогда Сашкины публикации про его дела с переселением людей из нормальных домов в ветхое жилье прошли. - Лицо Павла выразило нечто, что Олег истолковал как замешательство. - Ты не знаешь? Ну никакого у тебя интереса к моей газете...

- Ты чо! З глузду зъихав, чи шо? Это как - нет интересу?! - возмутился Павел. - Я каждый номер читаю! И помню, что Царьков наобещал тем людям квартиры вскорости, а потом оказалось, что им ждать лет семь придется. Не интересуюсь, тля зеленая...

- Тихо, тихо!... Прости, ради бога! - Олег, смеясь, поднял руки. Павел несколько секунд смотрел на Олега сердитыми глазами, потом махнул на него рукой:

- Да ну тебя! Расстроил прямо!...

Он еще несколько минут не мог успокоиться, все приговаривал:

- Не читаю я его!... Ишь ты!... Не читаю!...

Наконец Олег не выдержал:

- Да брось ты! Лучше открой тайну: откуда у Фельдмана взялись эти записи?

- А-а, ему какая-то журналистка этот диск принесла.

- Журналистка? А почему сама...

Павел всем телом развернулся к Олегу и посмотрел на него с насмешкой:

- Ты, москвич, всех по себе не мерил бы... Она убитая горем тогда была. Ее сын умер в двадцать один год. От наркотиков. А до этого она с ним намучилась - ого-го! У вас же эти наркотики... ну, не знаю! Там ведь, на видео этом, про наркотики?

- Нет, там про Басаева и «Онтель-банк». А, точно, и порошок там дама одна оптом отпускает...

- Ну, а я чо говорю?!.

Павел замолчал, хмуро глядя в окно машины. А Олега мучили сомнения: ну, хорошо, сдадут

они документы в Генеральную прокуратуру. Но это еще не факт, что делу дадут ход...

- Да, Паш, я же тебе не сказал: тут еще капитан Васильев, мой... знакомый, диск с компроматом на Царькова везет. Должен скоро подъехать, Я его тоже к твоим направлю, ничего?

- Москвич, о чем речь? Звони, расскажи, как ехать...

Тем временем машина, проехав насквозь небольшой подмосковный городок, стала в длинную очередь автомобилей у закрытого переезда. И тут Олег увидел, что рядом торгуют елками.

- Пашка, а ведь совсем скоро Новый год! А я и забыл... Нет, завтра же домой!

\* \* \*

Когда в двенадцатом часу ночи Олег дозвонился Васильеву, тот был уже недалеко от бывшего военного городка, где жили родители Павла. Не прошло и часа, как его машина припарковалась под окнами их дома.

Выглядел капитан так, что Павел подумал: «Пациент скорее мертв, чем жив», - и пошел принести свежее полотенце, а Олег усадил гостя за стол, налил тарелку наваристого борща - не зря Алина Викторовна, мать Павла, прожила в украинском городе Николаеве тринадцать лет, борщи у нее были отменные! - подвинул хлеб, сало, колбасу, сыр... Но капитан ел лениво, еле шевеля ложкой.

- Что, дорога трудная? - сочувственно спросил Олег.

Капитан медленно, преодолевая тяжесть век, поднял на него глаза, вяло махнул рукой:

- Потом... подробно.

После душа только спросил хрипло: «Куда мне?» - и, как робот передвигая ноги, побрел за Павлом. Через минуту из комнаты, где Стечкин уложил Васильева, уже слышался мощный храп.

- Почему я не верю, что он так устал в дороге? - озабоченно спросил Олег, когда они с Павлом уселись на кухне, чтобы спокойно покурить за разговором.

- Ну, я твоего капитана впервые вижу, может, он всегда такой...

- Нет, Паш, он парень энергичный, и нагрузки у него не абы какие... Что-то там случилось - и именно сегодня! Что-то большое и трудное...

- Да все в порядке с твоей семьей, не волнуйся ты, Олег Дмитриевич! Ну, честное ментовское! Вот те крест! - Васильев перекрестился.

Он все утро всячески как мог избегал разговора с Олегом. Потом Павел с охранниками отбыл в прокуратуру, перед этим простился с ними: у него какие-то важные дела в Москве намечались.

- У меня, парни, бизнес не дремлет! - объяснил он. - А потом жену с детьми из теплых краев встретить надо.

- Привози всех к нам, Новый год вместе встретим, - пригласил Олег.

- Очень может быть... - загадочно улыбнулся колбасный магнат.

А Васильев повез Олега к семье. И пришел час во всем признаваться.

- Вот корреспондента твоего боевого я не уберег... Нет, он жив, но... не очень.

- То есть как это понимать - жив, но не очень? Что с Сашей?

- Ранен. Seriously.

Олег растерянно смотрел на капитана.

- Неужели на Сашу люди Царькова покушались?

- Да нет... - Васильев тяжело вздохнул. - Он со мной на задержание поехал. И преступник в него пальнул. Сергей, практикант твой. Это он Карцеву... убил. И сына твоего он похищал, с Карцевой.

О том, что Сергей еще и Лану умыкал, Васильев пока решил промолчать. Мало ли...

## Глава 14

Саша отстегнул цепь от ошейника Вулкана. Пока он это делал, пес повизгивал и нетерпеливо пританцовывал. Как только цепь, звякнув, упала, Вулкан прыгнул Саше на грудь и начал радостно вылизывать его лицо.

- Фу, Вулкан! Рядом! - скомандовал Саша. - Зубы надо чаще чистить...

Пес послушно потрусил рядом. Они шли по высокому заснеженному берегу реки. Внизу простиралась снежная равнина, и Вулкан вопросительно поглядывал на хозяина.

- Можно, - сказал Саша, и они вместе побежали вниз, скользя и падая. На прикрытый плотным настом лед уже не сбежали, а съехали - и побежали дальше, на другой берег, где стоял таинственный, притихший заснеженный лес...

Вот они уже на середине реки. Вулкан мчится впереди. И вдруг раздался треск, визг - и Саша увидел, что Вулкан беспомощно скребет передними лапами край полыньи, но лед ломается под его лапами, и пес все глубже погружается в воду. Саша рванулся, чтобы помочь, но лед под его ногами проломился, и он сразу ушел в воду... От лютого холода свело все тело, воздух, казалось, вышибло из груди, в ушах зазвенело... Потом что-то потащило его вверх, звон обрел какой-то ритм, что-то напоминая. Саша вдохнул и - очнулся.

Никакой реки. Никакой полыньи. И Вулкана, вспомнил он, убили эти сволочи...

А в него стрелял практикант Сережа.

- Эй, - раздался рядом осторожный голос. - Ты пришел в себя?

Саша открыл глаза и увидел немолодую женщину в голубой форме медсестры.

- Вот и молодец! Как себя чувствуешь?

Слово «себя», дважды прозвучавшее, странно подействовало на Сашу. Он чувствовал страшную тяжесть и неудобство от этого «себя». Оно все болело, к нему иголками были приколоты какие-то тонкие трубочки, приклеены какие-то проводочки. В носу «себя» была вставлена трубка. А рядом попискивали приборы...

Он попытался шевельнуться - и не смог. Это тяжелое и неудобное «себя» ему мешало...

И тогда он закрыл глаза, чтобы подумать, как ему с этим «себя» жить, - и заснул. Перестал «себя» ощущать.

Но за мгновение до того, как совсем заснуть, он вспомнил, что раньше он жить без себя не мог. И мама ему говорила: «Как хорошо, что ты себя, наконец, нашел...»

\* \* \*

- Папа! Папа приехал!!! - Тимка с разбегу повис на шее Олега, едва тот успел голову из машины высунуть. - Папа ты мой дорогой! Ну, давай же, выходи уже на воздух! Здравствуй, товарищ капитан!

А от дома бежали Ланка и Платон...

Васильев, с некоторым трудом распрямляясь и разминаясь после долгого сидения за рулем, с удовольствием наблюдал за встречей семейства Камневых. «Смотри-ка, - думал он. - Как они все друг друга любят. Прямо как я и мои девчонки. Скоро и я дома буду. Часика через два. Может, уже и ехать можно?»

- Эдуард Петрович! - спохватившись, окликнула его Лана. - Проходите, надо поесть, отдохнуть с дорожки. А мы пока соберемся. Вы же нас подвезете?

- Так вы что, прямо сейчас и поедете? - удивился Васильев.

- Да! - крикнул Олег, увлекаемый к дому сыновьями. - Пошли, капитан, перекусим горяченького. Щи есть? - деловито спросил он у Тимки.

- Есть и щи, и курицы жареные. Прямо с картошкой запеченные! - радостно прочирикал Тимка, не отпуская руки отца.

- Слышишь, капитан? Прямо с картошкой! - похвастался Олег.

«От счастья люди глупеют, - констатировал Васильев, идя следом за почему-то хохочущими Камневыми. - Хочу домой».

- Может, вам задержаться здесь, пока мы в вашей квартире жучков выловим? - после обеда спросил капитан. Его тревожило, что Камневы легкомысленно едут домой, не зная обстановки в городе.

- Товарищ капитан, вы что? У нас никаких тараканов никогда не было! - возмутился Тимка.

- А может, устами младенца глаголет истина? - задумчиво сказала Лана. - Может, дома и нет ничего?

- Почему ты так думаешь? - спросил Олег.

- Да ведь жучок был в Тимкиной курточке! Его прицепил Сергей, когда они...

Только тут Лана заметила, что Васильев прижал палец к губам: молчи, мол! Но было поздно.

- А ты откуда знаешь? - удивился Олег. Лана растерялась:

- А разве...

- Да, подробностей ареста Кобылкина я ему не рассказывал, - с досадой взглянув на нее, сказал Васильев.

- Ой, я же не знала, что это военная тайна! - смешалась Лана.

- От кого тайна? От меня? - Олег заметно встревожился. - Почему? Что произошло?

- Надо бы в больницу позвонить, узнать, как там Санек себя чувствует, - с преувеличенной озабоченностью сказал капитан, роясь в карманах в поисках мобильного. - Потом обо всем поговорим... Алло! Капитан Васильев вас беспокоит. Не подскажите, как там наш Александр Матросов? Спит? А в сознание приходил?

Некоторое время он молча слушал. Олег, тут же забыв о каких-то тайнах, которые от него скрывают, напряженно следил за выражением лица капитана. И Лана смотрела с тем же выражением то на капитана, то на мужа.

- Ну вот, Санек уже просыпался и опять спит, динамика положительная, - засовывая телефон обратно в карман, бодренько сказал капитан. - Вы чего это скисли? Домой хотели? Ну, так поторапливайтесь! Меня тоже семья заждалась.

\* \* \*

Конечно, «жучки» в квартире Камневых были. Васильев сразу по приезде прислал специалистов, и те все сняли: и на кухне, и во всех трех комнатах, и даже в ванной и туалете. Когда специалисты ушли, Лана прошлась по квартире, вроде бы вытирая пыль, а на самом деле прислушиваясь к своим ощущениям. «Чужая и опасная территория», - вот что с таким опозданием говорили ощущения. Или они это говорили давно, но Лана их не слушала?

Мужчины отправились закупать продукты и, если получится, елку: ведь Новый год через три дня! «Антипаразитная кампания» прошла без них, чего Лана с Олегом и хотели. Сыновьям они старались рассказывать о происходящем поменьше, хотя от Платона уже трудно было что-либо утаить. Ему Лана почти все рассказала. Только про то, что было, когда ее увез Сергей, не стала рассказывать.

Она и Олегу еще ничего не рассказала, с опозданием и стыдом поняв, почему Васильев велел молчать. Ей и в голову не приходило, что капитан просто бережет нервы ее мужа. А сама ведь даже не подумала, что эту историю можно не сразу вывалить, а как-нибудь потом, деликатно.

А может, и вовсе не рассказывать ему про Сергея? Нет, они ведь никогда ничего друг от друга не скрывали...

Она не скрывала.

А он - скрывал! Что там Сергей об этой своей тетушке, убиенной им, говорил? Что у нее с Олегом «что-то было, а потом он ее проигнорировал». Когда же это было? И что - он правда ее не узнал или перед ней, своей женой, притворялся?

Ого! Нет, в последнее время она явно поглупела и стала рассеянной... Тогда, в этой избушке в лесу, она фразу про «игнорирование» вообще как-то... гм... проигнорировала. Не до того ей было... А сейчас вот вспомнила.

И хлынули воспоминания, подозрения, сомнения. Никогда она не знала ревности и недоверия, а сейчас вдруг начали всплывать перед глазами какие-то моменты их жизни, и она их видела совсем по-другому.

Когда Олег был в Чечне в первый раз, они еще не были знакомы. А когда во вторую командировку ездил - уже были женихом и невестой. Так когда в его жизни промелькнула эта... Сергеева тетка?...

Может быть, это она, Лана, была такой безоглядно верной женой, а он - нет? Олег был ее первой и единственной любовью, и никакие другие мужчины не тревожили ее сердца. Хотя пытались многие.

Но Олег-то... Когда они встретились, ему было 28 лет. Почему она ничего никогда не спрашивала у него о его... интимном прошлом? Нет, она просто как какая-то спящая царевна - спала все эти годы и видела во сне идеального принца.

А что теперь? Кажется, проснулась? С добрым утром, сладкая дурочка!

Она очнулась от звука открываемой двери и веселых голосов детей и обнаружила себя в уголке Дивана, а в руках - поролоновые крошки, в которые она превратила губку для мытья посуды.

- Мам! Иди смотри, какую мы елку купили! - В кухню влетел румяный с мороза Тимка. Вслед за ним шюльз запах хвои.

Лана, со стоном зажав ладонями рот, кинулась в туалет...

- Что это с мамочкой? - испуганно спросил Тимка у вошедшего отца.

- А что такое? - удивился тот.

- Она сделала вот так, - повторил Тимка Ланин жест и с зажатым ртом сказал еще что-то.

- Я ничего не понял, - озабоченно сказал Олег, но тут все услышали звуки, издаваемые страдальницей Ланой.

Олег кинулся к туалетной двери.

- Лань, что с тобой? Ты что, отравилась? Или заболела? Открой, солнышко. Тошка, давай воды, только кипяченой... Лана! Открой, воды выпей!

- Уберите из квартиры елку! И отмойтесь от нее, иначе я отсюда выйти не смогу! - простонала из-за двери Лана.

Тимка тут же зарыдал:

- Мамочка, она такая красивая!...

- Я понимаю, мой хороший, но мне что-то ее запах... О-о-ох... - И опять послышались специфические звуки.

Олег с Платоном растерянно молчали. Тимка плакал - тихо и безнадежно. Олег присел, прижал младшенького к себе:

- Ничего не поделаешь, бойцы, надо елку уносить. Маме от нее видите как!... А мы ее у дяди Паши поставим. Идея?

- Пошли скорее, пап, - поторопил Платон. - Тим, не реви! Этих елок во всем городе будет навалом. И в саду тоже...

- А домой мы завтра самую красивую искусственную елочку купим, вот и будет всем хорошо. Ну, успокоился? - Олег достал из кармана платок, вытер Тимке слезы. - И пошли, пошли, что это мы маму в таком неуютном месте держим. Ты как, Лань?

- Вроде получше, - хриплым голосом отозвалась Лана. - Но елку придется уносить...

- Мы уже уходим. Через минуту-другую выходи. Тош, открой все форточки и балкон.

Лана приоткрыла дверь туалета и осторожно понюхала воздух. В квартире за пять минут, которые она велела себе отсидеть в «убежище», запах хвои успел выветриться. Вместе с теплом. Стуча от холода зубами, она накинула куртку и начала все закрывать. Тошка - человек исполнительный, ни одной форточки не оставил закрытой.

Потом она перетащила на кухню все пакеты со съестными запасами, которые ее мужчины, торопясь унести елку, бросили как попало. Потом стала разбирать их, попутно осторожно нюхая. Нет, вся еда пахла нормально. Кроме мандаринов! Пришлось еще раз сбегать к унитазу, а потом запихивать мандарины как можно дальше в холодильник.

Но даже эта изнуряющая дурнота не отвлекала от поселившихся в ее голове неприятных - о-очень неприятных! - мыслей.

Нет, она все же выпытает у Олега тайны его... личной жизни. Хотя бы за период их совместной жизни. И если что-то не так... Ой-е-ей... Она не знала, что будет делать, если что-то окажется не так.

\* \* \*

- Товарищ капитан, вас вызывает начальник управления, - сразу у входа в райотдел информировал Васильева дежурный.

Эх, надо было сразу домой ехать... Что еще за вызов?

- Петрович, ты хоть в курсах, что тебя от службы отстранили и расследование назначили? - уже у двери начальства остановил его один из сослуживцев. - Да, еще вчера вечером шеф разнос твоим бойцам учинил. А тебе еще и выговор за то, что из города без ведома начальства слинял.

Так он и знал, что ему ничего не сойдет с рук! А и надеяться на такую удачу шансов не было: действовал самоуправно и операцию по задержанию особо опасного преступника дважды завалил. Одну - дважды!

Начальник был человеком не одного с Васильевым формата. Потому-то он - начальник РОВД, а Васильев - капитан, старший оперуполномоченный. Хоть когда-то в один год одну и ту же школу милиции заканчивали.

- Ну, что, Эдвард, принц Британский, натворил дел? Тебе что, не доложили, что преступник заложницу прихватил? Почему группу захвата не вызвал? А? Молчишь... Ну, молчи, сказать-то в свое оправдание нечего... А потом - куда тебя на ночь глядя носило? Сейчас сколько? Третий час. А на службе ты должен быть когда?...

Васильев молчал, стоя по стойке «смирно» и глядя выше начальничьей головы.

Начальник помолчал тоже, вальяжно раскинув в своем начальничьем кресле крепкое тренированное тело. Любил он себя, ухаживал за своим организмом по всем требованиям науки о гигиене и вел исключительно здоровый образ жизни.

А Васильев любил плюшки и жареную картошку. И образ жизни у него, в связи с особенностями службы, был исключительно неправильный: порой три ночи подряд поспать было некогда...

- О том, куда и зачем ты ездил, напишешь докладную. А я уже подписал приказ о временном отстранении тебя от дел. И выговор. Строгий и с занесением. Можешь быть свободен. Иди!

Н-да... Докладную. Что же в ней писать-то?

\* \* \*

За ужином - или поздним обедом? - Лана смела все со своей тарелки и жадно оглядела стол: что бы еще съесть? Олег молча встал, взял ее тарелку и положил в нее еще котлету и горю гречневой каши, потом сел и придвинул ближе к жене все тарелочки и мисочки с закусками.

- Ешь, бедняга, восстанавливай энергобаланс!

- Мам, это ты кислородом в деревне отравилась, - авторитетно заявил Тимка. Все засмеялись, и он, покраснев, обиженно повысил голос: - И ничего смешного! Мне бабушка Ксения рассказывала, как у них были городские в гостях, и как у них у всех головы первое время болели! От того, что в деревне воздух не-за-га-зиранный.

- Незагазованный, - автоматически поправила его Лана и, сделав серьезное, понимающее лицо, добавила: - Наверное, ты прав, Тим.

- Конечно, прав, - вступил Платон. - У бабы Ксени во дворе целых три елки растет, вот ты и надышалась...

Олег молчал и только внимательно поглядывал на жену. За всю их совместную жизнь он таких симптомов у нее не наблюдал.

- Тебе к невропатологу надо сходить, Лань. Может, это нервное расстройство?

- Схожу, схожу, - пробормотала она. - Налей еще сока, пожалуйста.

Пожалуй, ей с теми мыслями, которые приходят в голову, уже не невропатолог нужен, а психиатр...

После обеда - или все-таки ужина? - Олег позвонил в больницу, где лежал Саша, и обрадованно сообщил жене:

- Ура, Матросова перевели в палату, его можно навестить! Пойдем?

Лана посмотрела на часы: половина седьмого.

- Тогда скорее, время посещений уже на исходе. Так, что ему можно? Ага, лимон - это точно, минералку без газа... - Она вытаскивала все это из холодильника, борясь с реакцией организма на запах мандаринов. Какой въедливый, а? Через пять пакетов пробивается! - Мальчишки, вы моете посуду, а потом делайте, что хотите. Мы с папой в больницу...

Самочувствие Саши было вполне сносным, «себя» ему уже не мешало, он даже забыл о тех ощущениях, которые испытывал в первое свое пробуждение. Сейчас он уговаривал свою маму идти уже домой, чего ей мучиться... Екатерина Кирилловна соглашалась, но все не уходила, смотрела и смотрела на сына. Как тонка ниточка, которую держат в руках эти три равнодушные дамы - Клото, Лахесис и Антропос...

- Ма, ты правда иди домой, у меня все есть, а тебе поспать надо, успокоиться, - в который раз уже сказал Саша.

- Да, Сашенька, наверное, пойду...

В это время дверь тихо приоткрылась,, и в проеме показалось лицо Ланы.

- Ау, Матросов, к тебе можно?

- Можно, можно, - вместо сына ответила Екатерина Кирилловна. - Здравствуйте, Ланочка. О, и Олег Дмитриевич пришел... Добрый вечер.

- Вечер добрый, Екатерина Кирилловна. Привет, герой! Как тебе на больничной койке сачкуется? - бодро, как всегда говорят у постели больных, заговорил Олег. - Да, Екатерина Кирилловна, вот и не верь после всего этого в магию имени: мало того что Александр, так еще и Матросов! Вот он на все амбразуры и бросается...

- Ваша правда, Олег, я и то уж не раз пожалела о своем опрометчивом патриотизме. Сашенька, я пойду домой, у тебя гости...

- Конечно, ма, я ж тебе давно говорю. Дай поцелую. Пока! - Екатерина Кирилловна кивнула всем на прощание и ушла. Саша немножко поглядел на закрывшуюся дверь, похмурился, вздохнул и обратился к друзьям: - Ну, что же вы? Садитесь, Лан, ты на стул, а вы, босс, уж не побрезгуйте краем моей койки.

- Я тебя там нечаянно тряхнуть могу, - ответил Олег. - Я вот здесь, на подоконнике устроюсь. Ну что, Лань, выдадим ему терапевтическую порцию положительных эмоций?

- Давай ты рассказывай.

- Вы о Генпрокуратуре, что ли? Так опоздали: у меня уже Петрович побывал. Кстати, вы знаете, что его отстранили от работы?

- За что?! - ахнула Лана.

- За то, что ОМОН на задержание не вызвал, за самоволку... - Саша быстро глянул на Лану. - Ну, ничего, как-нибудь все образуется. Как у вас дела? Петрович говорит, у вас выловили целый выводок жучков?

- Да ладно, Саш, проехали, это уже в прошлом, - отмахнулся от темы Олег. - Этим ребятам нас

теперь трогать никакого резона нет. Ты мне лучше расскажи, как под пулю попал.

- Ну что тут рассказывать... Увидел меня наш практикант - и пальнул. Сначала в меня, потом в себя... - И он снова быстро глянул на Лану.

- Сашуль, мы пойдем, наверное, а то ты устал уже от всех... - сказала она.

Саша охотно согласился:

- Да, ребята, вы идите, а то ко мне сейчас с уколами да с перевязками придут...

- ...И понял я, Лань, что вы все что-то от меня скрываете, - словно продолжая разговор, сказал Олег, когда они отъехали от больницы. - Может, откроешь мужу душу? Давай рассказывай.

Лана покусала губы, разгладила на руке перчатку и только тогда заговорила:

- Расскажу, конечно. Я тебе всегда все рассказываю, сам знаешь... Ты куда? - удивилась она, видя, что муж свернул совсем не там, где им было нужно.

Олег внимательно глянул в зеркало заднего вида, озабоченно нахмурился и сердито сказал сквозь зубы:

- Не нравится мне эта машинка, от самой больницы передо мной маячила... Опять она! Черт! Теперь сзади пристроилась... Срисуй номер на всякий случай.

Лана, быстро переписывая номер машины в свой мобильник, сказала с тревогой:

- Напрасно на эту улочку свернул. Здесь и машин-то нет...

- Может, и напрасно, - пробормотал Олег, снова поворачивая. - А может, и нет... - И он кивнул на замаячивший впереди пост ГИБДД.

- А потом, после этого поста, куда мы поедем?

- А мы около него задержимся, - ответил Олег и резко прибавил скорость. Конечно, постовой тут же их остановил. А подозрительная «мазда», чуть притормозив у машины Камневых, поехала дальше.

- Та-ак, - задумчиво протянул Олег, садясь за руль после - конечно же неприятного - разговора с постовым. - И что это было: попытка развести нас на деньги или история продолжается?

- Наверное, специально под удар такую шикарную машину подставлять не стали бы, - засомневалась Лана.

- Для водителя со стажем вы очень наивны, миледи, - насмешливо заметил муж. - Чем дороже тачка, тем больше бабла можно срубить.

- И это главный редактор самой интеллигентной газеты всех времен и народов так выражается? - ужаснулась Лана.

- Нет, это опытный журналист цитирует тех, кто так живет, - объяснил Олег. - Ну, слава богу, приехали. Ты иди домой, а я - машину ставить.

Лана не тронулась с места.

- Что такое? - озаботился Олег. - Тебе нехорошо?

- Мне хорошо, - ответила Лана. - Только давай мы вместе машину поставим, вместе пойдем от гаража по глухим закоулкам, вместе войдем в темный подъезд и вместе сядем в лифт?

Олег внимательно посмотрел на Лану и с подчеркнутым уважением в голосе сказал:

- Я всегда боялся, что моя жена умнее меня. Увы, это чистая правда.

Хорошо, когда опасения не сбываются. Они спокойно поставили в гараж машину, спокойно пришли домой. И дома все было хорошо. Мальчишки сидели рядышком за компьютером и играли в какую-то «стрелялку». Родители не стали их отвлекать и пошли на кухню.

- Давай съедим чего-нибудь, Олежка! - Лана с энтузиазмом осматривала запасы в холодильнике, стараясь не реагировать на мандариновую вонь. Олег тем временем готовился покайфовать: отворил форточку, достал из пачки сигарету...

- Разве что чайку и твердой колбаски, - тоном английского лорда сказал он, сделал паузу и мечтательно добавил: - Бутербродов так десять-двадцать. Погони и преследования, знаете ли, разжигают аппетит...

- И нам, и нам твердой колбасы! - Лихим галопом влетел в кухню их младший отпрыск. Следом степенно вошел старший.

Олег вложил сигарету обратно в пачку, закрыл форточку и вздохнул:

- Не судьба...

Лана тем временем уже и колбаску порезала, и чай заварила. А еще оставшуюся от обеда картошку разжарила на деревенском сале и накрошила зеленого лучку в квашеную капусту, привезенную от бабы Ксении...

- Садись, семья! Значит, так договоримся: сначала все едят картошку с капустой, потом два кусочка колбасы. Это Тимки касается. Тошка и Олег могут съесть больше двух.

- Почему? - возмутился Тимка.

- Не перечь маме, - строго сказал Олег. - Тебе по всем правилам науки о питании мелкого организма и нюхать такую еду нельзя...

- Не мелкого, а растущего, - тоном глубоко оскорбленного человека буркнул Тимка.

- Тимыч, я тоже могу себе позволить не больше двух кусочков, - важно сказал Платон, первым усаживаясь на Диван. - Mam, ты, наверное, забыла, что я пребываю в пубертатном периоде жизни и есть копчености мне вредно. Зато капусты нам с Тимом давайте побольше.

Олег с Ланой переглянулись: ишь какие педагогические таланты у старшего!

\* \* \*

Побрившись и приняв душ, Олег повертел головой в поисках халата, не нашел его, обмотался

полотенцем и пошел в спальню. Ланка стелила постель. Он на цыпочках подкрался к ней, обхватил сзади:

- Ага, попалась! - и развернул к себе лицом, собираясь поцеловать. Но Ланка уперлась ладонями ему в грудь и увернулась от поцелуя.

- Нет, Олежка... Подожди! Нам договорить надо.

- Потом поговорим... - Олег одной рукой снова прижал жену к себе, другой потянул пояс ее халата, напевая: - Потом, все потом...

- Нет! Сейчас.

Лана решительно вывернулась из его объятий. Олег опустил руки, с недоумением и даже с некоторым испугом глядя на нее: никогда она не вела себя так... Лана тем временем опять завязала пояс - туго завязала, демонстративно: граница на замке.

- Давай сядем, - не глядя на него, сказала она и опустилась в кресло. Олег присел на край постели.

- Так о чем нам поговорить надо? Ты меня не пугай...

- Не поговорить, а договорить. Ты же сам этот разговор начал. А потом эта «мазда» помешала.

- Ах, да! - вспомнил Олег. - Ну, так это я хотел выяснить, о чем вы все умалчиваете - и Васильев, и Сашка, и ты. Ведь умалчиваете, а?

- А я тебе сказала, что все, конечно, расскажу. Но прежде ты объясни мне, почему притворялся, что не узнал женщину на тех фотографиях.

- Я? Притворялся?! - поразился Олег. - Зачем? Я ее и вправду не узнал тогда!

- А когда ты ее узнал?

- Гораздо позже. Я ее и на допросе у Приходько еще не узнавал. Только потом узнал, когда мне Васильев кавказскую фотографию показал... Лань, ты что?! Ты думала, что я тебя обманываю?! Ну ничего себе!...

Лана словно превратилась в сверхчувствительный радар, ее нервы могли сейчас уловить мельчайшую частичку лжи. Но - не улавливали. Она молчала, уже стыдясь и этого допроса, и того, о чем все-таки хотела спросить.

- Ты с ней когда познакомился - в первой или во второй командировке?

- Во второй я, слава богу, в госпиталь не попадал. В первой... - Олег неожиданно наклонился, выдернул Лану из кресла и усадил ее себе на колени.

- Я думал, что это я ревнивый дурак. А ты у меня, оказывается, тоже?

Лана локтем отпихнула его от себя:

- Я не «тоже». Я просто думала, что ты мне врал, а маленькая ложь рождает большие подозрения, не помню, кто сказал.

- И что же вы заподозрили, мисс Марпл?

- Мисс Марпл, между прочим, потому так хорошо расследовала преступления, что искала сходство человеческих типов. - Лана вывернулась из рук Олега и пересела обратно в кресло.

- Та-ак! - весело протянул Олег. - И к какому типу вы относите меня, мисс?

Лана посмотрела на него печально:

- Я всегда думала, что ты совершенно особенный человек, ни на кого не похожий, ни на какого... типа! А теперь мне стало казаться, что ты меня просто дурачил все эти годы...

- Дурачил?! Лань, ты о чем?

- Ну, мне же было девятнадцать, когда мы поженились. А тебе - двадцать восемь! И у тебя, наверное, были до меня... любовные истории. Ведь были?

Олег пожал плечами:

- Я вообще-то не в монастыре жил... У Ланы екнуло сердце.

- Ладно... Это правильно, конечно... А... при мне? Олег захохотал и опять сгреб Лану к себе на колени.

- Вот детективы про мисс Марпл ты читаешь... А гляцевые журналы - нет! Сразу видно.

- Почему ты так думаешь? - сопротивляясь ласкам мужа, пробормотала она.

- А потому, что там все время предостерегают жен от таких вопросов мужьям.

Лана снова вывернулась из Олеговых рук и отошла в другой конец комнаты.

- Олег, я совсем не шучу с тобой сейчас. Это очень серьезный разговор. Если я не буду убеждена в том, что я и мои дети для тебя самое важное в жизни и что ты мне не лжешь и не лгал никогда, то... то случится... случится...

Лана не могла даже подумать о том, что случится, а уж вслух сказать...

Олег наконец стал очень серьезен. Он тоже поднялся, надел лежавший на спинке кресла халат.

- Я пойду покурю.

- Олег!... - поражено ахнула Лана.

- Я. Пойду. Покурю.

Такого она никак не ожидала.

- Олег. Не уходи, - с ровной интонацией, которой всегда и все слушались, сказала Лана.

Он посмотрел на нее как-то очень непонятно - и ушел курить.

От разговора ушел. Это было очень страшно.

Если бы он был ни в чем не виноват, он бы так и сказал. Или нет? Может, пойти к нему?... Это тоже было страшно.

Лана забралась в кресло, сжалась в комочек, ждала.

Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать. Олег все не шел.

Прошло полчаса. Олег все не возвращался.

В общем, так: она хочет пить. Она даже чаю хочет! И вообще...

Она вскочила и почти побежала на кухню.

Олег сидел на Диване и встретил Лану суровым взглядом.

- Пить хочу, - отводя глаза, сказала она. - Чай будешь?

- Ты сказала: «моих детей», - ровным голосом произнес Олег.

Она обернулась от плиты, посмотрела непонимающе.

- Ты сказала: «моих детей», - тем же тоном повторил он. - Это значит, что ты с пацанами - одно, а я так, сбоку припеку?

- Я ничего такого не имела в виду... Я...

И тут Лана отчетливо поняла, что все ее подозрения - просто бабий вздор. Если Олега так ударил такой пустяк, как местоимение «мой» вместо «наши»... Она грохнула чайник на так и не зажженную конфорку и, подбежав к Олегу, плюхнулась к нему на колени. Он даже не шевельнулся.

- Олешка, родненький, прости ты меня, - залопотала она, обнимая его и утыкаясь носом ему в шею. - У меня просто... гормональный сдвиг начался, вот дурь в голову и полезла!

Олег на мгновение еще больше напрягся, а потом оторвал Ланку от себя и заглянул в ее лицо:

- Что ты хочешь сказать?! Ты...

- Я беременная.

Он еще посмотрел на нее немного, потом осторожно привлек к себе и пристроил ее голову на свое плечо:

- Только знаешь что? Давай это будет, наконец, девчонка! А то всегда одно и то же...

## Глава 15

- Что это вы, и не загорели даже? - Татьяна придирчиво осмотрела Лану с ног до головы. - А ты, Камнева, поправилась! Пузцо наела на киприанских харчишках. Ну, как он там?

- Кто? - рассеянно спросила Лана, бегло просматривая вышедший в их отсутствие номер «Объектива».

- Кипр, конечно!

- Тань, с чего ты взяла, что мы были на Кипре?

- Как с чего? Дядя Боря сказал.

- А-а!... Танюш, ты лучше расскажи, как дела с газетой. Что, по-прежнему бойкотируют?

- А вот и нет! Вот этот номер, что ты смотришь, в момент размели! Хотя в нем ничего особенного нет. Ни Сашкиных... Ой, а ты знаешь, что его ранили позавчера? А Сереженька, наш херувимчик, оказался убийцей. Он, говорят, кого-то в заложники взял, то ли соседку, то ли знакомую... А когда..., Здравствуйте, Олег Дмитриевич! - Заметила она заглянувшего к ним Олега. - Планерка будет?

- Добрый день, Таня. Через полчаса, как обычно. - Он внимательно посмотрел на Лану и вышел.

Костик клацает по клавишам своего компьютера, торопится что-то до планерки сдать дяде Боре, Татьяна, как всегда» тарыхтит над ухом, Ниночка в коридоре цокает каблучками. Как хорошо...

Только пустуют в их комнате два стула да два монитора не светятся. И когда еще засветятся? Врачи говорят, что Саша еще не меньше месяца пролежит, а Сергей...

Очень странное чувство испытывала Лана к Сергею. При жизни, пока он досаждал ей своей тихой влюбленностью, она раздражалась слегка, но, в общем-то, чаще всего его просто не замечала.

А потом, когда все это произошло и на ее глазах голова с красивыми волнистыми волосами превратилась в отвратительное месиво, ей стало очень жаль Сергея, такого молодого, такого, как оказалось, одинокого и с такой несчастной судьбой.

Лана полезла в ящик стола, чтобы взять блокнот и ручку, и увидела, что из-под папки с ее «фактурой» выглядывает краешек незнакомого ей конверта. Она подняла папку: толстый заклеенный конверт, на нем крупно: «Светлане Камневой. Лично в руки».

Такие письма уже не раз приносили ей, чаще всего это были какие-то житейские истории с просьбой помочь через газету.

Лана глянула на часы - минут пятнадцать у нее еще было - и вскрыла конверт. В нем лежали несколько тетрадных листков в клетку, исписанных мелким неустойчивым почерком, а когда Лана стала их разворачивать, выпал еще и диск. Лана отложила его в сторону и начала читать:

«Любимая моя!

Если ты читаешь это письмо, значит, мой план провалился и ты не летишь со мной в Грецию, а вернулась в редакцию, и твоя ссылка кончилась.

Я знаю, кто и почему на вас «наехал».

Хочешь знать, как было с твоим сыном и как должно было быть? Его мы должны были увезти в один лесной домик (куда я должен был теперь привезти и тебя и где я буду все-таки ждать тебя до 5 января). Выкуп за него назначался такой: твой нынешний муж должен был вернуть Царькову «Объектив», предварительно покаявшись на его страницах, что все статьи о нем были

ложью, и уехать из нашего города.

Когда твой сын заснул, я пристрелил тетку и отнес мальчика к вашей квартире. Я спас его! И твою газету сохранил - для тебя, моя любимая!

Тетка давно уже имеет темные дела с компанией Царькова. Она меня в них не посвящала, использовала меня как ей было удобно. Но я очень хорошо разбираюсь в электронике! Я практически все о них знаю, и, если ты захочешь им отомстить, отдам тебе все записи. Они у меня будут с собой.

И все теткинны денежки - а их у нее много! - у меня тоже с собой. Мы с тобой не будем бедствовать, наоборот, заживем в Греции богато.

Милая моя, любимая моя Светочка! Я никогда не стану звать тебя тем именем, которым зовет твой нынешний муж... Ты для меня - Свет мой, мое спасение, мой ангел-хранитель!!! Ты моя Богиня! Ты для меня - всё!!!»

Лана бросила на стол недочитанное письмо. Ее всю трясло.

- Тебе что, змею прислали? - засмеялась Татьяна, но тут же оборвала смех. - Что случилось?!

- Ничего, ничего, Тань, - пробормотала Лана, трясущимися руками собирая рассыпавшиеся листки, подхватила диск и кинулась в кабинет к Олегу.

- У него кто-то из мэрии, нельзя! - крикнула Ниночка. Лана отдернула руку от дверной ручки. Постояла несколько мгновений в раздумье, потом вышла в коридор и достала мобильник.

Трубку долго не брали. Лана уже хотела сбросить вызов, но тут наконец гудки оборвались и хриплый голос произнес:

- Слушаю!

- Эдуард Петрович, это вы?

- Ну, я, а кто еще может быть? Вы же мне звоните по личному мобильному! - ответил капитан Васильев раздраженно. - Кому я понадобился?

Лана даже обиделась.

- Камневой понадобились...

- Светочка! - сразу изменил тон Васильев. - Извините, я тут в раздрае пребываю, вот и срываю злость на трубе. Что там у вас приключилось?

- Мне здесь Сергей письмо оставил. И в нем кое-какие сведения...

- Уже еду! - Он отключился, но тут же перезвонил сам: - Старый дурак, даже не спросил, куда ехать-то?

- В редакцию... У нас сейчас планерка будет, так вы не стесняйтесь, вызывайте меня!

- Понял.

\* \* \*

Борис Викторович грустно осмотрел собравшихся на планерку. Место на кожаном диване, где всегда сидел Саша Матросов, шепотом балагуря с молоденькой верстальщицей Оленькой, никто не занял. Четверо из пяти постоянных «диванных сидельцев» сели так, что диван казался малозаселенным. Стул, который к дивану придвигал Сергей, оставался на своем постоянном месте. Вот такие в их редакции дела нерадостные...

Олег между тем начал планерку.

- До Нового года мы уже не выходим в полном объеме, будет только поздравительный четырехполосник. А потом вопреки обычаю мы уходим на каникулы. Следующий выпуск «Объектива» состоится семнадцатого января, одиннадцатого все приходят на работу. Борис Викторович показал мне все, что вы сделали в праздничный номер, материала хватает. Материал хороший. Оленька, остальное делаешь ты. А мы с вами займемся тем, что накроем праздничный стол. Под занавес уходящего года случилось много плохого, надо подсластить пиллюлю. Все на сегодня! Давайте, совещайтесь, кто что будет делать, а в четырнадцать часов назначаю общий сбор в Большой корреспондентской.

\* \* \*

Отправить редакцию на каникулы Олег решил не по доброте душевной, а потому, что понял: и ему, и газете нужна пауза.

События последних месяцев, казалось ему, похожи на то, как если бы в чистую, отстоявшуюся воду спокойно текущей реки обрушился вдруг большой кусок глинистого берега. Эта глыба и сама по себе замутила воду. Но и подняла со дна осевший там мелкий мусор. Смутное чувство зародилось в нем: ему было от чего-то неловко. Он словно провинился перед кем-то и в чем-то... Но вот в чем?

Что-то изменилось в нем, его перестало удовлетворять то, что он делал эти четыре года. Он то ли вырос из исполняемой роли, как его сыновья вырастали из своих одежек, то ли одежда эта с самого начала была с чужого плеча.

И Ланка вчера ему вдруг сказала, что квартира стала казаться ей какой-то враждебной, а город - чужим.

Да, он издает хорошую газету. И читатели «Объектив» полюбили, и сотрудники работают с удовольствием. Но... надо быть уж совсем тупым непрофессионалом, чтобы в таких тепличных условиях не сделать того, что сделал он!

Что ж, можно сказать, уникальный эксперимент на тему «может ли пресса быть честной» удался. Может. Если соблюсти два условия, несовместимых в реальной жизни: дать прессе свободу и деньги одновременно.

Но время эксперимента, судя по всему, подошло к концу.

Еще два месяца назад он был убежден, что делает хорошее дело.

Сегодня он понял, что просто... играл с игрушкой, подаренной добрым дядей.

Как это называется у юристов? Добросовестно заблуждался.

Но Царькову он «Объектив» ни за что не отдаст.

\* \* \*

Вся планерка заняла не больше четверти часа, и когда журналисты, как всегда, весело переговариваясь, выходили из кабинета, в приемную как раз торопливо вошел Васильев. Лана бросилась к нему, подхватила под руку.

- Пошли скорее, пока Олег не видел, - шепнула она.

Капитан удивился, но молча последовал за ней.

Лана увела его на верхнюю, «нежилую», площадку дома, вытащила из кармана пиджачка письмо.

- Вот. Только... там всякие признания, вы на них внимания не...

- Да не волнуйся ты, меня лирика не интересует! - успокоил ее Васильев, впиваясь глазами в текст.

Прочитав письмо, он сложил его и сунул в карман куртки.

- Ну что? - взволнованно спросила Лана.

- Что - что? Ты разве не читала?

- Я не все... Только начало.

- Так почитай дальше, - он вынул письмо из кармана, протянул ей.

- А это... обязательно?

- Тебе письмо - тебе и решать, обязательно или нет, - брюзгливо ответил капитан.

- Вы почему так со мной разговариваете? - удивилась Лана.

- А почему ты это мужу не показала? - вопросом на вопрос сердито ответил он.

Лана аж задохнулась и несколько мгновений не могла слова сказать.

- Да вы же сами... сами все от него скрываете! Откуда я знаю, почему?

Капитан снова засунул письмо в карман.

- У меня профессия такая - все скрывать, всех подозревать... Он в письме пишет, что на диске - ваш портрет... любовная сцена. Он вообще там много такого плетет, что... Ну, давай как на духу - у тебя с ним связь была?

Лана посмотрела на него, посмотрела - и вдруг протянула руку:

- Отдайте письмо.

Капитан снова вытащил письмо и протянул Лане. Она схватила листки и бегом бросилась вниз по лестнице. Капитан посмотрел, как ее гордо выпрямленная спина скрылась за дверью редакции, и пожал плечами:

- Кто их знает...

От застолья Лана отвертелась: и так настроение после встречи с капитаном было гадким, да еще в корреспондентской поставили букет из еловых лап, и мандаринов купили целый ящик! Не сидеть же за столом с зажатым носом...

Соврав всем, что у нее начинается то ли грипп, то ли ангина, она ушла домой.

Тимка в саду, Тошка в школе - у них там подготовка к грандиозному вечеру.

Ну, ладно, иногда можно побыть дома и одной...

Она поставила чайник, сделала себе пару бутербродов - с колбасой и с сыром. Есть хотелось все время - и в то же время мутило. Когда она ждала сыновей, у нее такого не было. Что там Татьяна говорила про пузцо? Его еще не должно быть, вроде рано еще. Лана повертелась перед большим, во весь рост, зеркалом в прихожей. Живот, конечно, еще не выпирает, но формы стали пышнее, да и вся она немного увеличилась в объеме. В начале первых своих беременностей Лана, наоборот, худела.

«Эй, малыш, - мысленно обратилась она к тому, кто уже заставил ее возненавидеть ни в чем не повинные елку и мандарины. - Я тебя люблю, кем бы ты ни решил стать, мальчишкой или девочкой... Но подумай, как это здорово: быть девочкой, у которой есть два старших брата!... Они будут тебя защищать, холить и лелеять. Они у тебя такие классные парни, вот увидишь! Так что ты там все взвесь хорошенько, договорились?»

Засвистел закипевший чайник. Лана заварила чай, уселась с ногами на Диван, а поев, прилегла, укуталась в толстую «домашнюю» шаль. Да! Письмо...

Она с неохотой поднялась и пошла в спальню, к шкафу, куда уже успела спрятать свой пиджачок. Вынула письмо и опять пошла на Диван. Начало перечитывать не стала, а дальше... Дальше Сергей описывал воображаемые любовные встречи с ней, словно вспоминая их... Лана бросила так и не дочитанные листки на стол. Ее опять начал бить озноб. Нет, это читать невозможно! Это письмо не влюбленного, а сексуального маньяка! Вообразить такие вещи... Теперь понятно, почему капитан усомнился в ее невиновности... Она кое-как оделась и вышла из дома. Этот парнишка, кто он был, чем он жил? Он говорил, что убил отца, тетку. Он чуть не убил Сашку Матросова. Он говорил, что убивает только тех, кого ненавидит... Лана даже остановилась от своей догадки.

Он стрелял не в Сашу - в Олега! Олег с Сашей одного роста, и в том освещении... Он решил, что это Олег, - и выстрелил!

И все это время, пока Сергей работал у них, Олег был в смертельной опасности...

Постояв до тех пор, пока бешеный ритм сердца не стал нормальным, она снова механически зашагала куда-то. Оглядевшись, поняла, что ноги ее принесли к Тимкиному детскому саду. Лана заглянула в окошко своего телефона: было всего два часа. Сейчас в садике тихий час, дети спят...

А в редакции сейчас только начали праздновать, и Олега вызывать нельзя.

Но она ни за что не вернется домой одна!

Там ведь и диск еще какой-то...

Лана снова бесцельно закружила по улицам, потом вспомнила, что не купила никому подарков,

и, обрадовавшись, что ее блуждания обрели цель, пошла по магазинам.

Накупив всякой приятной всячины, и в том числе - симпатичную синтетическую елочку, она позвонила Олегу.

Долгие гудки прервал шум вечеринки, и Олег, что-то жуя, ответил:

- Лань, ты? Как ты там?

- Она там, сачок! - крикнул рядом с Олегом Татьянин голос, и еще ближе: - Мы Олега не отпустим, и не надейся! - И тут же Олег: - Тань, не мешай... Ланка, у тебя все в порядке?

- Да, Олежка, только я тут стою нагруженная... Ой, ты же выпил, за руль нельзя!... А, я такси уже беру, заеду за Тимкой - и домой. Отдыхай, сколько хочешь. Лублу и цалую...

- Я тебя тоже люблю и целую и скоро приеду домой. Чувствуешь себя нормально? - полусшепотом спросил он.

- Нормальней некуда! Пока!

- Ого-го-го, какую елочку ты купила! Молодец, мамочка! - радостно завопил Тимка, когда таксист открыл возле их дома багажник. - Давай я ее сам понесу!

- Ну, неси. А откуда ты знаешь, какая елочка? Она же разобрана и упакована.

- Ма, ну ты что! Вот же она, на коробке сфотографирована!

- Глазастый парнишка, - улыбнулся пожилой дядечка-таксист, помогая Лане выгрузить пакеты.

Из подъезда выскочил Платон, в расстегнутой куртке, в незашнурованных кроссовках, поймав взгляд матери, объяснил свой растрепанный вид:

- Смотрю, пакеты выгружаете...

- А ты давно дома? - с тревогой спросила у него Лана.

- Да не очень, с полчаса, может...

- Ты на кухонном столе ничего не убирал?

Платон приостановился, глянул на мать, покраснел:

- Я все в конверт сунул и в твою тумбочку положил... Я не читал, честно, мам! Я сначала конверт посмотрел, ну и...

Лана вздохнула с облегчением: Тошка врать не станет.

\* \* \*

- Вот, Олег, что я сегодня в столе в редакции обнаружила... - Лана протянула мужу конверт. Он начал было вытаскивать листки, но Лана придержала его руку: - погоди читать. Сначала я тебе кое-что расскажу.

И она наконец-то поведала мужу, как похитил ее Сергей, что было в лесной избушке и как Сергей ранил Сашу, а сам застрелился...

Сыновья, украсив в большой комнате синтетическую «Ель рождественскую», как было обозначено на упаковке, пошли на половину Стечкина, чтобы нарядить забракованную будущим братом-или-сестрой елку натуральную, срубленную неким мужичком под самый корешок. Старшие Камневы сидели на Диване в кухне. Пока Лана рассказывала, Олег молчал, смотрел в одну точку и только все крепче сжимал ее плечи.

- Ну, вот и все. Не надо было и рассказывать, со мной ведь ничего не случилось... - закончила рассказ Ланка. - Олежка, ты меня совсем раздавил!

Олег, не сводя взгляда все с той же невидимой точки, уронил руку с ее плеч.

- Олег! Очнись!

- А я-то думал, что вы в полной безопасности... - Он обхватил голову руками и застонал, словно от сильной боли.

Лана переполошилась.

- Олег, ну что ты?! Ну не надо, все ведь уже позади! Вот она я, смотри! - Она с трудом отвела ему руки от головы. - Вот я, смотри!... Олежка, слушай, он же пишет, что где-то в том домике спрятаны видеоматериалы о... ну, о Царькове и его банде! Я не смогла сама его послание дочитать. Мне... сам поймешь...

Последние ее слова наконец вывели Олега из ступора. Он посмотрел на нее осмысленным взглядом, потом взял со стола письмо.

Он читал, морщась и чуть ли не скрежеща зубами. Потом бросил листы на стол.

- Извини, это все перекурить необходимо. Я на балкон выйду...

- Да ладно, кури здесь...

- Замерзнешь!

- Ничего, я плед накину. Не уходи. Мне... Олег, мне сейчас трудно оставаться одной, даже на три минуты...

- Я так понял из этой эпистолы, что надо обращаться в милицию, чтобы в том домишке и вокруг искали деньги и видео документы, - после табачной паузы дочитав письмо до конца, уже несколько спокойнее резюмировал Олег. - Да, семейка была не совсем уравновешенная, скажу я тебе, драгоценная моя донна. Что тетушка, что племянник... умели и любить, и ненавидеть. Ведь вот натура бабск... - пардон! - женская... Когда это было - сто лет назад. А она все мстью пылала! Не зря какой-то там индийский бог объявил, что мужчина, не ответивший на страстный призыв женщины, совершает великий грех. Вот поэтому, донна моя уж и вовсе бесценная, мы должны родить мно-ого детишек!

- Ладно, родим... - отмахнулась от его натянуто шутливого тона Лана. - Но к кому мы в органах обратимся? Васильева отстранили, а еще кого-то в это дело вмешивать... стоит ли? Может, нам самим туда съездить? А потом все отвезти туда же, куда и первую партию сдали?

- Нет, капитана позовем... Он хоть и отстраненный, но я только ему доверяю.

Лана помолчала. Ей почему-то стыдно было признаться Олегу, что она уже говорила с капитаном. Надо бы перед ним извиниться... Ладно, завтра как только проснется - позвонит. Сейчас поздно уже...

- Олеч, ты не обижаешься, что я тебе не сразу это письмо показала? Понимаешь, он так там все описывает... я сама чуть не поверила... Если бы ты сразу это письмо прочитал, представляю твои чувства!...

- Ну, я бы не назвал свои ощущения приятными и сейчас, после... артподготовки. А он еще и портрет ваш на диске тебе приготовил. Меня к тетушке пристроил, а тебя - к себе. - Олег передернул плечами.

Лана схватила диск и брезгливо бросила его в мусорное ведро.

- Я теперь понял, почему так распахивался тогда, помнишь, на годовщине газеты. Это была не ревность, это было шестое чувство. Я в этом Сергее, наверное, почувал опасность для тебя. А поскольку шестое чувство анализировать не умею, вот и накрутил.

Они уже давно легли спать, но все возвращались и возвращались к «теме вечера», как, разозлившись на эту заикленность, назвала ее Лана.

- Больше всего он был опасен для тебя. Я когда это поняла... ой, Олечка! - И она еще теснее прижалась к мужу.

Долго лежали молча, и Олег уже начал засыпать, как Лана вдруг сказала:

- Знаешь, что странно... Мне так противно, я сегодня пузырек геля в душе извела, все казалось, что я грязная...

А все равно - жалко мне его. Даже не его, а того материала человеческого, который в нем был. Ведь хорошая голова какая была, как он, оказывается, в технике разобрался...

- Да уж, разобрался... Конечно, если бы он был здоров психически и такое сотворил - жалко бы не было. А больного... есть такой момент. Спи, жалостливая моя. Завтра тридцать первое, и чуется мое сердце - нагрянет Пашка с семейством.

- Правда, могут приехать? - обрадовалась Лана. - Класс!...

## Глава 16

Стечкины и впрямь нагрянули, с самого утра! Ну, не с самого, часов в одиннадцать. Камневы только за завтрак сели, всем почему-то утром спать хотелось. На улице шел густой снег, было так пасмурно, что на кухне пришлось свет зажечь - для уюта.

Только Тимка успел вслух порадоваться, что сегодня на завтрак не каша, а омлет с сыром, как раздался звонок домофона. Олег вышел в прихожую, глянул на экран и радостно крикнул:

- А я что говорил! Стечкины, всем составом!

- Ты открывай давай, потом страдать будешь! Нас уже скоро снегом занесет, - весело

пожаловался с экрана Павел.

- А свой ключ куда дел? - строго спросил Олег и нажал кнопку.

Все дети Стечкиных - двое мальчишек и две девчонки - пошли в отца: такие же высокие и крупнокалиберные. Аленка, жена Павла, среди них была как березка среди дубков.

Взрослые обнимались-целовались, дети неловко мялись: уже отвыкли друг от друга.

- Добрый гость всегда к столу! - проходя на кухню, пробасил Павел.

- Батя! Слушай, чо говоришь! Тобой, чо ль, закусывать будут? - одернула его двенадцатилетняя Аринка.

- Ты, дочь, старшим не перечь! Я с собой все привез, чо выпить-закусить можно. На меня и на вас у хозяев места в животах не останется.

Младшая, Ксюшка, ровесница Тимки, смело обратилась к нему:

- Помнишь, когда вы у нас гостили, мы с тобой огро-омный белый гриб нашли?

Тимка, краснея, кивнул.

- А мы клубнику живую привезли! Много! И еще... нет, это пока нельзя говорить... - Ксюшка лукаво хихикнула.

Завтрак, обильно пополненный привезенными деликатесами и сибирскими вкусностями, затянулся. Сначала ели, потом чаевничали. Дети, вспомнив старую дружбу, убежали на улицу - лепить снеговиков.

- А вы знаете, сколько мы уже за столом? - вдруг сказала Аленка. - Больше двух часов. Давай-ка, Ланка, со стола уберем, а мужики пусть в квартирах порядок наводят. А то помощничков теперь с улицы не затащишь.

- Не переживай, Ален, у вас все чисто, и даже елка стоит. А у нас... да ладно, у нас и так сойдет. Давайте лучше поспим, а? - Лана жалобно глянула на Олега.

- Ой, боже... Да ты и впрямь чой-то такая зеленая, что аж синяя... Паш, иди, иди домой, я тут приберусь и тоже подойду! - начала тянуть из-за стола разомлевшего мужа Алена.

А Олег молча подхватил Лану на руки и унес в спальню. Уложил в так и не убранную с утра постель, укутал одеялом.

- Прости, Лань, а? Совсем из головы вон, что ты вся такая особенная сейчас...

- Ничего, все нормально, просто устала. Иди к ребятам, не позволяй Аленке посуду мыть... Гости все-таки.

Уговорив пойти отдохнуть и Аленку, Олег с Павлом быстро навели на кухне порядок и наконец-то сели покурить с комфортом.

- Павлуха, а ведь у меня есть новости по нашему делу. Пока я в Москве прохлаждался и по

адвокатам ходил, мою Ланку один гад похитил.

Павел, который в это время глубоко затянулся, поперхнулся дымом и натужно раскашлялся. Откашлялся, с испугом и недоверием вытаращил глаза, хрипло спросил:

- Не шутишь??!

- Да какие уж тут шутки... Ну, ладно, про это как-нибудь в другой раз поговорим... Этот придурок письмо Ланке оставил, а в нем написано, что в лесном домике он какие-то видеоматериалы припрятал и еще что-то...

- Так чо сидим?! Ехать туда надо! - подхватился Павел.

- Куда ехать, Новый год сегодня... - растерялся Олег.

- Да успеем смотаться! Мои орлы нас мигом свезут! - Павел выхватил из кармана мобильник, быстро понажимал кнопки: - Алло, Леш, вы как там, на грудь еще не приняли? Вот и молодцы, в одно место смотаться надо...

- Да подожди, я ведь толком даже не знаю, куда ехать. Надо Васильева вызывать.

Но телефон капитана был заблокирован.

- Вот невезуха! - расстроился Олег. - Придется Матросова беспокоить, он там тоже был, на свою голову.

- Почему - на свою голову?

- Ранил его этот псих, очень тяжело... Стоп! Что ж это я!... Он же, Сергей этот, в письме дорогу подробно описал! Думал, Ланка к нему приедет - соблазнится его наследством. Сейчас...

Олег прокрался в спальню, тихо, стараясь не потревожить жену, вытащил из ящика тумбочки письмо и благополучно вернулся на кухню:

- Ну, теперь поехали...

Джип, который вез Олега и Павла с его «орлами», уже минут сорок бороздил снежную целину. Все внимательно смотрели - каждый в свое окно, - ища приметы местности, названные в письме.

- Похоже, где-то здесь повернуть надо... - сказал Павел. - Да, задачку нам задал этот твой Сережа... да еще снег этот! Ни тли зеленой не видать...

- Шеф, здесь, кажись, не так давно проехал кто-то, вон след, еще не совсем засыпало, - заметил сидящий за рулем Алексей. - И вон там тоже... Может, здесь въезжать надо?

- Давай, Леха.

Свернули и метров сто проехали по этой еле видной колее. Вдруг Алексей с коротким ругательством так резко затормозил, что джип развернуло.

- Чуть в тачку не впендюрились!

- Это не Васильева ли «жигуль»? - Олег, открыв дверцу, напряженно вгляделся сквозь снег и

сумрак. - Да, он! Ребята, пошли скорее!

Олег выскочил из машины, словно в пуховую перину провалившись в свежий снег выше колена. Вывалились и остальные. Алексей, заблокировав двери, сказал:

- Шеф, стойте с Олегом Дмитриевичем здесь. - И кивнул Ивану: действуй! Тот вытащил пистолет - и короткими перебежками, если можно так назвать ковыляние в глубоком снегу, прячась за древесными стволами, направился к избушке.

Алексей тем временем осмотрелся вокруг, не отходя от «охраняемого объекта».

- Иван сигналил, - вскоре сказал он, пригляделся, махнул рукой: - Можно. Пошли.

Иван ждал их у дверей избушки.

- В доме все перевернуто и человек лежит. Кажись, того... - И он выразительно провел ребром ладони по шее.

Олег, не церемонясь, оттолкнул Ивана с пути и в полумраке увидел тело мужчины, лежащего на животе.

- Дайте фонарь... - Олег, не глядя, протянул руку назад, но кто-то из ребят уже направил луч света на лежащего. И Олегу сразу бросилось в глаза белое пятно краски на рукаве куртки... Он это пятнышко заметил, когда из Москвы ехали.

Олег бросился к капитану, но его деликатно потеснил Алексей. Присел на корточки, пощупал шею, осветил на голову - и сердито передразнил Ивана:

- Того, того... Кровь-то вон толчками идет еще! Живой он. Есть чистый платок?

Олег протянул платок, а Иван уже тащил кипу какого-то тряпья. От которого на Олега пахло свежестью высушенного на морозе белья и еще чем-то, от чего у него сжалось сердце. Уж не в эти ли простынки пеленал маньяк его жену? Ишь заботливый какой - чистенькое прихватил...

- Давайте его на спину перевернем. Осторожно...

Раз-два!

Они перевернули капитана, и Олег со страхом взгляделся в его лицо. Лицо капитана было сплошь залито кровью. Олег вытащил из кучи белья одну простыню, попытался ее краем вытереть кровь, но только размазал. Другую простыню Иван туго свернул и осторожно подложил под голову капитана.

- В машине есть аптечка? - вспомнил Олег.

- Есть, конечно, - ответил Павел, который почему-то так и стоял у порога. - Ну-ка, орлы, быстро сгоняйте. Оба идите.

Парни вышли. Через какое-то время слышались звуки мотора.

- Чо это они, решили машину, чо ли, подогнать? - удивился Павел и вытянул из кармана телефон. - Алексей, чо там у вас?

- Преследуем преступника... - Слышно было, что Алексей говорит на бегу. - Видим его

внедорожник... Буксует!

- Да фиг бы с ним, нам капитана спасать надо, - пробормотал Олег и скомандовал Павлу: - Давай тогда ты тащи!

Тот кивнул и торопливо ушел.

Васильев вдруг застонал, скрипнул зубами и - открыл глаза. Но тут же зажмурился: свет фонарика, который Олег для удобства зажал в зубах, ослепил его.

- Кто здесь? - сипло спросил Васильев.

- Я, Петрович. Камнев.

- Камнев... А... Да. Я... все... нашел. А кто-то... меня... - Капитан замолчал.

- Так ты не видел, кто?

- Нет... Пить... дай.

Дверь распахнулась, ввалился Павел:

- Нашел аптечку, и коньяк, и...

- Пить... - опять прошептал капитан.

Павел рухнул возле него, громко стукнув коленями об пол:

- Очнулся?! Ты мой хороший! На, пей, я принес как раз! - И он, торопливо открутив пробку, поднес к губам капитана бутылку с водой. - Давай, москвич, обрабатывай рану, я... м-м... кровь не переносу. - И нежно - капитану: - Пей, пей, голубчик мой! Да где ж это орлы мои?! В больницу надо скорее!

Олег меж тем промыл перекисью, оказавшейся в аптечке, рану, распаковал бинт и как умел перевязал капитану голову.

Да, надо скорей. Похоже, там трещина...

Павел, вполголоса вспомнив зеленую тлю, вытащил мобильник. Ответа долго не было, наконец отозвались:

- Возвращаемся, шеф. Бесплезняк. Ушел, твою дивизию!

- Ну, так скорей шевелитесь, тля зеленая, у нас тяжелораненый, а вы по лесу гуляете!

Он еще доругивался в трубку, когда в дверь ввалились все в снегу, как пельмени в муке, Иван и Алексей, который тоже держал телефон у уха и улыбался.

- Поулыбайся мне еще, - в телефон сказал Павел, потом сунул трубку в карман. - Давайте берите Петровича. Да осторожно!

По глубокому снегу даже вчетвером нести раненого было трудно. К тому же он опять потерял сознание.

- Может, и лучше, что он ничего сейчас не чувствует? А то еще есть такая штука, как болевой шок, - волновался Павел. - У нас, помню, в Афгане один так и помер от этого...

Когда уложили капитана в машину, он снова достал телефон и вызвал «скорую».

- Мы навстречу будем двигаться, черный «лендкрузер», номер... - грозно гудел он в трубку. - Давайте все, что у вас есть реанимационного! Самое лучшее берите!

- Одного не понимаю, - сказал Олег, когда машина уже выбралась со снежной целины на укатанную трассу. - Зачем он в одиночку туда сунулся? Почему меня не позвал?

- Ага, и чо бы могло быть, представляешь? - ткнул его пальцем в лоб Стечкин и заботливо поправил на капитане куртку, которой его укрыли. - Вот отстрою комбинат, возьму его начальником службы охраны. А может, и чего лучше придумаю... Хватит ему ноги бить и башкой рисковать! У него есть семья?

- Не знаю. Мы ведь, Паш, не на светской вечеринке с ним познакомились... Не до выяснения семейного положения было.

- Если есть семья, надо будет туда съездить. Ох ты, тля зеленая! Новый год, а он чо надумал!...

- Шеф, вон «скорая» катит! - известил Алексей.

- Давай сигналъ ей и тормози...

\* \* \*

- Трещина в кости черепа, переохлаждение, большая кровопотеря, шок... - перечислял принявший капитана врач. - Угроза развития комы...

- Может, лучше его сразу в центральную больницу увезти? Или в Москву? - озабоченно спросил Павел. - Я сейчас вертолет вызову - и...

- Ну зачем же... - обиделся врач, видимо, ровесник Павла и Олега. - Неужели мы такие уж... никчемные, чтобы со всем этим не справиться?! У нас пациенты с такими показателями как раз самые обычные. Пьют. Дерутся. И...

- Ну, тогда скажите, что нужно привезти.

- Да есть все, как ни странно.

- А пост к нему поставите?

- Да уже все сделали!

- Познакомьте меня с персоналом, - потребовал Павел.

- Да ради бога... Света, позови Анечку, она возле черепно-мозговой сейчас, - велел он дежурной сестричке и вежливо, но с заметной долей яда добавил: - А вообще-то вы зря волнуетесь... Мы-то уже поняли, какие непростые люди к нам пожаловали. И знаете ли, понимаем, как таким угодить...

Павел, побагровев, открыл рот. Наверное, готовился издать свой фирменный рык. Но Олег

опередил его:

- Павел Владимирович, мне кажется, Васильев в надежных руках. - И, незаметно дернув Стечкина за рукав куртки, обратился к врачу: - Мы привезли капитана милиции, пострадавшего не в пьяной драке, а при исполнении... И пострадал он от рук вот уж действительно непростых людей. Поэтому мы, собственно, и волнуемся.

- До Нового года два часа. Куда же наши мужики запропали? - Аленка металась по кухне, в сотый раз заглядывая то в холодильник, то в духовку, где дозревал гусь с яблоками. - Телефоны молчат, охрана тоже не отвечает!

- Успокойся, Ален. Наверное, что-нибудь необыкновенное придумали, сюрприз какой-нибудь... - утешала ее Лана, понимая, что говорит полную чепуху. Олег звонил ей, когда они уже ехали из больницы, вкратце рассказал о том, что произошло.

- Будем часа через два, надо еще семью капитана навестить.

Павел же своей жене не звонил.

- Знаю я их необыкновенные сюрпризы! Мой с твоим как сойдутся, так и начинаются... сюрпризы. - Алена с такой открытой неприязнью посмотрела на Лану, что та растерялась. Но сдержалась, сделав пометку в памяти: обдумать на досуге этот... эту... это отношение.

- Скоро будут, вот увидишь, - спокойно сказала она. - Я пойду посмотрю, не забыли ли что на стол поставить...

- Иди-иди, - не глядя на нее, хмуро бросила Алена.

Но Лана, миновав дверь в большую комнату, где был накрыт стол, пошла в спальню, плотно закрыла дверь и села в кресло.

Она вдруг почувствовала себя в гостях. Даже не так: она почувствовала себя нежеланной гостьей.

Это было отвратительное чувство.

- И чо мы Петровича в таком захолустье кинули? - ворчливо сказал Павел, когда они уже ехали из больницы.

- Брось страдать, Паш. Мне врач понравился. Видно, что профессионал, и равнодушный. И чувство собственного достоинства в наличии. Перед тобой, великим колбасным магнатом, прогнуться не стал.

- Да ладно, москвич, чо ты на меня бочку катишь!... Я ж просто за Петровича волновался, вот и выступил трохи... - Павлу, видно, было неловко за свои барские замашки. Но Олегу показалось, что это здесь, перед ним, неловко, а так... привык Паша к власти, привык...

- Жалко Ивана, праздник, а он по больнице слоняться будет, - сказал Олег.

Павел и его охранник Леша переглянулись в зеркале заднего вида и оба хмыкнули. Павел сказал назидательно:

- Вот не знаешь ты характера моих орлов! Ванька в малинике остался. Его сейчас все

сестрички и вообще женский персонал заботой окружил. Ох, и любят они его!... А он - их... Да и недолго он там один пробудет-то! Ты давай домашний адрес Петровича узнавай.

- Ох, не хочется Матросова волновать! Но что поделаешь, других источников у меня нет, - вздохнул Олег, набирая номер. - Алло, Саша, добрый вечер и с наступающим... Спасибо, спасибо... Саша, у меня не очень хорошие новости. Только сильно не расстраивайся, все живы... Приходится тебя тревожить. Васильев, оказывается, в одиночку в лесной домик поехал, ну, где тебя ранило... Да, туда. А там его кто-то по голове шандарахнул. Да, довольно серьезно. Так вот, ты мне его адрес не подскажешь? Семья у него есть? А как зовут жену?... А дочку? Надя и Софья Павловна. Спасибо! Ну, конечно, буду держать тебя в курсе. А может, к тебе в соседи его определим. Ну, ты держись, скорее выздоравливай! - И, убирая телефон, сказал: - Сашке цены нет, что ни спроси - все знает!

Олег нажал на звонок. За дверью сразу послышался быстрый цокот каблучков, и дверь распахнулась. Нарядная, улыбающаяся женщина воскликнула: «Ну, наконец-то!» - и замолчала. Улыбка пропала с ее лица. Она схватилась за горло и с трудом спросила:

- Что с Эдиком?

- Не волнуйтесь, он жив, жив! - торопливо сказал Олег.

- Он только ранен... немного, - подхватил Павел.

- О, господи, - пробормотала женщина. - И под праздник нейметя ему... Проходите, проходите... А вас я узнала, - улыбнулась она одними губами Олегу. - Вы - редактор «Объектива». Любимая наша газета... - Она говорила и говорила, пока мужчины снимали куртки и устраивали их на вешалку. - А мы с Наденькой уже и стол накрыли, ждем отца, ждем... Садитесь.

И она, словно истратив на вежливый прием все силы, упала на стул. Откуда-то из глубины квартиры пришла молоденькая девушка - улучшенная и тоненькая копия капитана. Она, видимо, только что закончила разговор по телефону и ожидала увидеть отца. И теперь напряженно смотрела на незнакомцев.

- Надь, отца ранили. Вот... пришли нам сообщить, рассказать...

Девушка промолчала, только глаза у нее расширились да щеки побелели. Олег откашлялся.

- Софья Павловна, Эдуарда Петровича «скорая» отвезла в ту больницу, которая была ближе к... месту происшествия. В солнцевскую районную.

- Куда его ранило?...

- Череп пробили. Только не пугайтесь! Если хотите, вас туда сейчас отвезут.

- Да! Конечно, - вскочила она со стула. - Надя, ты поедешь?

- Мамочка, ну о чем ты спрашиваешь?

\* \* \*

Домой ехали на такси. Алексей повез жену и дочку Васильева к нему в больницу.

- Ох, и материт меня сейчас Алена! - вдруг сказал Павел.

- А ты ей хоть раз позвонил?

- Не-а! А что я ей сказал бы?

Олег пожал плечами. Чужая семья - потемки.

Он никак не мог отвлечься от мыслей о жене и дочери капитана. По-хорошему, так надо бы самому сопроводить их в больницу, а не посылать с этой миссией Лешку... Но дома тоже ждут и волнуются. Да и Новый год, его надо обязательно встречать с теми, кто тебе дорог.

Маленькая изящная Аленушка, открыв дверь, выстрелила в Павла гневной тирадой, чуть не сплошь состоящей из совершенно непечатных слов.

Павел только плечи сжал и шепнул Олегу:

- Сибирячка... У них это принято.

Но Олег не знал, куда девать глаза и что делать. Он молча разделся и тихонько прошел в спальню. Ланка была там, сидела в кресле с мрачным видом.

- Тоже материться будешь? - спросил Олег, присев на подлокотник и целуя жену в нахмуренный лоб.

- Ох, Олежка, как Алена изменилась! - тяжело вздохнула Лана.

- Вы что, поссорились? - удивился он.

- Нет, конечно. Просто я... ушла отдохнуть. Да ладно, не важно!... Расскажи, как там Васильев... Что вообще случилось?

- Я рассказал Павлу о том, что в письме было. Про видео, конечно, не про пылкую страсть... И мы сразу туда помчались. Приезжаем - а там капитан, без сознания, с разбитой головой... Ну, собственно, все. Потом мы его в больницу отвезли, к его семье заехали... Я одного так и не могу понять: откуда он про домик-то узнал?

Лана вдруг наклонилась, пряча лицо в ладонях.

- Что ты, Лань? - Он отвел ее холодные руки от лица. Она глянула на него виновато:

- Ой, Олежка, это я...

- Что - ты?

- Я дала ему письмо это прочитать!

- Когда?!

- Утром, после планерки! Я... письмо вскрыла, начала читать, потом к тебе помчалась, а Ниночка меня не пустила, сказала, что у тебя люди... Я тогда Васильеву позвонила. А уже на планерке вспомнила, что так и не рассказала тебе о том, что Сергей... увозил меня. Я выхожу из твоего кабинета, а капитан - вот он. Ну, я его схватила и наверх потащила...

- На чердак, что ли?

- Ну, нет, конечно, чего ты!... На площадку, там пусто обычно. Ну, и дала ему письмо. А он прочитал и спрашивает: так ты была его любовницей?... Я и психанула. Письмо у него вырвала и убежала... А он... один поехал! Он, наверное, тебя пожалел! А мне не поверил!... Ох, Олег, я же хотела ему утром позвонить, а тут... Стечкины... и я совсем о нем забыла! Понимаешь? Я о нем забыла! А его из-за этого чуть не убили... Это я, я во всем виновата!

Ланка плакала навзрыд. Олег растерянно сидел у ее ног. Да, она виновата... Но что ему сейчас делать - ругать ее? Утешать?...

В дверь постучали, и голос Платона громко провозгласил:

- Эй, родители, до Нового года пять минут! Уже президент речь толкает!

- Сейчас, Тош, мама одевается! - крикнул Олег и потихоньку зашептал Лане: - Роденькая моя, успокойся! Я понимаю тебя, но постарайся себя в руки сейчас взять, а? I

- Да-да, конечно, Новый год и все такое... Дай платок.

- Иди лучше по-быстрому холодной водой умойся.

К столу подбежали, когда куранты отбивали последние удары. Торопливо схватили бокалы, торопливо пробормотали: «С Новым годом...» Олег выпил шампанское залпом и, тут же налив себе минералки, снова жадно осушил бокал. Лана свое шампанское только чуть пригубила.

- Э-э, ты чо? За новое-то счастье до дна пьют! - вроде бы шутливо попеняла Аленка. - Вот так и будете весь год чо-то догонять... - И все-таки не сдержалась, упрекнула: - Заждались вас за столом-то!

- Извините, ребята! Дело в том, что... Ланка в ожидании, чувствует себя неважно, - признался Олег.

Это было лучше, чем объяснять истинную причину опоздания. Хотя Ланка и глянула с упреком.

Возникла пауза. В полной тишине хихикнула Аринка. Потом Тимка спросил:

- Mamочka, a koro ty oждидaешь?

И все расхохотались. Ну, кроме Тимки, конечно. Он возмущенно заорал:

- И ничего смешного!

Выскочил из-за стола и убежал из комнаты. Олег догнал его около двери в детскую.

- Стоять! Смирно! Кто разрешил покинуть застолье? - схватив сына в охапку, грозно нахмурил он брови.

- А чего они... Я ничего, а они!... - Оскорбленный Тимка аж задыхался.

- О господи, как же это объяснить-то... - пробормотал Олег. - Тим, у тебя и Тошки скоро будет сестричка! Или братик... еще не знаю.

- Да-а? - Тимка сразу перестал реветь и задумался. - А где она... он... она сейчас?

- Господи, да помогай уже, что ли! - опять пробормотал Олег. - Ее или его и ждет мама. Поэтому я и сказал: в ожидании...

- Ну-у, пап, это нечестно! Мама ждет, а мы - нет, что ли? И мы давайте ждать! А то - ишь! Мама ждет! А мы? - разволновался Тимка.

- И мы, Тим, ждем! Очень!

- А почему ты не знаешь, сестренка у нас или братик? Разве так бывает?

- Бывает, сын, бывает... Знаешь что? Давай я тебе все это завтра объясню. А сейчас пойдем Новый год праздновать, а? А то он на нас обидится, Деда Мороза к нам не пустит - и останетесь вы завтра утром без подарков!

- А вот и не останемся... - проворчал Тимка, стирая со щек следы рева. - Дед Мороз, Дед Мороз! Что я, маленький, что ли? Сами все подарки под елку положите...

За столом Ланке внимание уделяли пристальное, ухаживали усиленно. Аленка, преобразившись из грубошерстной в шелковую, согнала Павла с места рядом с Ланой, села туда сама и все время то шептала ей что-то на ухо, то подсовывала какую-нибудь еду: «Это полезно, ешь!» - то шикала на расшумевшихся детей.

Младшие уже вовсю зевали и демонстрировали вялость одновременно с полной неуправляемостью.

- Все! Пора спать! - наконец приказал Павел. - Анютка, уложи Ксюшу.

Но тут Ксюша с Тимкой заявили, что спать они будут в Тимкиной комнате.

- А Платона куда денете? - поинтересовалась Лана.

Ксюша захихикала:

- А он пусть с Аринкой спит! Он в нее влюбился!

Тимка возмутился:

- Ни в кого он не влюбился! Дура, что ли?!

- А вот и влюбился! А вот и влюбился! - закричала Ксюшка. - Он ее завтра на дискотеку звал!

- Он и Кольку звал! И Вадьку! Что ли, и в них влюбился? Не буду с тобой спать!

- Очень надо! Сам дурак!

- Эй, мелкие, не подеритесь, - встал между готовыми сцепиться Тимкой и Ксюшей Платон. Он и сам был возмущен. Нужна ему эта Аринка сто лет! У него давно уже Натка есть. Просто он пацанов с сеструхой позвал завтра в свою компанию: не бросать же гостей...

- А чего она...

- А чо он... - принялись жаловаться друг на дружку малыши, еще пять минут назад решившие стать друзьями на всю жизнь.

- Хватит ябедничать! Давайте миритесь - и спать! Ксюха! Цыц! - вмешалась Арина.

- Не буду мириться! Он меня дурой обозвал! Первый! - упрямо заявила Ксюша.

Платон присел перед Тимкой на корточки и что-то зашептал ему на ухо. Тот набычился, глядя в пол и мотая головой. Потом, все еще хмурясь, покивал неохотно, но согласно.

- Давай! - сказал Платон вслух, слегка подтолкнув брата в сторону Ксюши.

- Ксюша, извини меня, пожалуйста, - не поднимая головы, скороговоркой выпалил Тимка.

- Ну ладно! - с королевской снисходительностью молвила младшая Стечкина. - Так уж и быть, прощаю!

Взрослые сидели за столом, как зрители в театре, изо всех сил стараясь не смеяться. А потом посоветовались и огласили мудрое решение: старшие мальчишки - Платон, Коля и десятилетний Вадим - ложатся в детской у Камневых, Платон поставит себе раскладушку, а Тимка с девочками пойдут к Стечкиным. Причем Арина пойдет с ними сразу и почитает им сказку. Решением остались довольны все, кроме Арины.

- Опять я за няньку!... - бурчала она, раскладывая широченный диван...

Впрочем, она и одной странички из «Золушки» не дочитала, как ее подопечные уже сопели по обе стороны от нее.

\* \* \*

Капитан Васильев пришел в себя ровно в полночь. Где-то били куранты и шумели голоса. «Ну и дела! Новый год проспал!» - испугался он и по привычке потянулся, чтобы включить ночник. Чьи-то руки легли на плечи, мягко придавив его к постели, он почувствовал знакомый запах, и голос жены сказал:

- Тихо, Понтик, нельзя шевелиться...

- По...че...му? - спросил он и удивился, как медленно он это сказал. - Темно... Включи... свет...

- Так ведь... - удивленно начала жена и вдруг, охнув, отпустила его плечи. Он услышал ее торопливые шаги, потом взволнованный голос:

- Сестра, зовите доктора, он очнулся. Скорее, скорее! Топот легких ног, голос дочки:

- Очнулся?

Спокойные мягкие шаги - и голоса зазвучали рядом.

- Включите... свет... - опять попросил он.

- Не волнуйтесь, Софья Павловна, - сказал кто-то сочным баритоном - При таких травмах это бывает. Отлично уже то, что он не впал в кому. Остальное сделает время. Эдуард Петрович, вы помните, что с вами случилось?

Что-то забрезжило в голове вместе с нахлынувшей болью. Он глухо замычал. Потом спросил:

- Я... ослеп?

- Это пройдет, Эдуард Петрович. Вспоминайте: как ваша фамилия?

- Ва...силь...ев.

- Как зовут вашу дочь?

- Язя.

- Подумайте, - начал баритон, но вмешался голос дочки:

- Он правильно говорит! Это мое... домашнее имя.

- Она себя так в детстве называла, - добавила жена.

- Жена... Зонтик, я... Понтик, - со слабой улыбкой сказал капитан.

- Понятно, - одобрительно сказал баритон.

Но капитаново ухо уловило тихие всхлипывания, и он сказал:

- Приказ... не реветь...

- Поняли, дамы? - сказал баритон с улыбкой. Оказывается, даже улыбку можно услышать. - С вашим кормильцем все будет хорошо, поскольку с чувством юмора у него все в порядке. Я не шучу! Чувство юмора в мозгу рядом со зрением находится.

«Врет, наверное, эскулап. И правильно делает», - подумал капитан. Думал он как всегда - быстро, без пауз.

Зонтик и Понтик получились у дочери вместо Сончик и Пончик. Это он тоже помнил.

И еще он вспомнил, что нашел диск в картонной упаковочке. Это конечно же был тот самый диск, о котором говорилось в письме. Откуда другому в лесной избушке взяться?... Потом что-то расколело его голову... Потом появился Камнев, с ним еще какие-то мужики. Пить давали, куда-то тащили... А потом он проснулся под бой курантов.

- Девчонки, с Но...вым го...дом, - сказал Васильев. - И всех... поздрав...ляю.

## Глава 17

Ох уж эти новогодние каникулы! Да еще с целым табором гостей.

И с тошнотой по утрам...

К мандариново-елочным страданиям прибавились: жарено-луковые и сыро-рыбные, томато-заправочные и петрушко-присыпочные...

Список отвращений, самых неожиданных и изощренных, увеличивался с каждым днем.

Продолжавшая быть шелковой, Аленка решительно взяла ведение хозяйства на себя. Чистоту и порядок в обеих частях квартиры теперь наводила приходящая домработница, продукты закупали Алексей с Иваном, только готовила Алена сама. Она и дома это священнодействие

никому, кроме Аринки, не доверяла.

Но - запахи просачивались даже сквозь стены! Ела Лана в одиночестве, то, что могла или чего страстно хотела: вареную картошку с квашеной капустой. Вареную картошку с солеными помидорами. Вареную картошку с вареньем клюквенным. Вареную картошку с сырковой массой.

Пасту «Блендамед».

Пила воду.

Всё.

С ужасом представляла день, когда готовить придется самой. С нетерпением ждала дня, когда она останется со своей семьей.

Вот такие на нее навалились причуды.

Ужас!

\* \* \*

Пришлось Олегу сдержать данное Тимке слово и объяснить ему, что происходит с мамой. Потому что он рыдал и кричал, что мамочка отравилась, что она их больше не любит, она от него отвернулась и зажала рот, а он ей только мандаринчик принес! А вдруг она... умирает?! Тут рыдания стали вовсе безутешными...

Мысленно призывая на помощь всех известных ему богов, Олег усадил сына на Диван, закрыл дверь на кухню и приступил к разъяснению вопроса о продолжении рода человеческого.

- Тим, во-первых, с мамой все в порядке. Она просто носит ребенка.

- Где? - с недоумением спросил Тимка.

- Вот! Правильный вопрос! Ты же спрашивал, где братик-или-сестричка? У мамы в животике! Мамы так устроены, что их дети, сначала маленькие-маленькие, зарождаются у них в животе, ну, как в яблоке семечка, - ты же видел? Тимка кивнул и поежился.

- Чего ты ежишься?

- Страшно маленькому... в темноте! Он, наверное, плачет там, стучится, а маме поэтому плохо...

- Нет, Тим, ему не страшно, он же с мамой. Но пока ребеночек растет, мамам иногда бывает так плохо, как нашей. Это не болезнь, понимаешь?

- Угу... Долго?

- Расти будет? М-м... еще семь месяцев. Маму скоро уже перестанет тошнить. Живот у нее вырастет большой, как будто она мячик проглотила... А потом родится сестренка! Ну, или братик, как уж получится! Но я, например, хочу дочку. Два сына ведь уже есть. Вон у Ксюши - и братья, и сестра! И нам сестричку надо. Правда?

- Угу... - Пауза. - Девчонки вредные!

- Разве? Не замечал...

- Не замечал!... Аринка с Ксюхой все время над Вадькой и Коляном издеваются!... То в магазин их посылают, то на помойку!

- Ну, так это же самые мужские дела! Продукты тяжелые, мусор... тоже тяжелый!

- Не, они их за мороженым посылают. Оно легкое... А еще Ксюха у Вадьки все жывачки вытаскала! Он ей за это наподдал!... Брат лучше!

- Тим, а разве наша мама вредная?

- Ты что! Мама очень полезная!

- Значит, и сестра будет такая же, как мама! Умная. Красивая. Веселая. И вас с Тошкой обожать будет.

Тимка задумался.

- А она какая родится? Сколько ей будет лет?

- Да нисколько! Она будет ростом с... с твоего медведя! Потом начнет расти-расти-расти...

- Да? С моего медведя? Это даже интересно...

\* \* \*

Никогда не случилось Олегу навещать стольких больных за такой короткий срок. Подумать только: сначала Влад, потом Сашка, а теперь еще и капитан! И все тяжелые. И все в разных городах лежат.

Владу он каждый день звонил. Тот, в общем, шел на поправку, но с позвоночником было не так уж хорошо. Сегодня грубку взяла Стася.

- Папка на операции, - хлюпая носом, сказала она.

- Ты простыла или ревешь?

- Реву...

- Давно оперируют?

- Третий час...

- Стася, не реви... Да нет, пореви, если хочешь. Но с отцом будь веселой!

- Ага! Положительные эмоции, позитивный настрой!... Мне здесь этими советами уже все уши оттопырили! - со злостью выпалила девчонка. - От вас я чего поумнее ждала!

- Кончай хамить, Настасья!

- Да ладно!...

- Ты дома бываешь? Или так и живешь в Склифе?

- Ну... была раза два. Папка ведь совсем... беспомощный.

- А... мама? - осторожно спросил Олег.

- Что - мама? Мама... Ни мама, ни его... дэвушки - ни одна ни разочка не появились. Им всем от папки только мани-мани нужны...

- Настя, я постараюсь приехать, сиделку найдем...

- Нет!

- Настя! Тебе. Надо. Учиться.

- Вот учителей и найдем! Ой, дядь Олег, кажется, закончили. Я вам перезвоню! - Стася отключилась.

Олег вспомнил, какой увидел ее у Влада: оранжерейный цветок, нежная орхидея... А теперь, небось, и судна выносит, и спит в кресле... Нет, там диван стоит. Хоть это слава богу...

Следующий звонок, Матросову, порадовал: идет на поправку.

У капитана все еще не восстановилось зрение. Но врач уверенно пообещал, что скоро все будет в порядке.

Кто? Кто его ударил? Ребята говорят, преступник был на недорогом джипе.

Ишь ты, недорогом...

Все относительно.

Номер, говорят, снегом залепило.

Но особенно интересно то, что он был один. Этот факт не вписывался в то, как понимал Олег происходящее.

До случая с капитаном Олег думал, что жестокие игры с их семьей и коллегой затеял Царьков - владелец строительной компании «Рассвет», благотворитель, меценат и старый друг губернатора. Но если это было так, то кто был в лесном домике? Неужели сам богатейший человек в их области? На видеозаписях он не один, там мелькают люди пониже рангом. Логично предположить, что эта команда и должна была отправиться на поиски компромата. Зачем же рисковать в одиночку?

Или... Или он все не так понимает. И среди людей Царькова есть кто-то, для кого эти материалы страшнее. Кто-то один подозревает, что видеозаписи запечатлели его в момент совершения преступления. Чего-то, чего не совершали остальные.

Странно... Неужели эти люди не подозревали, кто убил Карцеву? Неужели они не подозревали, кто и как собирает на них компрометирующие материалы?

Хотя... Сергей в том письме пишет, что тетка использовала его втемную...

Или Царьков сотоварищи до сих пор не знает о том, что им заинтересовалась Генпрокуратура, и то, что хранилось в лесной избушке, вряд ли так уж отличается от того, что уже лежит в сейфе прокурора...

А может, очень отличается?

О чем вообще говорят эти видеодокументы?

О торговле оружием?

О регистрации банка на подставных лиц?

Что за деньги выкладывает Карцева? И - перед кем?

Какие выводы можно сделать из того, что они просмотрели?

Первое: «Онтель-банк» почему-то зарегистрирован на подставных лиц. Одно из них - Любовь Карцева.

Втрое: Царьков имел или имеет какие-то контакты с чеченскими полевыми командирами.

Третье: Карцева торговала наркотиками оптом. Но об этом можно только догадываться, прямых доказательств нет.

Четвертое: Карцева вместе со своим племянником похищала Тимку. Это не только доказано. Есть еще и письменное признание одного из участников похищения.

Все остальное, все эти аудио- и видеозаписи в суде не сочтут доказательной базой.

И что же? Люди, совершившие доказуемое преступление, мертвы. А капитана, тем не менее, ради каких-то то ли дисков, то ли пленок чуть не убили!

\* \* \*

- Пашка, что-то я запутался... Думал-думал и... - после долгого молчания заговорил Олег.

Они сидели вдвоем на заднем сиденье в машине Павла, ехали навестить Васильева, который сегодня утром наконец-то прозрел. Не обманули врачи!

- В чем запутался, москвич? - думая явно о другом, рассеянно спросил Павел.

- Ты меня слушаешь вообще? Или в своих магнатовских эмпиреях витаешь? - возмутился Олег.

Павел повернул к нему голову, некоторое время изучающе поразглядывал, потом толкнул в бок.

- Не злись, друже! Мне надо кое-что обдумать... Но я потом... Давай говори, что тебя мучает?

- А что тебя мучает, Пашка? Ты все это время какой-то беспокойный. Я-то думал, из-за всей этой истории, а у тебя что-то еще происходит... отдельное?

Павел завозился на сиденье, шаря по карманам, потом толкнул в спину сидящего рядом с водителем Ивана:

- Сигареты в бардачке - достань... И зажигалку!

Тот быстро исполнил указание шефа. Сценка - пустячная вроде бы - покорила Олега: совсем барином стал Стечкин...

Павел распечатал пачку «Житана», протянул Олегу, но тот отрицательно мотнул головой.

- А я покурю. Москвич, о чем у меня печали, я тебе обязательно расскажу, но позже. Понимаешь, рано об этом. Не обижайся, лады? Говори лучше, в чем ты запутался...

Но Олегу говорить с Павлом что-то расхотелось. Отвернувшись, он смотрел в окно.

- Ну во-от, оби-иделся! - огорченно протянул Павел. - Говорю тебе: позже!

- И я расскажу позже... Давай помолчим лучше, - холодно ответил Олег.

\* \* \*

- Судя по тому, как нанесен мне удар, бил человек невысокого роста, - рассматривая рентгеновский снимок, задумчиво говорил капитан. - Во мне метр семьдесят шесть, а в нем... не больше метра шестидесяти пяти-семи сантиметров. Это не я такой умный! Это ко мне Леночка и наш доктор приезжали... Леночку помнишь, Олег Дмитрич? Так вот, стукнул он меня сучковатым поленом, а сучок череп и проломил. Черепушка у меня оказалась хрупкая, кальция не хватает. Так мне мой лечащий врач объяснил.

- Петрович, да брось ты об этом думать! На-ка лучше витаминчиков... - Павел протянул ему собственноручно очищенный апельсин. - Вот тут и кальций, и калий, и магний - все есть. А гадину эту мы найдем, не волнуйся.

Капитан взял апельсин, разломил его на несколько частей, одну дольку сунул в рот, остальное как-то машинально отдал Олегу и Павлу, а те так же машинально взяли. Минуту все молча жевали, потом капитан сказал:

- Я не волнуюсь, Павел Владимирович, я работаю. Я же сыскарь или где? - говорил он уже гладко, без пауз, и выглядел довольно бодро, только страшные синяки под глазами делали его похожим на персонаж фильма «Восставшие из ада». - Да, мужики, ну и наверчено всякой всячины в нашем деле! От наркотиков до безумной страсти, подумать только... Павел Владимирович, как вы считаете, будет Генпрокуратура в этом разбираться?

- Честно сказать - не знаю... Может, она давно уже Царьковым занимается. Мне показалось, прокурор совсем не удивился тому, что я принес... - Павел махнул рукой. - Да и черт с ним, нам бы твоего обидчика достать!

- Вот так, значит... Интересно...

- Эдуард Петрович, я думаю, что в избушке был кто-то по собственному почину, не по указу Царькова, - вступил в разговор до сих пор молча слушавший Олег. - Это вы правильно заметили: наверчено столько, что я совсем запутался.

- Ну да, кто-то имел к припрятанному повышенный интерес... Там деньги быть могли? Я-то нашел только... такую пластиковую упаковочку с диском - или дисками, не успел разобраться. Скорее всего, наличка была только та, что мы еще в тот раз в домике нашли, там немало было... на мой ментовский взгляд, конечно. И карточки электронные. «Виза», кажется. Наверняка это те деньги, которые он сумел как-то снять с теткинских счетов. Хакерским способом, скорее всего. Электронные денежки он вез с собой, этот несчастный Кобылкин... И они у нас. Но ведь тот, кто меня стукнул, мог этого не знать. Он как-то узнал - да как, от Приходько, наверное! - кто убил Карцеву, и что потом произошло... И поехал проверить, нет ли там чего, что мы недоглядели. А тут я ему помог... - Капитан помолчал. - Да, у мадам Карцевой

было что-то, о чем мы не знаем. И о чем Сергей в письме не написал.

- Если от Приходько, тот, наверное, рассказал, что вы оттуда привезли, - заметил Олег.

- Не обязательно. Мы же не знаем, какие у этих... людей отношения. Может, они в конфронтации друг с другом. Я вообще не представляю человека, который бы с Приходько мог ладить... - ответил Васильев. - С большой долей вероятности можно предположить, что был там Байкин. И росту он маленького, но мужик жилистый, и с Карцевой у них дела не только постельные были. А? Как думаешь, редактор?

- Влад мне тоже говорил, что Байкин - главный враг. Только, по-моему, он проиграл вчистую. Теперь ему осталось только следы заметать, - сказал Олег.

- Да? А мне вот кажется, что у нас, кроме догадок, против него ничего нет, - ответил капитан. - На дубинке, которой он меня приложил, кроме моей кровушки нет ни-че-го! Следы ног и шин снег засыпал. К тому же я там был не при исполнении, я ведь от работы отстранен... и местных ментов вы не потревожили. Так что дела по покушению на меня никто не возбуждал. Одно хорошо: кто бы то ни был, теперь он притихнет.

Капитан помолчал, о чем-то задумавшись, потом горько усмехнулся и подмигнул своим страшным глазом Олегу:

- Помнишь нашу встречу на конспиративке? Олег тоже усмехнулся:

- Помню... Как не помнить.

- Я-то вас зачем тогда позвал? Мы с Саньком договаривались, что он в материале каком-нибудь про диск этот расскажет: вот, мол, какое мне кино по почте прислали. А я с этой газеткой и со своей подброшенной пластинкой - к начальству: смотрите, что за дела! Надо бы заняться!... Начальство, конечно, было бы недовольно, но отмахнуться бы не смогло. И начали бы мы фигурантов в прокуратуру и в ментуру вызывать да допытываться: а с кем это вы тут беседуете? А когда? А это что за бумажку подписуете? А порошок этот - уж не героинчик ли, часом? И так далее - до полного их признания... А тут - бац! - Карцеву упокоили, и - бац! - Камнева повязали... А теперь - бац! - меня отстранили от работы...

Капитан замолчал и грустно уставился в потолок.

- И хорошо, что отстранили! - с энтузиазмом воскликнул Павел. - У меня главным начальником охраны работать будешь! Будешь?

- Это что, в Сибирь к вам ехать? - растерялся капитан.

- Зачем в Сибирь? Я в вашем городе комбинат строю.

Когда они ехали обратно, позвонила Стася.

- Олег Дмитриевич, миленький, с папой все будет хорошо! - радостно закричала она. У Олега от ее звонкого голоса даже ухо заложило. - Операция прошла отлично! Папа будет ходить!

- Наконец-то хорошие новости! Поздравляю! - обрадовался Олег. - Держись, папе большой привет. Постараюсь приехать, будем реализовывать наш план.

- Не надо никакого плана! У меня все отлично, - упрямо ответила Стася. - До свидания, мне

пора...

И она быстренько свернула разговор.

- Кто это? - любопытствовал Павел.

- Это дочка моего студенческого друга. Он попал в аварию. Сделали операцию, она говорит, что теперь нормально все будет. Преданная дочка у Владьки оказалась, несмотря на крайнюю избалованность. Уже почти месяц из больницы не уходит, ухаживает за лежащим мужиком... Представляешь?

- А сколько ей лет?

- Ровесница моего Тошки.

- Матери нет, чо ли?

- Да есть! - с досадой сказал Олег. - Только неладное у них что-то в отношениях... Не знаю я ничего. Жалко мне Влада. Парень он хороший. И журналист талантливый, но его все время заносило в сторону денег. Душа требует правды, а что-то еще в нем - денег и шума. Он же редактор и совладелец царьковской желтой газеты вот уже полтора десятка лет.

- Ага! - многозначительно сказал Павел. - А если мы ее перекрасим?

- Кого - газету? Как?

- Я ее куплю! А ты переделаешь.

Олег развернулся всем корпусом, даже немного вперед наклонился, и внимательно всмотрелся в лицо друга. Лицо было довольное и безмятежное.

- Чо смотришь?

- Паш, скажи честно: чтобы так разбогатеть, надо обязательно лезть в криминал?

- В криминал - не обязательно. На грани... По лезвию бритвы, так сказать, ходить приходилось. Взятки давать, например. А ты как думал? Но я, как только понял, что у меня может дело пойти, сразу нанял толковых юристов, они мне закон нарушать не дают. И когда против меня что-то замышлялось, упреждали не раз.

В это время джип повернул к подъезду их дома.

- Вот и приехали, - сказал Павел. - Сейчас по чайку, а за ним и поговорим обо всем.

## Глава 18

Каникулы заканчивались, но Стечкины собирались уезжать после старого Нового года, до которого оставалось пять дней.

Детвора всей ватагой пропадала то на катке, то на горках, то в кино, то в кафе, то еще где-то... Они легко сошлись, потому что все занимались карате - было о чем поговорить, что друг другу

показать. Домой только ночевать являлись. Иван часто сопровождал их - на всякий случай. Старшим такая опека не нравилась.

- Мам, я город знаю, куда зря не поведу! Зачем нам нянька? - возмутился Платон.

- Не бузи, Тошка! Дети Стечкиных - их забота, они и решают, нужна нянька или нет. Не устраивает тебя - ходи отдельно...

- Скажешь тоже - отдельно! Это невозможно. Неэтично, - ворчливо отвечал Платон.

Кроме опеки, возражений не возникало. Слава богу, тайных пороков в жизни Платона не было.

Лана, кроме отвращения к куче запахов, вдруг обрела повышенную тревожность. Ей стало казаться, что она всегда была плохой матерью.

«Платошке четырнадцать лет, в этом возрасте все дети начинают вытворять бог знает что, - думала она. - А мне это раньше и в голову не приходило. Главное - кашей утром накормить! И Тимку на него повесила, как будто так и надо... Нет, и ведь жила и радовалась: ах какие у меня мальчики умные, какие дружные! А Тошке уже свободы хочется... Совсем идиотка!»

- Ма, а ты чего киснешь в четырех стенах? - заглянул в спальню, где Лана теперь проводила почти все время, предмет ее размышлений. - Let's go с нами! На каток, о'кей? Давай вставай уже! Валяешься и валяешься! Тебе сейчас кислород нужен!

Платон вдруг покраснел и отвел глаза.

- Платон мне друг и истину глаголет! - Лана осторожно вывела себя из лежачего положения, села на кровати, нашарила ногами тапочки. - Ты не в курсе, папа приехал?

- Как бы он приехал - и к тебе не зашел? Ну, ты одевайся потихоньку, я пойду к Стечкиным, тетя Алена обедать звала...

В это время вошел Олег.

- Привет, пап, я тут маму гулять агитирую.

- Совершенно правильно делаешь. А я - плохой муж, раз жену не выгуливаю. Лань, ты меня простишь?...

Олег, проводив жену и сыновей на прогулку - они вместе с детворой Стечкиных загрузились в джип, - пошел на половину Павла. Тот сидел за кухонным столом и говорил по телефону. Лицо его выражало уважение и повышенное внимание.

- Я сегодня выезжаю и завтра в одиннадцать часов буду у вас. - Последнее слово прозвучало так, будто было написано сплошь заглавными буквами. - До свидания!

- С кем это ты так подобострастно беседовал? - не сдержал любопытства Олег.

- А чо, прогибался, да? - испугался Павел.

- Нет, - засмеялся Олег. - Но такого... пиетета в твоём голосе я давно не слышал. Ты теперь больше все команды раздаешь.

- Ехидный ты, москвич. Почти как тля зеленая, - обиделся колбасный магнат. - Я при тебе

скоро говорить с оглядкой начну... Мне Сам лично звонил.

Павел показал пальцем вверх. Олег посмотрел на потолок, куда указывал Стечкин.

- Кто сам?

- Президент России.

- А-а, - не очень удивился Олег. - Он тебя зачем-то вызывает?

- Ну да... - Было видно, что Павел что-то просчитывает в уме. - Та-ак, похоже, пора свой бизнес на Алену переписывать... Мне, Олег, губернаторство предлагают, в этой области. - Он ткнул пальцем теперь уже в пол и вдруг покраснел. - И кандидатуру Царькова на эту должность рассматривали...

- И давно тебе это известно?

- Ну... два-три месяца.

- Совпадение... Но таковым не выглядит, - задумчиво пробормотал себе под нос Олег.

- Что говоришь? - заинтересовался Павел.

- Говорю: совпадение, что Матросов в это же время о компании Царькова разоблачительные статьи писал. А никто не поверит. Скажут, что Камнев за своего босса боролся, вот что скажут, Паша!

- А я тебе сразу говорил: моя вина, что он на вас наехал!

- Говорил. Только причину другую приводил. Какую-то неубедительную...

- Ну... Пойми меня правильно: о таком раньше времени разве треплются? А ты чо загрустил?

- Эх, Пашка, на фига оно тебе, это губернаторство?!

- Не поеду в вашу Москву! Здесь стану жить, мне здесь нравится-я!... - ревела Ксюшка.

- Солнышко, надо ехать! У отца завтра очень важная встреча, а потом много дел, - уговаривала ее Алена. Но Ксюшка топала ногами и ревела все громче.

Все собрались на половине Стечкиных, пили чай на дорожку. Даже Лана, собрав все мужество, сидела за общим столом.

- Поеду-ка и я в Первопрестольную, Лань, - шепнул жене на ушко Олег.

- Зачем?

- Влада проведу. И с Павлом не договорили мы. А может, Тимку взять с собой? А, Тимофей? Как ты насчет в Москву прокатиться за компанию?

- Ура! - хором завопили Тимка и враз прекратившая рев Ксюша.

- Тогда собираться, живо!

- Бать, я с Тимкой поеду! Ну пожа-алуйста! - заныла Ксюшка.

- И я с Тимкой поеду! - согласно кивнул Павел. - Олег, ты ведь на машине, я правильно понял?

- Все правильно понял, господин Next.

- Ну и правильно, - одобрил Павел. - Значит, расклад такой: Алена едет со старшими и за старшую, водила - Леха. Иван...

- Ивана-то с собой возьми... - посоветовала Алена.

- Ладно. Только он сядет с детворой сзади, а я с Олегом Дмитричем.

- Вот теперь правильно, - одобрила Алена.

- А ночевать у моих будем, - распорядился Павел и, видя, что Олег хочет отказаться, командирским голосом приказал: - Не возражать! Пока доедем - вечер будет!

Тимка с Ксюшей то шептались и хихикали вполне дружески, то начинали пинаться и шпынять друг друга, то просили попить, то поесть, то остановить машину, чтобы сбежать в кусты... Бедолага Иван замаялся с ними. Сидели-то они в детских креслах, а он - посередине.

Павел иногда поворачивался к ним и, делая страшные глаза, обещал высадить в лесу или отдать в Москве чужим дядькам. Но ребятня только бесстрашно хохотала.

- Лучше не лезь, только хуже получается, - бросил Олег.

Павел тут же отреагировал:

- Ты как Черномырдин: «Лучше водки хуже нет», - и захохотал громче малолетних пассажиров.

День был ясный, дорога хорошая, и Олег предложил:

- Давай прямо сейчас поговорим.

- Водителя нельзя отвлекать! - крикнул сзади Тимка.

- Я не буду отвлекаться, только слушать буду, - успокоил сына Олег. - Вместо радио.

Павел усмехнулся и, покрутив головой, пробормотал: «Вместо радио...»

- Вот ты говоришь: на фига мне губернаторство, - начал он с того, на чем прервался их давешний разговор. - А ты как думаешь, гожусь я на эту должность? Только серьезно, без твоих намеков, что я барином стал... А?

- Заметил, значит, что я... э-э... засомневался, - усмехнулся Олег.

- Трудно было не заметить.

- А если серьезно... Да, годишься в губернаторы. Только не...

- Конечно, не таким, как... не помню, где, у Салтыкова-Щедрина, кажется... Или вообще - в нашей жизни. Я хочу, чтобы хотя бы в одной области России для людей наступила нормальная жизнь. Чтобы не горькую народ пил, а деньги зарабатывал, квартиры мог на свои трудовые, а не награбленные покупать. Чтоб детей можно было на улицу спокойно отпускать, не думать,

что они наркоманами домой вернутся или... или вообще не вернутся. Короче, понял, да?

Олег присвистнул:

- Утопия...

- Да ни тли зеленой не утопия! Ты помнишь, с чего я начинал? И к чему пришел! Ты спрашивал, можно ли такое совершить - и в криминал не влезть... Вот, смотри на меня. Иван не даст соврать. Скажи, Вань, - обернулся назад Павел. - У меня на предприятиях народ пьянствует?

- Нет, - улыбаясь, ответил Иван.

- Ворует? Прогуливает?

- Ни боже мой!

- Ну вот! А прочему? Потому что работой дорожит! Деньги я плачу хорошие. Но чтоб не баловали! Меня народ уважает, что скрывать... Взятки я давал, приходилось. Тьфу! У меня этого не будет.

- Паш, а почему ты в Сибири...

- Ну, если бы в Сибири предложили, не отказался бы, там даже легче, говорю же: народ уважает. Просто вашему губернатору отдыхать пора, вот и... Так уж получилось. Совпадение, но таковым не выглядит. Это я тебя цитирую, предчувствуя, что ты сейчас и газету, и комбинат мне припомнишь.

- Кстати, насчет газеты я передумал.

- Что ты еще передумал? Мы вроде об этом еще не говорили.

- Не говорили, но я уж собрался предлагать тебе поискать другого главного.

- Тю! Зовсым сказывся! И не думай - не отпущу!

- Я же говорю: передумал. Мне нравится направление твоих мыслей. Но! У меня будут условия...

- Да какие угодно! Мне для тебя ничего не жалко, - с готовностью сказал Павел.

- Что-то на заднем сиденье тихо... - Олег глянул в зеркало. Дети сидели и с блестящими глазами слушали их беседу.

- Дядя Паша так говорит... как супермен! - с восторгом заявил Тимка.

Олег с Павлом переглянулись и одинаково фыркнули.

- Ну, Тимка, ты точно определил, - выравнивая дернувшуюся в сторону машину, сказал Олег. - Дяди-Пашины планы только супермену под силу.

- Да справимся мы, вот увидишь! - убежденно ответил на это Павел. - И давай об остальном уже в Москве поговорим, а сейчас баранку крепче держи. Может, устал, подменить тебя?

Неожиданный массовый отъезд, следы спешных сборов в обеих половинах квартиры... У Стечкиных кухонный стол, заставленный блюдами с мясом, салатницами с остатками салатов, вазами с фруктами...

Лана рассеянно бродила из комнаты в комнату, не зная, с чего начать уборку. Наконец Платон не выдержал:

- Ма, чего шарахаешься из угла в угол?

- You are very rude, mister Тошка!

- Почему это я грубый? Я - точный в словах. Ты, ма, именно шарахаешься. Глаза ввалились, губы скривились, походка неуверенная... Одевайся, и пойдём гулять.

- Where are?... - вяло поинтересовалась Лана.

- Somewhere... Какая тебе разница? Пойдем пошатаемся по морозцу. Тебе через... тебе уже послезавтра на работу! Народ подумает, тебя отец бросил. Или старший сын наркошей стал, а младший женился. Смеется она!... Одевайся.

- Ох, Тошка, а ведь ты прав на тысячу процентов! - в прихожей взглянув на себя в зеркало, ужаснулась Лана. - Краше в гроб...

- Вот только не надо о потустороннем. Давай сапоги застегну... - Платон повозился-повозился с молнией и растерянно взглянул снизу вверх на Лану. - Не сходится, мам... А так вроде похудела...

- Плохо. Отеки уже начались. Тошка, давай я ботинки теплые с носками обую - и пойдём скорее. Кислород мне нужен как воздух... Только квартиру оставляем в таком виде, что... этот, потусторонний ногу сломит.

- Нельзя уборку затевать, наши еще не доехали. Вот побродим часика три, в кафешке пару часиков посидим... А там они, глядишь, и отрапортуют о своем благополучном прибытии в столицу нашей Родины, - деловито сказал Платон. И добавил с интонациями миссис Берримор из своего любимого фильма «Собака Баскервилей» - когда она кормила овсянкой приболевшего после встречи с монстром сэра Генри: - И тогда мы пойдём домой, и наведем шмон, и поиграем в карточки, и посмотрим телек. И будет нам тихо и спокойно...

Они неторопливо шли по направлению к городскому парку, но Лана вдруг изменила план свободной прогулки.

- Давай сейчас купим полезных вкусностей - винограда там, инжира, кураги - и навестим Матросова. Мы у него уже дней пять не были.

- Только идем исключительно пешком! - поставил условие Платон.

Сашу они встретили на аллее больничного парка. Он шел медленно, чуть наклоняясь влево. Рядом шла его мама и держала сына под руку.

- Поздравляю, Санька! Уже гуляешь! Ты молодчина, - обрадовалась Лана. - Добрый день, Екатерина Кирилловна.

Саша с матерью поздоровались с Ланой - и стали знакомиться с Платоном, долго и

старательно. Потом, когда уже невозможно стало длить эту церемонию, Екатерина Кирилловна спросила у Ланы об Олеге.

- Они с Тимкой сейчас в Москву едут. А меня Платон на свежий воздух вывел, говорит, плохо выгляжу.

- Не удивительно, столько потрясений перенесли за последнее время, - сочувственно сказала Екатерина Кирилловна. - Лана, я уже Сашеньке рассказала, вам вкратце повторю... По городу ходит масса догадок, слухов и сплетен.

Лана прикусила губу, а Платон, сжав кулаки и покраснев, пробормотал под нос ругательство. Правда, по-английски.

- Мама! - укоризненно сказал Саша.

- Тошка! - возмущенно воскликнула Лана.

- Ох, я и впрямь не вовремя, при ребенке... - спохватилась Екатерина Кирилловна.

- Я не ребенок, я уже паспорт получил! - заявил Платон.

- Платон, поводи меня, я сам еще боюсь ходить, а маме меня водить тяжело, - попытался спасти положение Саша.

- Вам должны были дать коляску! - грубовато ответил Платон, но взял Матросова под руку и повел прочь от напряженно молчащих женщин.

- Как неловко получилось... Вот глупая! - обругала себя Екатерина Кирилловна.

- Ну что вы, не переживайте, - вежливо сказала Лана, но в душе согласилась: да уж, умного мало. Не вообще, а в данной ситуации...

- Но раз уж мальчики нас оставили, я вам расскажу. Не потому, что люблю сплетничать, поверьте! Просто такое положение дел требует какого-то выхода. Какого-то поступка с вашей стороны. Я имею в виду газету.

- Вы хотите сказать, что мы должны описать все наши злоключения? - растерялась Лана.

- Ну... Ведь название газеты - «Объектив», и вы всегда его оправдывали. А сейчас - весь город гудит, а вы три выпуска отмалчивались, ни слова на интересующую всех тему, а потом и вовсе на каникулы ушли!... Весь город говорит...

Лана не верила в такие вещи. Весь город говорит! Триста тысяч человек? Им что, нечего обсуждать, кроме того, что случилось с ее семьей?

- Екатерина Кирилловна, я поняла: вы советуете как-то... рассказать читателям всю эту историю. Послезавтра на планерке мы это обсудим... - Лана поморщилась, отвернулась и с неловкостью сказала: - Не обижайтесь, но мне неважно слушать еще и сплетни. То, что весь город говорит. И так тяжело...

Сашина мама, а по совместительству доктор исторических наук и директор краеведческого музея, покраснела, опустила глаза и пробормотала:

- Я совершенно не собиралась передавать сплетни. Просто мне безразлична репутация

газеты, в которой работает мой сын. Наша общая репутация небезразлична.

Лане стало стыдно. Ей пришлось пережить такое, о чем не хочется вспоминать. А Саше Матросову что, меньше пережить пришлось? А его маме? И она не только мама пострадавшего сотрудника газеты, она и сама может считаться членом коллектива, потому что за эти годы столько для газеты написала... Она тоже свой человек, и ей тоже сейчас тяжело.

Екатерина Кирилловна постояла молча, напряженно выпрямив спину, повернулась и пошла в ту сторону, куда Платон увел ее сына. Лана догнала ее через два шага, уцепилась за локоть и жалобно сказала:

- Простите меня! Простите поскорее! Или я сгорю от стыда!

По дороге домой долго молчали. Лана все еще ругала себя за свое поведение с Сашиной мамой, хотя они помирились и даже всплакнули, обнявшись.

- Ты на Екатерину Кирилловну не сердись, она ведь пережила не меньше нашего, - вдруг нарушил молчание Платон.

Между прочим, сцены, разыгравшейся между женщинами, они с Сашей не видели. Телепат у нее растет, что ли?

- Лишь бы она на меня не сердилась, Тошка, - со вздохом сказала Лана. - Я иногда бываю... несносной.

- Да ладно, чего ты! Вы же хорошо попрощались, я видел. Она на тебя не злится, - утешил Платон. - Ну, и что про нас плетут в городе?

- Ты, Тош, историю любопытной Варвары помнишь?

- Я фольклором не интересуюсь, - надменно заявил Платон.

- Не интересуется он... А я вот вспомнила не вовремя, - вздохнула Лана. - Не потому не вовремя, что ничего не узнала, а потому, что обидела хорошего человека, который не просто поболтать хотел, а душой болеет за нас. Да и за себя тоже. Она ведь наш постоянный автор. И какой!

- Мам, не расстраивайся, тебе нельзя. Don't worry! Be happy! - пропел он своим скрипучим подростковым голосом. - Ну и хорошо, что ничего не узнала, а то мучилась бы от несправедливости.

Они уже подходили к своему дому, когда позвонил Олег и сообщил о благополучном прибытии к старшим Стечкиным.

- Завтра с утра поедем навестить Влада, а потом - к теще, а то уже сколько она внука не видела, - доложил он.

- Домой вас, я так понимаю, послезавтра ждать?

- Нет, завтра поедем. Не могу же я первый рабочий день прогулять.

- Отлично, маме привет от нас...

- А как же! Ну, ведите себя хорошо...

- Все, теперь уборка неизбежна, - закончив разговор, сказала Лана Платону.

Решила начать с кухни Стечкиных, но запах еды, простоявшей целый день на столе, вызвал уже привычную реакцию. Платон, увидев ее страдальческое лицо, отобрал у нее тарелки.

- Мам, если тебя так тянет на уборку, иди у нас в квартире чистоту наводи. К дяде Паше завтра все равно его домработница придет, не знаешь, что ли?

- Знаю, но кухню хотя бы надо убрать...

- Ага! И будешь каждые пять минут унитаз пугать... Иди, я сам. И ужин я тебе приготовлю. Иди уже! Телик посмотри или почитай.

- Ну, хорошо... А ты ничего у нас парнишка растешь, заботливый! - Лана хотела потрепать сына по голове, но он увернулся. - Пубертатный период, - вздохнула она и хотела уже уйти, но остановилась, нерешительно глядя на Платона, который сновал по кухне, деловито собирая со стола остатки утреннего пиршества. - Тош, Тимка как-то не очень хочет сестренку... А ты?

Платон замер с посудой в руках, помолчал...

- Ну у тебя и вопросы, ма... Откуда я знаю? - Он осторожно поставил обратно на стол башню из чайных чашек, повернулся лицом к Лане и нерешительно сказал: - Вот если честно, я пока ничего не знаю. Мне только тебя жалко.

- Знаешь, Тошка, что в тебе неизменно с самого младенчества - так это твоя правдивость, - со вздохом сказала Лана.

- Не понял, ты меня хвалишь или ругаешь? - с подозрением спросил Платон.

- Хвалю, конечно, - опять вздохнула Лана и пошла в «кабинет-гостиную», прихватив из вазы большое зеленое яблоко.

На их половине Олег с Тимкой крупномасштабных сборов не устраивали, квартира выглядела вполне пристойно. Лана включила телевизор, взяла «пыльную» салфетку, начала протирать мебель. Трели своего мобильного она услышала не сразу, да пока еще отыскала его - опоздала ответить. Даже не посмотрев, кто это звонил, она нажала кнопку последнего неприятого вызова.

- Светочка, ты? Звоню-звоню, не отвечаешь... - услышала она голос капитана Васильева.

- Эдуард Петрович, как я рада вас слышать!

- Ты на меня уже не сердишься за мое недоверие?

- Да что вы, я такой виноватой себя чувствую. Ведь это из-за моих фырканий вы попали в беду.

- Да брось ты - в беду! Я уже дома, со мной все нормально. А Олег отбыл в Москву, я в курсе. Ты себя как чувствуешь?

- Все в норме, Эдуард Петрович.

- Хорошо... Ты Олегу передай: как приедет - пусть сразу мне позвонит.

- Хорошо...

- Ну, будь здорова!

- И вы тоже...

Ох, какой камень с плеч! Капитан дома и на нее не сердится! Что-то ей в последнее время часто приходится просить прощения. Надо в себе повнимательнее разобраться: может, она что-то делает не так?

В дверном проеме возникла Тошкина фигура. Каратист. Ходит, как кошка, бесшумно...

- Мам, картошку я сварил. Тебе ее чем полить - вареньем или зубной пастой?

- Маслом оливковым, остроумный ты наш. И в холодильнике, кажется, еще кислая капуста оставалась...

- Ух ты, прогресс - от зубной пасты отказалась, маслица попросила!

- Ну-ну, не преувеличивай степень моего безобразного поведения. Масло я и раньше ела. А вот тортика мне что-то впервые за отчетный период захотелось. Осталось там что-нибудь вроде бисквита в шоколаде и с вишнями?

## Глава 19

Утром Павел, неоднократно поминая тлей всех цветов радуги, облачился в костюм от какого-то там Хьюго, повязал скромный галстук, который стоил приблизительно как отечественный автомобиль. «Офисная» одежда была для него мучением, при любой возможности он натягивал свитер и джинсы. Но такие «возможности» выдавались все реже. Ноблес оближ, тля зеленая! В крапинку, в полосочку...

Олег с Тимкой поехали следом за автомобилем Павла, но, съехав с МКАД, джип и «форд» прощально бибикнули друг другу и направились каждый в свою сторону.

К институту Склифосовского подъехали не скоро: настоялись в московских пробках.

Тимка измаялся, иззевался и искрутился, насколько позволял ремень безопасности. Олег не раз пожалел, что связал себя автомобилем: на метро в пять раз быстрее было бы... Но тем не менее наконец все же прибыли на место. Добродушная гардеробщица долго подбирала Тимке белый халат, «чтобы мальчонка совсем не утонул». Ее труды увенчались относительным успехом: гардеробщица исхитрилась подвязать полы халата Тимке на пузе. Олег тоже накинул робу, оба натянули бахилы - и пошли.

Они уже подходили к палате, где лежал Влад, когда из ее дверей выскочил человек и понесся им навстречу. Олег понял, кто это, только когда человек, яростно бросив: «Прррриветствую!» - промчался мимо. Это был Байкин.

Из-за двери, как и в первое посещение, Олег услышал быстрый девичий говорок, постучал, и снова, как тогда, Стася крикнула: «Войдите!» Но от прежней Стаей только голос и остался. Она была одета в докторскую робу, волосы спрятаны под шапочку. На лице никакого макияжа.

- Ой, Олег Дмитриевич! Это ваш сын? - Она накинулась на Тимку, затормошила его, стала что-

то быстро говорить. Тимка, за последнюю декаду поднабравшийся опыта общения с девицами нескольких возрастных групп, не очень-то и смутился таким натиском, солидно отвечал на вопросы Стаей, даже свои задавал. А Олег тем временем поздоровался с Владом, пораспрашивал о здоровье и подошел к заинтересовавшей его встрече у порога палаты.

- Байкин? - Влад усмехнулся. - Байкин, друг мой, приехал ко мне на работу проситься...

- Та-ак, - протянул заинтригованный Олег. - А как же его планы по взятию «Объектива»?

- Какие там планы!... Он пребывает в дикой панике. А я прикинулся совсем немощным, и моя дочь тут же мне чудесно подыграла. Я за что-то его хвалил - и он таял, как мороженое на пляже... Наконец я пожаловался на невнимание ко мне со стороны Царя - и тут Степу прорвало! Ему, оказывается, давно надоело ходить в шестерках, и он ушел с должности в «Рассвете»! Сам ушел! Он так бил себя в грудь, что я понял: Царь дал ему бо-ольшого пинка!... И тогда он сказал, что хотел бы устроиться в «Прогулки». Что он имеет огромный опыт работы в рекламе - естественно, в добычании, а не в производстве. И знает, что мой руководитель рекламного отдела плохо ведет дело. А он, Байкин, поведет дело так, что мы с ним через полгода сможем откупиться от Царя. Мы с ним! Умора, ей-богу...

Влад замолчал. Устал. Стася, услышав молчание, подошла к отцу, накапала что-то в стаканчик.

- Папка, выпей, пора. А мы с Тимофеем пойдем по территории погуляем. Можно, Олег Дмитриевич? А потом будем есть и пить вкусности, да, Тим?

- Только я кока-колу, спрайт и фанту не пью! - строго сказал Тимка.

- Я их пью, что ли? Никто тебе такой гадости и не предлагает. Мы соку апельсинового выжмем. Пойдем!

Она вытащила из стенного шкафа песцовую шубку, длинные замшевые сапоги и обернулась к отцу:

- Мы пойдем, да?

- Идите-идите, Стасенька, хоть кислорода вдохнешь! Совсем девка зачахла около меня... - озабоченно, но и хвастливо сказал он Олегу.

Олег улыбнулся:

- Дочка у тебя высокого класса человек.

- Нет, правда? - Влад обрадовался даже больше, чем тогда, когда Олег назвал Стасю красавицей. - Знаешь, она за мной как за младенцем...

Голос его прервался. Ну и что? Человек после таких травм имеет право на слабости...

- Тебе Стася велела лекарство выпить, не забыл? - сделав вид, что не заметил дрожи в голосе Влада, напомнил Олег.

- Да, конечно. Налей воды, пожалуйста. В холодильнике бутылка. Вот спасибо... Ну, я тебе самого интересного еще не рассказал... Так вот, Степа уже почувствовал себя начальником рекламного отдела. Аж глазки засияли. Сказал, что я могу на него положиться, что без меня он железный порядок в редакции наведет... Это он думал, что я парализованный валяюсь! И

тут я резко выздоравливаю и сажусь в кровати. Это надо было видеть его физиономию! А я говорю уже без всякого дипломатизма: « Степа, мэр нашего города всеми силами борется, чтобы Москва становилась с каждым днем все чище и красивей. Он из столицы грязь вывозит, да все никак не вывезет. А я мэру палки в колеса вставлять не хочу. Понял ли ты меня, Степа? Вижу, не понял... Тогда скажу прямо: грязь из провинции ввозить не буду. У тебя руки по самые ключицы замазаны, и не только дерьмом. Теперь ты меня понял, Степа?» Ну, тут он и выскочил как ошпаренный...

- А насчет замаранных рук - это что ты имел в виду?

- Наркотики. У него девка одна крупным дилером была и с ним барыши делила. Та самая, убийство которой на тебя повесить хотели.

- И это ты знаешь, информированный наш, - усмехнулся Олег. - А почему же ты раньше такой информацией со мной не поделился?

- Пожалел тебя. Ты ведь стал бы копать - и докопался бы... То есть себе выкопал бы ямку в три аршина... А! - Влад слабо махнул рукой. - Всех блох не переловишь.

- А мне не нравится, когда меня блохи кусают. Я вообще-то за дезинсекцию... - Олег нахмурился, отошел к окну. Влад смотрел на его напряженную спину.

- Олег, ты не думай... Я в их делах ни одним пальчиком!

- Я понимаю... - не оборачиваясь, сказал Олег. - Иначе Байкин к тебе спасаться не прибежал бы. Почему он к тебе прибежал, Петраков?

- Подозреваю, что он пронюхал кое-что, - не очень охотно ответил тот.

- Влад, ты уж рассказывай все. Без точной информации, знаешь ли... в общем, я уже боюсь без информации оставаться.

Влад пошевелился, удобнее устраиваясь в постели.

- Ну, вот тебе еще информация к размышлению. Я ведь насчет того, что Царьков меня бросил, наврал Байкину. А на самом деле все не так. Царьков ко мне собственной персоной еще до операции пожаловал, сокрушался, сочувствовал, предлагал в какую-то супер-пупер-клинику меня переложить. Ну, я, конечно, отказался.

И тогда он мне предложил... свой пакет акций «Проголуточных» - ну за очень смешные деньги! В качестве, так сказать, выплаты за понесенный ущерб здоровью в рабочее время.

- А ты что ответил?

- Конечно, согласился! Мне уже давно желтый цвет осточертел. Может, удастся сделать что-нибудь в более... благородных тонах. И завертелось дело: он и нотариусов, и юристов - всех сюда собрал, за два дня сделку оформили. Так что можешь меня поздравить: я теперь держатель контрольного пакета. Компаньон мой только пятнадцать процентов и имеет...

- Что-то не верю я в благородство и щедрость Царькова. Или это он тебе аварию подстроил, теперь рот заткнуть хочет... - задумчиво сказал Олег.

- Да ну! - отмахнулся Влад. - Не вел же он меня постоянно!...

- Значит, бежать наш олигарх надумал. Похоже?

Влад замер, словно опешив от такого предположения.

Потом расслабился, усмехнулся:

- Такая глубина... Кого ему в нашей стране бояться?

Олег хотел было ответить, кого следует бояться Царькову, но в это время вернулись с прогулки Стася с Тимкой, и интересный разговор пришлось прервать.

Стася, как и обещала, угостила Тимку свежим апельсиновым соком и какими-то необыкновенными пирожными.

- Удивляет меня Стаська, каждый день удивляет, - тихонько шептал Олегу Влад. - Ты не представляешь, какая она была капризуля! А тут - круглые сутки возле меня... И сейчас, смотри, с пацаненком твоим возится прямо с упоением...

- Говорю же тебе: хорошая, даже отличная девчонка. И характер прямой. Она ведь в прошлый раз чуть меня не побила за то, что я тебя расстроил.

- Да ты что! - И умиленный Влад снова чуть не прослезился.

Выйдя из больницы, Олег первым делом вынул телефон.

- Что-то нам дядя Паша не звонит, - сказал он озабоченно. - Ах ты! Батарейка села! Тимка, скорее в машину, мне надо подзарядить телефон! Небось, Павел уже всех тлей на меня повесил!

И точно: только успел Олег подключить трубку к заряднику, как та запела.

- Ты, москвич, совесть дома на диване оставил? - с места в карьер гневно взревел Павел. - Я тебе звоню, звоню!...

- Прости, Пашка, батарейка сдохла, только сейчас смог... Ну, что у тебя? Не томи!

- Чо - чо? Наверху меня решили выдвигать. А что решит областная дума... Но этот вопрос на ее обсуждение еще через три месяца вынесут. Так что время есть. Мой комбинат к тому времени уже работать начнет.

- Значит, вторую кандидатуру совсем... забраковали.

- Да кто их знает... Ну, как там твой друг?

- Поправляется. Байкина выгнал.

- Выгнал?

- Ну да. Он к нему на работу просился. Его и Царьков выгнал.

- Ага, всполошился! Да поздно. Раньше надо было ряды чистить. Ну, лады, москвич! Я теперь к концу месяца к вам прибуду. Комбинат принимать.

Олег положил телефон на соседнее сиденье и повернулся к Тимке:

- Ну что, поедem теперь бабушку навестим?

- Ее! - важно согласился Тимка. После общения со Стасей он чувствовал себя взрослым и значительным.

\* \* \*

Инна Михайловна, мама Ланы, как теща была необременительная, более того - очень удобная. Когда понадобилось смотреть за Тошкой, без возражений переселилась к ним. Когда надобность в ее услугах отпала - так же спокойно уехала в Теплый Стан, в свою двухкомнатную «распашонку». Жила она одна. Ее мужа, отца Ланы, еще в начале девяностых пригласил во Францию владелец известной картинной галереи. С тех пор Платон Васильевич жил и творил в предместье Парижа. Они не развоились - просто каждый жил своей жизнью.

Ланка когда-то рассказывала Олегу об отце. Когда им овладевала идея картины, он попросту забывал о них с матерью. И дома не появлялся, жил в мастерской. А когда картина была написана, он начинал страдать от несовершенства воплощения своего замысла...

А потом вдруг вспоминал о жене и дочке - и у них некоторое время была не жизнь, а праздник! До следующей идеи.

Когда Ланка была маленькой, ее пугали и обижали такие перемены. Еще вчера папа водил ее и в зоопарк, и в цирк, и в кукольный театр, маму на руках носил, цветы ей охапками таскал. А сегодня - словно дверь в нем захлопнулась. И на этой двери повис огромный амбарный замок.

- А когда мне лет одиннадцать было, я с мамой даже ругалась, возмущалась, что она его защищает и в мастерскую еду таскает. Мама-то его понимала... Бедная, она его всю жизнь любит, и нет этому конца! А что поделаешь? Он такой... художник, творческий абсолют...

- Не перебарщиваешь с определением? Творческий абсолют - это Бог, - помнится, засмеялся тогда Олег.

Лана смутилась:

- Да, что-то я... Ну, в общем, творческая личность мой отец. Со всеми вытекающими из этого определения последствиями.

\* \* \*

Квартира Инны Михайловны была на первом этаже. Тимка, отыскав глазами знакомые окна, воскликнул:

- У бабушки кошка в окошке! Ой, я стих сочинил!

На их звонок отреагировали не скоро. Олег уже телефон достал, чтобы позвонить теще, но в это время дверь наконец открылась.

- Олег! Тимочка! - обрадовалась Инна Михайловна и тут же огорченно констатировала: - Остальные не приехали... Ну, проходите, проходите! Господи, Тимка вырос-то как! Олег, он так на Тошку в этом возрасте похож...

Тимка, заходя в тесную прихожую, первым делом похвастался:

- Бабуль, а я сам стих сочинил! Вот слушай: что у тебя за кошка на окошке? Здорово?

- Ага, кажется, у нас еще и поэт растет? Этого нам только не хватало! - засмеялась Инна Михайловна. - А на окошке... Нет, уже не на окошке, вот она пришла... - Она наклонилась и взяла на руки пушистую кошку. - Это моя подружка Палитра, Палечка. Смотри, Тим, какая разноцветная!

Кошка жмурилась и мурлыкала на руках у хозяйки.

- Ух ты, она вся исчерканная! - восхитился Тимка. - И белая, и черная, и рыжая, и серая, и... еще какая-то... Ба, ты ее сама разукрасила?

Нет, милый, это природа постаралась... Ну, долго вы еще в прихожей топтаться будете? Пойдемте уже! Олег, как там Лана? Все мучается?

- Мучается, Инна Михайловна, никогда так не было.

- А знаешь, я точно так же себя чувствовала, когда ее ждала. Вот увидишь - девчонка будет.

Они прошли в комнату, сплошь заваленную книгами, карандашами, красками, эскизами... Так здесь было всегда. И пахло как всегда - гуашью, акварелью и еще чем-то. Тошка, когда был маленький, говорил, что это пахнут сказки.

- Ребята, вы располагайтесь, посмотрите - вот в этой папке рисунки к новой сказочной книжке. А я в магазин сбегаю: у меня в холодильнике - один Дед Мороз.

- Никуда ходить не надо, Инна Михайловна. Мы гостевой набор привезли, с учетом вкусов всех присутствующих, - остановил тещу Олег.

- Вот стыдоба, а не бабка! - засмеялась она. - Тогда хоть блинов напеку, как и полагается при наезде зятя?

- Блинов, ба! - обрадовался Тимка.

«Бабка... Какая там бабка! Многие молодые позавидуют, - думал Олег, глядя на свою тонкую в талии, грациозную в движениях тещу. - И чего она к мужу не едет? Подумаешь, творческая личность... А здесь такая красота пропадает».

\* \* \*

Степан Байкин выехал на МКАД и теперь катил по ней, никуда не сворачивая. Ехал, ругаясь и вслух, и про себя, всеми черными словами, какие только знал. А знал он таких слов очень много...

Что делать? Что ему теперь делать? К Петракову он сунулся в горячке, не подумав. А с бабой деньги делил, бизнес ей доверил - подумав?! И теперь из-за излишней своей доверчивости всего лишился!

Ему казалось, что он себя от всех опасностей оградил. Что со сбытом наркотиков его никто не свяжет. Кто зелье получал? Люба! Кто зелье оптом продавал? Опять она! Кто денежки считал и в банк относил? Карцева, Карцева, Карцева!!!

А он только одно знал - код доступа. Такой бизнес был - все отлажено, все отработано! Так он все устроил, что и безопасно ему было, и она без него ничего не могла. Только он знал

снабженца и где он обитает. А ее дело было - товар принять и обеспечить сбыт.

И с этим Камневым... «Я все сделаю, я все сделаю, не вмешивайся...»

Кто ее просил киднепинг устраивать? Достаточно было снимки по городу разбросать, чтобы в семейке Камневых раздор пошел, да соответствующие статьи в «Параллели» тискать время от времени. Разрушить репутацию непогрешимого редактора и верного мужа. Нет, ей еще и свои счета с ним свести захотелось! Идиотка, дура, стерва! Кокнули тебя - туда и дорога, но ты же, тварь, мне все, все, все разрушила! Деньги со счетов ушли, компру какую-то твой племянничек наснимал...

Ах, племянник, гнида тихушная... Кто бы и подумал, что он во всем этом так петрит... Даже Любка его талантов не знала, считала дураком забитым, психом ненормальным. А он...

Что теперь делать? Что?! ЧТО?!!

Он уже два раза объехал Москву по Окружной, но ярость все не утихала. И все те же мысли лезли в голову: что предпринять, чтобы хотя бы в тюрьму не сесть. Ведь обещал Царь: если всплывет где-нибудь еще такой же диск с видео, какой он в домишке лесном у какого-то придурка отобрать успел, - хана ему, Степану Байкину. Все дела Царь повесит на него.

Да еще тот, которого он поленом стукнул, ментом оказался. И нашли его самые заклятые враги - Камнев и этот колбасник, который Царю дорогу в губернаторы может перейти. Спасибо, что машина все же завелась, а то взяли бы его с поличным быки этого колбасника. Из-под самого их носа ушел...

А может, опередить Царя и сдать его - со всем, что он, Степан Байкин, знает? Он много знает...

Нет, опасно. Он заодно с Царем загремит.

Где же выход, где?

Он все кружил по кольцу, у которого, как известно, нет конца, и все те же злые мысли кружили вместе с ним, и конца у них тоже не было. Но как только он свернул с МКАД, осталась мысль, от которой он весь покрылся мурашками, а короткие волосы на затылке встали дыбом: а ведь он действительно слишком много знает.

Надо спастись!

Где? Как?!

\* \* \*

Олег с Тимкой выехали из Москвы почти ночью. Машин на трассе становилось все меньше, Тимка, утомленный повышенным вниманием к своей особе - сначала Стаси, потом бабушки, - спал на заднем сиденье.

От спокойной езды и кажущейся бесконечной дороги за лобовым стеклом Олега тоже потянуло в сон.

Чтобы отвлечься, он по давней привычке придумал тему для размышлений: вечные ценности.

В советские времена учили, что закон джунглей - кто сильнее, тот и прав - действует только в капиталистическом обществе.

Звери не в счет, там все ясно: либо ты кушаешь, либо тебя кушают. И выживание вида обеспечивается либо силой и свирепостью, если ты хищник, либо многочисленностью стада, если ты травоядное... Олени, антилопы, обезьяны и даже слоны - все они противостоят хищникам коллективно.

И только огромная человеческая стая вбирает в себя хищных, травоядных и всеядных.

Зверье откровенно: не скрывает, кто кого кушает...

А вот люди при любом социальном строе - существа скрытные... Всеядные.

Мысль начала путаться, потому что что-то вмешалась извне. Олег переключил внимание на дорогу. И увидел «мазду» со знакомым номером. Ту самую, что недавно пыталась подрезать его по пути от Матросова. Теперь машина не подрезала, из водительского окна появилась поднятая вверх рука - просьба съехать к обочине.

- Только этого не хватало, - пробормотал Олег и попытался обогнать настырный автомобиль. Но «мазда» поднажала, опередила «форд», съехала на обочину и остановилась. Олег увидел, как из нее выскочил водитель, замахал ему руками, - и узнал Степана Байкина.

Если бы с ним не было Тимки, Олег, пожалуй, остановился бы. Все-таки интересно, чего бы это Байкину от него понадобилось. Но рисковать сыном не стал - прибавил газу и пролетел мимо, успев, однако, рассмотреть отчаянное лицо Степы.

Чего ему надо? Помощи? Или хотел расправиться уж окончательно? А ведь им по пути... Зря он Тимофея взял. Может, свернуть в какую-нибудь деревеньку, переждать? - думал Олег, поглядывая в зеркало заднего вида. Но «мазда» не появлялась.

Остаток пути проехали спокойно, к часу ночи были дома. Лана сказала Олегу о просьбе Васильева позвонить, но он, глянув на часы, решил капитана не беспокоить. Утром, все утром...

\* \* \*

- Олег Дмитриевич, давайте каждую зиму на каникулы уходить! - предложила Татьяна, когда все собрались в кабинете главного редактора.

- Понравилось? - улыбнулся Олег.

Коллектив утвердительно загудел.

- Вот и прекрасно, значит, сил для нового рывка на брались. Итак, что мы будем давать в следующем номере...

Борис Викторович открыл рот, чтобы огласить план, но Олег, извиняясь перед коллегой, прижал руку к груди и продолжил сам:

- Сложившаяся вокруг нашего издания обстановка требует какой-то реакции с нашей стороны. Я думаю, вы со мной согласитесь. Борис Викторович, завтра утром, в крайнем случае - до обеда, плюс к редакторской колонке я сдам вам еще полосу. Будет у нас такая возможность?

- Да как же не быть для такого случая? Отдадим хоть две полосы! - обрадовался зам. Ему тоже уши слухами со всех сторон прожужжали. - Вы правы: из первых рук информация архинеобходима!

Как только планерка закончилась и все разошлись, в кабинет заглянул... Васильев!

- Эдуард Петрович! Вот так радость! - Олег торопливо выскочил из-за стола, шагнул навстречу капитану, обеими руками сжал его руку. - Вид у вас боевой!

- Еще раз «выкнешь» - обижусь! Я всего на два года тебя старше... А меня, между прочим, уже и на пенсию могут уйти, - ворчливо заявил Васильев.

- И прекрасно, у вас... у тебя же есть предложение Павла.

- Ну... Я его пока обдумываю. Я к тебе зачем заявился... без предупреждения...

- Мне Ланка говорила, что ты звонил, но мы ночью приехали, думал, после планерки с тобой свяжусь. А ты и сам пожаловал. Садись. Ниночка, - выглянув за дверь, сказал он секретарше, - чаю нам. И все, что есть к чаю, давай!

Чай со сдобным рулетом появился буквально через две минуты, Васильев едва успел снять и повесить в шкаф куртку и усесться на диван перед журнальным столиком.

- Так вот зачем я заявился, - сделал пару глотков чаю, начал капитан.

- Погоди, у меня тоже есть новость. По-моему, важная. Царьков задешево и срочно продал свою газету Владу Петракову. Вот. Тебя это не наводит на размышления?

- Гм... Да, интересно... - Васильев положил обратно на тарелку кусок рулета. - Похоже на то, что он... Не бежать ли он собрался? А, Олег?

- И я так думаю. Что ж его Генеральная не придержит?

- Вот не знаю... Наверное, не хватает фактов. Черт! Обидно будет, если не у нас в стране его задержат. Только, Олег, не уйдет он. Вот чует мой ментовский нос - не уйдет!

Васильев отодвинул от себя тарелку со сдобой и вытащил сигареты, Олег тоже закурил. Минут пять курили и молчали, невесело думая свои досадные думы. Наконец Васильев затушил окурок, придвинул к себе чай и сдобу, сказал:

- У меня более... проверяемая информация. Я-то в больнице бездельничал, а вот мои сотрясенные мозги работали. Крутили и вертели, кумекали и прикидывали и вот что в конце концов выдали... Во-первых, я не успел разузнать, что это за домишко такой - вроде и в лесу, но не так уж и глубоко, да и населенный пункт всего в семи километрах. Кто может быть его хозяином, если Кобылкин так смело им пользовался и даже не побоялся оставить там диск? И второе: если мы правы в догадке, что меня покалечил Байкин, то как он-то так легко отыскал избушку? А? Как тебе вопросы?

- Правильные вопросы.

- Я вот что прикинул: скорее всего, это жилище принадлежало Карцевой. А если это так - надо туда ехать и все вокруг как следует прошерстить. Вполне возможно, что там есть и тайник какой-нибудь. И вдруг нам повезет и там что-то более конкретное на Царькова найдется, а?

- Когда поедем? - нетерпеливо спросил Олег.

- Да хоть бы и сейчас, если транспорт вездеходный добудем. Только чтобы без водителя...

Олег немного подумал, покопался в записной книжке, сделал несколько звонков - и желаемое нашлось. Когда-то статья в «Объективе» помогла одному честному человеку - владельцу автосервиса, и теперь он дал им напрокат свой джип, не задавая никаких вопросов.

\* \* \*

Им пришлось побывать в трех дереvушках, располагавшихся вокруг леса, где стоял тот самый домик, пока нашелся бывший его хозяин. Престарелый Федор Иванович рассказал, что срубил избушку давненько, когда в лесу еще была охота. Потом она много лет простояла без употребления.

- А уже лет пять как заехала одна дамочка и попросила ей избушку продать: вроде ей воздух лесной для здоровья нужен...

Звали дамочку конечно же Любовь Карцева.

- И чегой-то всем домик тот зандобился? - хитро глянул на приезжих из-под косматых бровей старик.

- Кому ж это всем? А, наверное, перед Новым годом Степа заезжал! - подмигнул Олегу капитан и спросил у деда: - Такой маленький, крепкий, лет пятидесяти? Глаза у него пронзительные такие? Под праздник самый, да?

- Похож, похож... Толь не за день, а в самый энтот день... У нас тут какие праздники... - махнул рукой старик.

Олег с капитаном попросили у деда лопаты, топор, лом - и поехали в лес.

- Выходит, не знал Байкин Любашиного схрона...

А мой старый ментовский нос чует: здесь она зелье и хранила... - цепко озирает Васильев единственную комнатку избушки. - Дома-то у нее чисто в этом плане было.

Пол в избе был деревянный, из плохо обструганных, занозистых досок. Обстукав доски, капитан позвал Олега:

- Давай лежанку сдвинем.

Под лежанкой они и обнаружили небольшой люк. Аккуратно вскрыли его - и одинаково присвистнули, как сговорившись.

- Да-а, - протянул капитан, доставая телефон. - Ничего руками не трогай! Здесь без понятых и эксперта ничего делать нельзя. Потом не докажем... Алло, Лена, мы нашли. Давай, как договорились...

\* \* \*

Через пару часов в домишке было многолюдно: Лена Звягинцева привезла целую бригаду специалистов из отдела по борьбе с наркотиками и понятых.

Кроме большой партии героина и кокаина, из тайничка были изъяты крупные суммы денег, черный пластиковый пакет с ювелирными изделиями - тяжелый, тоже, наверное, на немалую сумму, - и мобильный телефон с зарядным устройством вкупе.

- Странно, что тут трубка делает? - удивился капитан. - Разряжена, конечно... Интересно, у твоего знакомого в машине подзарядить можно?

- Думаю, можно.

Собрав трофеи и опечатав дверь избушки, все вернулись к машинам. Капитан, подключив телефон Карцевой к зарядке, нашел фотоальбом, полистал и усмехнулся:

- Гляньте, тоже шпионила... Наверное, готовилась к шантажу. Или обезопасить себя хотела... Гениальная штука - эти мобильники!

\* \* \*

Олег уже дописывал свою статью-объяснение, когда Ниночка спросила по внутренней связи, будет ли он говорить с главой строительной компании «Рассвет».

Разговаривать с человеком, о котором в эти же минуты пишешь нелицеприятные вещи...

- Соедини, - внутренне собираясь, ответил Олег.

- Олег Дмитриевич? - спросили трубка незнакомым голосом.

- Да, я. Слушаю вас, - с холодной вежливостью ответил Олег.

- Очень приятно. Я - новый генеральный директор, председатель совета директоров и держатель основного пакета акций открытого акционерного общества «Рассвет» Валерий Аркадьевич Ветров. Вы, скорее всего, не в курсе таких перемен, - то ли констатировал, то ли спросил он.

- Не в курсе, вы правы. Что случилось с прежним владельцем компании?

- Наша компания - а мы работаем в соседнем регионе - купила «Рассвет». Полностью. Теперь эта фирма стала частью компании «Новый дом». Может быть, слышали о такой? «Новый дом» строил для Стечкина комбинат в их городе.

- Да, мне знакомо это название. Чем обязан?...

- Мы бы хотели через газету рассказать о тех переменах, какие собираемся произвести в деятельности компании в ближайшее время. Конечно, это будет не бесплатно...

- Валерий Аркадьевич! - перебил Олег. - У нашего издания несколько иная политика. Мы не рассказываем о том, что кто-то обещает. Мы пишем о том, что уже сделано - хорошо или плохо. И денег за публикации не берем.

После небольшой паузы Ветров спросил:

- Что, если я подъеду к вам в редакцию?

- Приезжайте, конечно, вход у нас свободный.

- Но я хотел бы встретиться именно с вами.

- Тогда после двух часов: я сейчас пишу материал, должен успеть до обеда. А впрочем, если вы

расскажете историю приобретения «Рассвета» - приезжайте сейчас. Вы сможете?

- Смогу, - с готовностью ответил Ветров. - Через четверть часа буду.

Не успел Олег положить трубку, как в кабинет заглянул Васильев.

- Ты кстати пришел! - обрадовался Олег. - Как тебе такая новость: сейчас новый хозяин царьковской стройкомпании пожалует!

- Да... - заходя в кабинет, удрученно ответил капитан. - Опоздали мы... Все, как дураки, в Генпрокуратуру отдали. И пока они тянули, он все распродал и убыл с семьей за рубеж...

- Давно?

- Убыл-то вчера. А вот насчет учуяния... Можно так сказать?

- Ты русский, язык твой родной. Сам решай - можно или нельзя... Ты уж не тни, рассказывай давай.

- Так вот, запах паленого наш фигурант учуял месяца два назад. Может, два с половиной. И стал искать отходные пути. А тут еще губернатор на ковер вызвал: почему им, фигурантом, Генпрокуратура интересуется... Ох уж эти верхи, ничего в простоте не сделают. Генеральной надо было самого подозреваемого вызывать, а они губернатору наябедничали зачем-то...

- Что там из мобильника удалось вытащить? - спросил Олег.

- Кое-что удалось, - задумчиво ответил капитан. - Я сегодня, как положено, вышел на службу после больничного. А меня вдруг встречают как героя, к новому званию представляют...

- Приятно, когда справедливость торжествует. Поздравляю, - тепло сказал Олег.

- Спасибо... Начальник мой все расследования моих походов закрыл... Только выговор пока не отменил, но если я ему докажу, что ездил из-за дел Царькова и компании, - и выговора не будет. Вот такие перемены на переднем фланге.

- Ты так и не сказал, что там в телефоне нашли...

- Достаточно, чтобы задать несколько неприятных вопросов нескольким личностям. Только личностей этих нет в наличности.

- Байкин тоже убыл?

- Ищем... А Приходько еще под Новый год по турпутевке в Египет как отчалил, так и отдыхает. Он у нас человек семьей не обремененный - дважды разведенный.

- Чего же он хотел? - вслух подумал Олег.

- Ты это о ком?

- Байкин меня по пути из Москвы пытался остановить. Да я с Тимкой ехал.

- Вот и еще один интересный факт...

- Олег Дмитриевич, к вам господин Ветров, - объявила по связи Ниночка.

- Прости.

Васильев встал:

- Мне лучше уйти сейчас. При мне не тот разговор получится.

Длинное черное пальто, светлый шелковый шарф, шлейф свежего и дорогого мужского парфюма... Новый хозяин строительной фирмы «Рассвет» был молод, элегантен, холодно красив.

Олег вышел из-за стола, поздоровался с посетителем за руку, представил его капитану. Тот, пожимая холеную кисть, отрекомендовался:

- Эдуард Петрович Васильев, - и кивнул Олегу: - Созвонимся.

- Всего доброго, капитан!

Ветров проводил взглядом Васильева и спросил у Олега:

- Отставник-афганец?

- Почему вы так решили?

- В его возрасте уже в полковниках ходят.

- А он честный и принципиальный капитан МВД. Старший оперуполномоченный.

- У вас проблемы?

Олег нахмурился. Лощеный хозяин жизни был слишком любопытен для первой встречи.

- Мы дружим... Так на какой предмет вы изволили почтить нас своим визитом? - указывая посетителю на кресло и сам садясь за свой стол, сказал он.

Не так положено встречать гостей высокого ранга: надо пригласить его за гостевой столик, выставить угощение... Ну, посмотрим, как он себя поведет. Сколько ему лет? Двадцать пять? Тридцать? И уже такой бизнес раскрученный...

Гость в предложенное кресло не сел, опустился на стул у редакторского стола, закинул ногу на ногу.

- Вы сказали, что интересуетесь, как я стал владельцем контрольного пакета акций «Рассвета»... Так вот: его купил мой отец. Но... Уже почти месяц он лежит в больнице - инфаркт. Это произошло, когда он разобрался, что за дело купил... А я - правая рука отца.

- Что ж вы допустили такую покупку?

- Да разве я допустил бы!... Я последние полгода был в Болгарии, там наша фирма выполняет большой заказ. Ну, вот и...

- Понятно... - Олег нажал кнопку селектора. - Ниночка, принеси кофе... Или чай? - спросил он у Ветрова.

- Лучше кофе.

- Кофе и все, что к нему прилагается.

- Сию минутку, Олег Дмитриевич! - отозвалась секретарша.

Олег встал:

- Давайте-ка сядем к журнальному столику, там будет удобнее.

Они пересели, Ниночка принесла кофе и печенье, и Ветров стал рассказывать:

- Короче говоря, Олег Дмитриевич, купил отец бо-ольшие проблемы! Но я должен с ними справиться. Я читал вашу газету - то, что вы писали о фирме Царькова. Так вот: это только вершина айсберга.

- А нырнуть к его основанию он нам помешал, - объяснил Олег. - Об этом я сейчас и пишу. Вам надо, наверное, в суд подавать. Может быть, вам надо банкротить «Рассвет»?

- А те, кому фирма квартиры продала? А те, кто в рассыпающемся доме нормального жилья ждут?... - Ветров крепко потер лицо ладонями. - Я же не могу их так оставить - бездомными...

Вот тебе и молодой-холеный!... Олег понял, что этот молодой-холеный ему нравится.

...Когда Ветров ушел, Олег вписал в уже готовую статью еще один абзац, распечатал, еще раз пробежал текст глазами. Потом позвал Лану и молча протянул ей написанное.

«Говорят, о нас в городе говорят. А мы молчим. Не объясняем. Не делимся наболевшим. Не освещаем происходящего с нами.

Виноваты. Просим прощения...

Для того, чтобы что-то рассказать другим, надо самому разобраться в происходящем.

Такой момент настал».

Олег следил, как жена читает, - он всегда оценивал свои материалы по ее реакции. Кажется, вот сейчас она удивилась. Наверное, дошла до того места, где говорится о новых хозяевах компании Царькова.

«Объектив», похоже, сыграл роль палки, сунутой в осиное гнездо. Осы кинулись на то, что вмешалось в их жизнь. Но гнездо было разрушено.

...Новый владелец строительной компании «Рассвет» принял на себя тяжелую ношу долгов компании как перед людьми, купившими и пока еще не получившими жилплощадь, так и перед теми, кто «временно» был заселен фирмой в ветхое жилье. «Не могу же я их так оставить - бездомными», - это его слова. Хотя приобретение контрольного пакета акций этой компании стоило здоровья его отцу, и сам он теперь - без вины виноватый».

Лана дочитала материал, посмотрела на Олега.

- Ну, что скажешь? - спросил он.

- Интонация новая для тебя. Обычно ты прямолинеен, язвитель. А здесь тон раздумчивый, даже порой кажется, словно ты сомневаешься в чем-то... Олечка, можно, я его через часок снова прочитаю? Я помню, когда ты обещал сдать статью, но... я сама с дядей Борей поговорю.

- Я так плохо написал? - насторожился Олег.

- Да нет же, здорово! Только... я ведь сама участница всех этих событий и читала невольно с этой точки зрения. А надо попробовать с точки зрения человека, который ничего, кроме сплетен, об этом не знает.

...Минут через сорок Лана вошла в кабинет и тихо, уважительным жестом положила листки со статьей перед мужем.

- Олежка, ты - гений.

- Вот даже как! - засмеялся он.

- Эта интонация - просто то, что надо! Я бы метала молнии и топала ногами, и все бы решили, что это запоздалая истерика. А ты немножко приподнялся над событиями - и все как на ладошке. Гений, говорю же!

- Конечно, кто бы сомневался, - гордо согласился Олег, откровенно радуясь похвале жены. - Ну, что, отдаю дяде Боре?

- Да! И заметь, почти вовремя. Я его предупредила. Да ладно, выходим еще через три дня, так и так успеваешь... Дисциплинированный ты наш...

Прежде чем скинуть текст в компьютер своего зама, Олег прочитал его еще раз.

Пока он писал эту статью, в нем словно начала плавно разворачиваться туго закрученная спираль, аккуратно разнося на свои места то, что было сдвинуто вихрем последних событий.

Оказывается, он богатый и счастливый. Он - обладатель ценностей, которые котируются вечно: любимая женщина и их общие дети. И Пашка, друг, с которым они прошли огонь и воду. А медные трубы Пашка благополучно миновал сам... Барин! Какой барин? Каким он был, таким он и остался. Пашка-губернатор ничем не отличается от Пашки-фермера. Что можно считать явлением уникальным... И капитан, который теперь майор!... И Санька Матросов! Выходит, встряска была на пользу? Что же, спасибо сказать Царькову за то, что он заставил сделать такую... ревизию души.

## Глава 20

В конце января Павел запустил свой новый комбинат по производству молочной и мясной продукции. Открытие прошло торжественно, присутствовали все первые лица области и города. Говорили речи, упоминали и огромное количество новых рабочих мест, и то, что животноводческим хозяйствам области теперь есть куда сбывать свой товар, и то, что комбинат будет вырабатывать продукцию по особым технологиям, без генномодифицированных добавок. Колбаса - так из мяса, молоко - так молоко...

Представители всех родов СМИ были не только свои, областные, но и столичные. Пуск комбината показали все телеканалы.

- Ну, теперь держись, Стечкин! Не подведи фамилию! - сам себе сказал Павел, когда уже сидели за чаем у Камневых.

- Паш, как же это все так совпало?... И газету в этом городе купил, и комбинат построил. А тут и место губернаторское освобождается. И вот ты уже ферзь! Ну, скажи честно: комбинат строил с расчетом на губернаторство? - спросила Лана.

- Человек предполагает, а Бог располагает, - хитро подмигнул ей Павел. - Да нет, Ланочка, ничего я заранее не планировал. Я, честно говоря, до того момента, как мне впервые сказали, что мою кандидатуру на этот пост рассматривают, и в мыслях никогда ничего подобного не держал. Губернатор! И не мелькало даже. А потом подумал: я пятнадцать лет назад где был? Кем? Владельцем крохотной, захудалой фермы. Спасибо Олегу: он ведь не только помог отстоять тогда землю и хозяйство. Он мне показал, что человек, если не сдастся, всего достичь может. Я с тех пор так в свои силы поверил, что и пошло у меня, и пошло! Так чего ж останавливаться, если шагается?

- Да, Паша... Теперь у меня нет никаких сомнений: областная дума за тебя проголосует единогласно, - сказала Лана.

- Ланочка, девочка моя! Ты и впрямь думаешь, что я мечтаю быть губернатором? - изумился Павел.

- Не знаю, Паш... Мне казалось, ты этим доволен.

- А муж твой сразу почувствовал, что для меня это груз тяжеловатый. Он мне так и брякнул спроста: на фига тебе это губернаторство... Было такое, москвич?

- Было, - подтвердил Олег, молчаливо слушавший диалог жены и друга.

- Мне, Ланочка, интереснее другое: чтобы твои детки, в том числе и будущий, цельное молоко пили. И чтобы колбасу трескали, какую когда-то царю к столу подавали! Знаешь, как у меня наука трудится? Куда там Западу! Такое оборудование сочинили, такие технологии! Вот что мне дорого. А губернаторство... Москвич говорит, что я утопист. Что невыполнимую миссию на себя возложить собираюсь. А что ж раньше времени решать, выполняемая или невыполнимая... Ну, может, и не все получится. Но что-то ведь и получится! С вашей помощью, между прочим.

Олег и Лана переглянулись. - Ты имеешь в виду «Объектив»? Видимо, было что-то в интонации Олега, потому что Павел ответил как-то неуверенно:

- Ну-у... да... А чо? Я неправильно думаю? Нет, ты не подумай, я ведь не принуждаю... на меня работать. Ты независимая пресса - и всё.

Олег с Ланой снова переглянулись.

- И чо вы все переглядываетесь? - возмутился вдруг Павел. - Постыдились бы!...

- Да не заводись ты, Паша! Я ведь уже сказал тебе - помнишь, когда в Москву ехали? - я с тобой, мне нравится направление твоих мыслей. Но еще я сказал, что у меня есть несколько условий. Вернее, всего два. Но необходимых.

- Так давай излагай эти свои важные условия! А то переглядываются, как... Штирлицы у Мюллера!

Воображение Ланы тут же показало картинку: два невозмутимо серьезных Штирлица посылают друг другу многозначительный взгляд, а Мюллер ест кислое яблоко и морщится. Она прыснула.

- Чо ты? Ну чо ты еще и хихикаешь?! - шлепнул ладонью о стол Павел, да, как на грех, попал прямо в тарелку с эклером. Изумленно воззрился на толстую колбаску крема на своей руке - и вдруг стал старательно облизывать пальцы. Колбасный магнат сейчас был похож на Винни-Пуха, увлеченно дегустирующего мед. Теперь и Олег засмеялся. Павел пыхтел-пыхтел, но не выдержал и тоже расхохотался.

- Скажите вы мне, Камневы, - сказал он, отсмеявшись, - почему я на вас не обижаюсь? Высмеивают, в переглядки играют, условия ставить собираются - а я все терплю... Я, такой трепетный и ранимый, от вас все терплю...

- Вот! - подхватил Олег - Это и есть второе условие: критику «Объектива» - терпеть. И исправляться.

- И это ты называешь условием? - даже обиделся Павел. - Бессовестный. Со мной - и о таком говорить! Это само собой разумеется!

- Все течет, все изменяется, Паша, - ответил Олег. - Сегодня ты думаешь так, а когда во власть войдешь, прилипалами обрастешь - критика тебе может и не понравиться. Тогда ты ситуацию совсем с другой стороны видеть будешь.

- Ты думаешь? - Павел помрачнел. - Может, резон в твоём трагическом монологе и есть. Но я знаю, как избежать этой беды. Я с тобой буду все время обо всем советоваться.

- Детский сад, Паш! Где будешь ты - и где я? Да не о том я, что мы дружить перестанем! - опередил он гневные возражения Павла. - Просто советоваться ты будешь со своими советниками.

- А чо! Москвич, давай ты ко мне в советники пойдешь? Ланка будет редактором, вы в семье всегда все и обсудите. Выход?

- Нет, не выход, я в советники не пойду. Не пойду! - снова опередил он возражения Павла.

- Ладно, понял: ты в советники и в чиновники не пойдешь. Ланочка, извини, чайку бы погорячее...

- Сейчас, Пашенька! - Лана отправилась на кухню, хотя электрический чайник стоял на столе. Пусть поговорят свободно.

- Второе условие? - Павел устало оперся на локти и положил подбородок в ладони.

- Ты перестаешь спонсировать «Объектив».

Павел вдруг от души зевнул, медленно потер лицо.

Поднял на Олега глаза.

- Устал? - посочувствовал Олег.

- Ну и чо будет? - не прореагировал на его сочувствие Павел. - Без дополнительного финансирования тебе придется искать рекламу. Делать платные материалы. А это неизбежно приведет к тому, что ты не всегда сможешь писать то, что думаешь. Чо-то меня совсем сморило... Пошли, перекурим на морозце.

Накинув куртки, вышли на балкон, закурили. Холодный воздух, видимо, и в самом деле

взбудрил Павла. Он заговорил привычно-бодрым голосом:

- Москвич, ты меня просто убиваешь... Ну подумай сам! Или ты думаешь, твои сотрудники будут задаром пахать?... Так это в твоей газете уже проходили. Пришлось продавать ее огрызкам этим... Нет, Олег, давай искать компромисс.

- А какой может быть компромисс? Либо ты хозяин, а я у тебя наемный работник. Либо я хозяин и все, что нужно, обеспечиваю сам. Эх, надо было этот вопрос еще тогда, пять лет назад, четко решить...

- Да не брошу я газету! Не могу! - с отчаянием сказал Павел. - О! Придумал! Давай составим договор. Будем совладельцами: ты отвечаешь за производственную часть, я - за финансовую. И никто из нас в чужую половину дела нос не сует. Ну, чо, по рукам?

Олег, смеясь, покачал головой:

- Ух, и упертый ты, Стечкин! Теперь я понимаю, почему у тебя так бизнес расцвел.

- Я не понял, москвич: ты согласен? - серьезно спросил Павел.

- Паш, это ничего не меняет. Тем более, в свете твоего губернаторства.

- Ну, мне же никто не запрещает владеть комбинатами. И газетой никто не запретит. Я вообще думаю издательский дом создать. Ты как на это смотришь?

- Не знаю, не думал об этом. А насчет совладельцев... Пашка, если бы ты не стал губернатором, я бы еще подумал над твоим предложением. Но что такое газета, которую содержит власть? Ты же не хочешь, чтобы я стал придворным летописцем?

- Ни тли зелененькой! Я хочу, чтобы «Объектив» оставался таким же, как был. Только еще лучше. Пойдем, еще чайку выпьем - и я пойду спать... Мне завтра в Москве надо быть, а послезавтра - дома. Бизнес не стоит на месте...

«Так и не договорились. Ох ты, Паша, радость наша... Но ничего, я его уломаю. Или он меня?» - подумал Олег.

А перед сном он влез под душ - и ему вдруг стало так мутно... Похоже, проснулась совесть и начала его грызть. Кого-то он обидел... Кого-то близкого и незащищенного. Тимку? Лану? Мимо... Тошку, может, задел своими шуточками сильнее, чем требовалось? Мимо, опять не то, они ни при чем, он сегодня обидел кого-то другого.

Кого-кого! Да Пашку он обидел!

Оттого тот и сник и спать пошел. И его дурацкое «условие», если разобраться, высмеял.

И поделом.

«Ты кто такой? - спросил себя Олег. - Ты журналист. Почему тогда, полтора десятка лет назад, ты мог за Пашку бороться, а теперь - нет? Что изменилось? Ах, он теперь богатый... А ты нет... Ты весь такой честный и принципиальный, и деньги для тебя не главное... Только вот и для Пашки главное не деньги. И не власть. И все же он богатый и при власти. А ты нет. Может, завидуешь другу?»

Олег прислушался к себе, покопался в собственных мыслях со всей возможной беспристрастностью. Нет, не завидует. Но что же тогда, отчего ему так плохо?

Он вылез из ванны, натянул прямо на мокрое тело халат и пошел по квартире искать Лану. Обнаружил ее на кухне, плюхнулся на Диван и стал молча наблюдать за тем, как жена моет посуду.

- Что, Олег? - не отрываясь от своего занятия, спросила она.

- Да вот, кажется мне, что я неправильно себя веду...

Лана повернула голову и внимательно осмотрела мужа: сидит себе, взъерошенный и небритый, в мокром халате, босиком.

- Конечно, неправильно, - охотно согласилась она. - Простудишься еще...

Олег глубоко и печально вздохнул, подошел к жене, обнял со спины.

- Не о том я, Лань.

- О чем же? Пусти меня. Ты мокрый и холодный. Быстро иди вытрись и оденься.

Олег посмотрел разочарованно в ее затылок, опять вздохнул и поплелся из кухни. На пороге обернулся и сказал с укором:

- С виду Лань ланью, а притронешься - броненосец Потемкин!...

И пошел в спальню.

\* \* \*

Лана поулыбалась немного этой его реплике, а потом встревожилась. Что это он?... Кое-как закончила дела на кухне и отправилась вслед за мужем. Обычно он ложился на спину и раскидывался «звездой» - так он расслаблялся. Но сейчас он укрылся чуть ли не с головой и свернулся в клубочек. Из-под одеяла торчала взъерошенная макушка. Макушка выглядела такой одинокой, такой несчастной...

Лана обошла кровать, сдвинула одеяло с лица мужа. Он глянул на нее отсутствующим взглядом, повернулся на спину, закинул руки за голову, уставился в потолок.

- Олежка, что с тобой?

Он молча качнул головой из стороны в сторону, вдруг резко сел.

- Как думаешь, Пашка спит уже? - Вы поссорились?

- Нет... Где мой телефон?

- Вон он, заряжается.

- Дай сюда, пожалуйста.

Пашка ответил после первого же гудка:

- Чо не спишь, москвич?

- Да вот... Не спится что-то!

- А, - понимающе сказал Пашка. - Ну, тогда давай подваливай ко мне...

\* \* \*

- Проблема в том, Паш, что я человек, испорченный негативом, - с порога заявил Олег.

- Враки, ты позитивный... - ответил тот весело. - Айда на кухню. Выпьем?

- Можно...

- Что будешь? - Павел открыл кухонный шкафчик, и взгляду Олега предстал ряд красивых бутылок.

- Да ты тайный алкаш! - с подчеркнутым ужасом сказал Олег.

- Враки! - повторил детское словечко Павел. - У алкашей питьево не задерживается, а у меня - во сколько! И все же лучше водки хуже нет, а?

Олег хмыкнул, кивнул согласно. И облегченно, как ребенок после слез, вздохнул: на душе стало хорошо - Пашка все понимает и не сердится.

\* \* \*

Часа через два Олег на цыпочках вошел в спальню, стараясь не шуметь, разделся и потихоньку лег.

- Я не сплю, Олежка, - ясным голосом сказала Лана и включила бра над кроватью.

- Почему? Уже второй час ночи. Леди в твоём положении обязана соблюдать режим.

Он повернулся к ней лицом, обнял. Она поцеловала его в нос и фыркнула:

- Нюхать спиртные и табачные пары леди в моем положении тоже обязана?

Олег со вздохом вылез из постели:

- Пойду зубы почищу.

- Покаяние состоялось? - вслед ему спросила Лана. Он приостановился, не оборачиваясь.

- Водки попили, анекдоты потравили...

- Ну, вот и молодцы.

Она устроилась поуютнее и, когда Олег, еще и побрившись, вернулся, уже спала.

## Глава 21

Пожалуй, Лана сильно поторопилась, предсказывая единодушное поддержание областной

думой кандидатуры Стечкина на должность губернатора. Татьяна, регулярно посещавшая заседания, рассказывала, какие жаркие бои разыгрываются там по этому вопросу. Одни убеждали, что вливание свежей крови пойдет региону на Пользу. Другие говорили: «Зачем нам пришлые, у нас и свои найдутся». И что самое интересное, у обеих сторон была одна и та же козырная карта - новый комбинат.

- Смехопанорама с кривым зеркалом и аншлагом в одном флаконе: одни доказывают, что черное - это белое, а другие, что белое - это черное. А третьи только глазами водят - туда-сюда, сюда-туда! - веселилась Татьяна, приходя после заседаний думы в редакцию. - Один и тот же факт у них и как негатив, и как позитив!

Любимым аргументом сторонников «свежей крови» было строительство двух домов для работников комбината. Жилье обещали давать бесплатно на то время, пока кто-нибудь в семье работал на предприятии, а если уволняться надумаешь - можно было выкупить квартиру в рассрочку и, как любят говорить в рекламе, по доступной цене. Если же, проработав на комбинате столько-то лет, на пенсию собрался, - жилплощадь твоя бесплатно. Сторонники «своего человека» отвечали, что эти дома займут приезжие. Потому что на комбинате сотрудников подбирают как под микроскопом: и медкомиссия - а в ней плюс ко всему и психиатры, и наркологи, - и биографию проверяют, как на каком-нибудь секретном объекте, и подписку требуют в том, что сотрудник обязуется вести себя правильно не только во время работы, но и в быту...

- А знаете, что они говорят тем, кто не согласен? - со священным негодованием вопрошали сторонники «своего человека». - Вот что они говорят: «Да кто ж вас неволит?! Идите в другое место, работайте, пейте, прогуливайте и так далее. А мы поищем в другой области - или даже в другой стране - тех, кто согласен на наши условия. Не зря же дома строим...» А про систему штрафную слышали? За опоздание, за несвоевременную отлучку с рабочего места, за перекур вне графика, за нецензурные слова... Это для кого рабочие места? Для людей или ангелов?

- Да, - говорили «свежекровцы». - Стечкин твердо стелет, зато спать будет мягко. Хорошие зарплаты, социальный пакет - все, что нужно для нормальной жизни человека, на новом комбинате есть. Да еще новый колледж пищевиков собираются открыть, поскольку оборудование на комбинате эксклюзивное. А то, что на новом предприятии такая дисциплина железная, так все уже давно о твердой руке мечтают...

Спорили в думе депутаты, спорили в городе люди, спорили газеты, спорили на телевидении - хорошо или плохо ставить работникам такие драконовские условия. Рассуждали о свободе личности, предполагали, что предприятие установит за своими сотрудниками негласный надзор, чуть ли не микрочипы им вживлять собирается. Или заставит их доносить друг на друга. Вспоминали про кнут и пряник.

А пока котел «общественного мнения» кипел и исходил паром, комбинат уже всю работал, и в магазинах молоко, кефир, сметану, колбаску и окорок с маркой «Луговое» расхватывали моментально. Это было не только самым вкусным среди подобных продуктов. Это было еще и дешевле всего остального аналогичного товара... Продукцию свою предприятие продавало в области по гораздо более низким ценам, чем в других. Ну, это и понятно: чем дальше везешь товар, тем он тебе самому дороже обходится...

Время в городе словно спрессовал кто-то: дни летели втрое быстрее обычного, и еженедельный «Объектив» не успевал реагировать на все события: они попросту устаревали за семь дней.

- Всегда считал, что в еженедельнике новости давать глупо и наше дело - аналитика. А теперь и аналитические материалы устаревают... - сокрушался Борис Викторович. - Люди за неделю успевают сами все обговорить.

- И все же мне кажется, что объективно о комбинате еще не написано и не показано, - возразил своему заму Олег перед прошлой планеркой. - Давайте пошлем на комбинат не одного корреспондента, а всех, кто ведет постоянные рубрики. Пусть посмотрят, поговорят, снимают... И расскажем все как есть. А то одни хвалят взахлеб, другие взахлеб же ругают. А дело новое, вряд ли там все так отлично или так ужасно.

И в тот же день Костик, Татьяна, Лана и только что вышедший после болезни Саша отправились знакомиться с комбинатом, с людьми, которые там работали, и с планами предприятия.

Сегодня вышел «Объектив», где было три большие статьи о комбинате и несколько маленьких заметок. Олег тоже написал - о том, давнем времени, когда не было еще никакой фирмы «Луговая», а была маленькая, еле живая ферма с тем же названием...

Олег не знал, правильно ли он поступил, написав такой откровенный рассказ о человеке, который через несколько месяцев может занять пост главы администрации области. Но он знал, что многие считают Павла Стечкина сыном аристократа-эмигранта, очень богатого к тому же. Считали, что он приехал то ли из Америки, то ли из Европы и стиль управления своими предприятиями привез вместе с капиталом. По поводу статьи было несколько звонков - в основном доброжелательные, но один был такой: ни тебе «здравствуйте», ни тебе «я такой-то», только одна фраза: - Все вы врете про Стечкина, потому что он ваш спонсор! - И короткие гудки.

Они ехали домой. Лана была веселая, как птичка. Олег хмурился.

Вот так и будет всегда: какую бы правду они ни писали, читатели - ну, ладно, не все, но часть из них - будут считать, что это написано в угоду спонсору...

Ланка щебетала что-то о статье Костика, о том, что в ней сплошная анатомия с физиологией - а как интересно! Потом Олег почувствовал: что-то изменилось. Он покосился на жену - она молчала и пристально смотрела на него.

- Ты почему такой мрачный? Из-за звонка этого, что ли?

Олег кивнул.

- Ну и зря! Наоборот, радуйся, что у нас еще есть... оппоненты. А то писать скоро будет не о чем. Станет Пашка губернатором - и в области откроется филиал рая.

- Это комбинат тебя на такие мысли навел? - с интересом спросил Олег.

- Комбинат как комбинат. Я их раньше внутри не видела, не с чем сравнивать. Чисто. Много техники. Все в стерильной одежде. Там, где молочное делают, людей мало. В мясных цехах побольше. Но нас с Татьяной только на завершающие операции водили - пощадил дамские нервы... А Санька с Костиком весь процесс посмотрели. Вышли бледные... А насчет рая - это я так тебя успокаиваю. Успокоился? - погладила она его плечо.

- Да я и не расстраивался особо... - слегка приврал Олег.

Лана посмотрела на него внимательно и сделала вид, что поверила.

- А сколько было хороших звонков! И мне, и Тане, и мальчишкам звонили. Кстати, заедем в магазин и купим стечкинского кефира, творожка, сметанки. Окорока и колбаски.

Они накупили гору продуктов, Олег отнес все домой и поехал ставить машину.

Он завел своего «форда»-«пенсионера» в гараж и теперь осматривал его со всех сторон. Март, дороги слякотные... Надо было все-таки на мойку заехать.

Запел мобильник.

- Па, - заговорила трубка Тошкиным скрипучим баском. - Я тут завозился... Опаздываю на треню. Подвезешь?

- С компьютером заигрался?

- Ну...

- Ладно, подходи к гаражу.

- Ты у меня супер! - обрадовался Платон.

Олег взял со стеллажа салфетки: надо хотя бы фары протереть...

Кто-то замаячил в открытом проеме гаража.

- Пришел? - не отрываясь от дела, спросил Олег.

- Пришел... - ответил не Тошкин голос. Олег поднял голову: на пороге стоял кто-то небольшой и плотный, против света сразу не разглядеть. Олег сделал шаг в сторону и увидел, что это Степан Байкин. Уже полтора месяца как объявленный в розыск... Стоит себе, прислонясь плечом к дверной раме, засунув руки в карманы куртки.

Интересно...

- Заходи, коли пришел. С чем?

- Поговорить... - Байкин оторвался от притолоки, шагнул внутрь гаража.

Олег стоял рядом с машиной, механически вытирая руки грязной салфеткой.

- Говори.

Байкин оглядел гараж, словно искал, на что сесть. Не нашел, опять прислонился плечом - теперь к стеллажу.

- Ты меня в эту историю втянул! Теперь ты и спасай...

- Забавная логика. Я такой не понимаю, - с усмешкой ответил Олег.

- Сейчас поймешь. - Байкин медленно потащил правую руку из кармана и вытянул ее на уровне глаз.

В руке был пистолет.

И тут в дверях возник какой-то вихрь, пролетел в сторону Байкина... О бетонный пол стукнуло железо, и чуть запыхавшийся голос Тошки деловито спросил:

- Скотч есть?

- На стеллаже, - машинально ответил оторопевший Олег. - Тошка... Это ты?

- Па, быстрее, он сейчас очухается...

- Да, да, сейчас... - Олег заторопился. - Где же... а, вот...

Вдвоем они скрутили бесчувственному Байкину руки и ноги.

- Ты его, случайно, не убил? - озабоченно спросил Олег.

- Зачем? Так, вырубил слегка. Давай его к стенке посадим...

Когда они подтаскивали Байкина к стенке, тот очнулся и разразился ругательствами.

- Тихо, здесь дети! - прикрикнул Олег.

- Какие на... дети! Спецназ какой-то! - злобно рявкнул Байкин. Всклипнул и вдруг жалобно заныл: - Ну, отпустите вы меня! Я ведь только денег хотел попросить... В долг! Мои все пропали... Сколько мне по подвалам скрываться?

- Больше не будешь. Сейчас тебя на машине в теплое место отвезут, накормят, спать на нары уложат, - пообещал Олег, набирая номер Васильева.

- Слушай, ну, будь человеком! Не вызывай ментов... Лучше уж отвези меня на свалку, я сам там уж как-нибудь... - Байкин дернулся, будто надеялся разорвать скотч, и опять злобно взвыл: - Все из-за тебя! Принесло тебя к нам на мою голову! Такую газету загубил, гадина!

- Вот тебе, Платон, жизненный урок: как по-разному люди видят одно и то же явление! - нравоучительно заметил Олег.

А к гаражу уже подъезжала, мигая и завывая, милицейская машина, и из нее чуть не на ходу выскочил Васильев, а за ним еще двое в форме, с пистолетами в руках.

- Да не надо оружия, вон он, в полной упаковке! - указал на сжавшегося у стены Байкина Олег.

- А пистолет его где-то здесь валяется, мы его не искали еще.

Двое начали поиски, а Васильев наклонился над задержанным:

- Надоело, значит, бегать, гражданин Байкин?

- Товарищ майор, вот он... - Подошел молодой милиционер, на указательном пальце покачивая маленький пистолет.

- Это не мое! - хрипло закричал Байкин. - Я ничего такого... Я за помощью к нему пришел! Финансовой! А они на меня напали, избили, связали...

- Ах ты бедняга... Агнец невинный. И оружие это в первый раз видите, гражданин Байкин?

- Да врет он все! - от возмущения пуская «петуха», вмешался Платон. - Я подошел, а он... он в

отца прицелился! Ну, я и...

- Ты?! Это ты его... задержал?! - И вся присутствующая милиция посмотрела на четырнадцатилетнего тощего подростка изумленно.

- Он, - подтвердил Олег, изо всех сил стараясь, чтобы его отцовская гордость не слишком бросалась в глаза. - С девяти лет карате занимается.

- И ведь вот что интересно: вырастет - и пойдет учиться на врача или журналиста. Или, того хуже, на менеджера какого-нибудь! - с негодованием сказал Васильев. - А нам-то как такие кадры нужны!... Ну ладно, оставим лирику. Ребята, задержанного в браслеты - и увозим его.

Через минуту машина скрылась из глаз.

- Да-а, - уныло заметил Тошка. - Плакала моя тренья...

Олег непонимающе оглянулся на сына, Кажется, на Тошку все случившееся не произвело особого впечатления. Если его что-то и беспокоило - так это пропущенная тренировка. А Олега до сих пор словно кипятком обдавало: как представит, что Платон мог споткнуться, или как-то ошибиться в движении... Пистолет у Байкина был заряжен и снят с предохранителя, он вполне мог бы успеть обернуться и выстрелить...

- Я твоему сенсею позвоню, о дополнительных занятиях договорюсь... - пообещал он.

- И не вздумай маме про это рассказывать! - хором сказали они друг другу.

## Глава 22

Конец мая, все зеленеет, сирень цветет. И дожди. И холодно!

Лана, спрятанная в прозрачный дождевик, шла пешочком из женской консультации.

- Все у вас хорошо, ребеночек развивается нормально. Пора в декрет. Оформляем? - щебетала пухлощекая Галина Семеновна, ее участковый врач.

- Да, пожалуй, оформляем...

- Отлично, вот вам направление на УЗИ, вот на анализы. Надо все повторить. Ну надо, голубчик! - сочувственно посмотрела она на свою пациентку. - И пожалуйста - пожалуйста! - соблюдайте диету. Жидкости поменьше. Яблочки, ягода скоро пойдет... Кефир, творожок... У вас и так ребеночек крупный, да и вы в весе больше нормы набрали...

- Это уж точно, - вздохнула Лана. - Никогда в жизни я столько не весила. Галина Семеновна, как вы думаете: я потом похудею?

- Голубчик мой, это в большой степени зависит от вас. Вы здоровы, с гормонами все в порядке. Только ни в коем случае не голодайте, пока кормить ребеночка будете!

- Не буду, - грустно пообещала Лана и опять вздохнула.

И вот теперь она, чувствуя себя отчасти слоном, отчасти дирижаблем, топала по лужам в

детский сад за Тимкой.

- Мамочка, а у нас каникулы начинаются! Наша Елена Владимировна в отпуск идет и нас отпускает, - встретил ее новостью Тимка и зашептал ей на ухо: - Это очень хорошо, а то Вадька говорит, что у тебя живот толстый... Я ему говорю, это потому, что у нас скоро братик или сестричка родится. А он не верит. Пойдем скорее, да?

«Ну вот, хоть из дома не выходи, сын, и тот стыдится моего вида...» - расстроилась Лана.

- Олечка, ты меня прости, но я ухожу в декрет, - решительно заявила она вечером мужу.

- Не понял, Лань: за что я должен тебя простить?

- Ой, да не зови ты меня Ланью! - раздраженно буркнула Лана. - Я себя от этого чувствую еще... коровее!

- Тпру! Это еще что такое?! Не смей обижать мою жену! - нахмурился грозный муж, сел рядом с ней на Диван, обнял попышневший до невероятности стан, с интересом спросил: - Так за что я должен тебя простить?

- Я. Ухожу. В декрет. В дли-ительный такой отпуск по беременности, родам и уходу за младенцем. На три года минимум.

- Гм... И что, совсем-совсем работать не будешь?

- Совсем-совсем.

- Ни вот на столечко? - Он взял ее руку и показал ей кончик ее мизинца.

- Ни на сколечко...

- Гм... Может, маму твою уговорим приехать?

- Мама сейчас вся в работе. У нее заказ за заказом.

- Тогда няню найдем...

- Еще чего не хватало! Чтобы мой ребенок чужую тетеньку любил вместо меня? Возьмешь на мое место временного сотрудника. А может, и постоянного!

- Лана, что с тобой? - заволновался Олег. - Тебе надоела работа?

- Мне не надоела работа... Мне стыдно перед детьми, что у них только четверть мамы. - Лана встала, открыла холодильник, пошарила жадным взглядом по полкам. - Папа - ладно, его доля такая - кормильцем быть. А мамы должны в первую очередь быть мамами!... Вот так. И не надо ничего говорить, я все решила. Олег обескураженно молчал.

- Докторица велела диету соблюдать... А как ее соблюдёшь, если есть все время хочется? Яблочки! Творожок! Ягодки! - раздраженно передразнила Лана своего врача. - Сама, небось, окорока из «Лугового» лопает!... Вот бросит меня муж, такую тушу, что тогда делать?

- Девушка, я вас во второй раз предупреждаю: не оскорбляйте мою жену!

Лана вынула из холодильника пачку творога, покрутила ее в руках, скривилась, но в тарелочку

содержимое упаковки выложила и стала медленно, с видимым отвращением есть.

- Давай хоть чайку тебе налью! - посочувствовал Олег.

- Нельзя. Я сегодня свой литр уже уговорила...

Олег потянулся через стол, погладил ее по отросшим волосам, по щеке. А потом подпер руками голову и стал смотреть на нее. Это было его любимое занятие - смотреть на Лану. Вроде медитации. На душе становится мягко-мягко, тихо-тихо, легко-легко... А ей, бедняге, совсем нелегко - и пузо таскай, и попить вволю нельзя, и вообще...

- Лань, ты что, вправду переживаешь из-за этих килограммов? Да брось ты! Я...

- Я не переживаю, Олег. Нет, я больше не могу!... - Она с отвращением отодвинула от себя тарелку. - Ты пробовал когда-нибудь такую еду и без запивания? Этот творог у меня по всем внутренностям размазался, как зубная паста!

- Ты же еще недавно обожала «Блендамед»! - поддел ее Олег.

- Перестань, - раздраженно оборвала его Лана. - Мне просто тяжело: это к вопросу о весе. Попробуй день и ночь таскать с собой баул в двадцать килограммов! Или обвешайся гантелями, а сверху натяни пуховик. Вот, собственно, и все переживания... Ай, ладно. Ты все равно не поймешь. Сама как-нибудь справлюсь.

- Конечно, ты абсолютно самодостаточная личность, - вдруг обиделся Олег.

- А что в этом плохого? - удивилась Лана.

- Это отлично! Только нужен ли я такой женщине? Ты же сама со всем справляешься!... А-а, нет, я не прав! Я - производитель и кормилец...

- Та-а-ак... - зловеще протянула Лана. - Понятно, ты ищешь повод для ссоры. Чтобы ночевать вот на этом диване? Я тебе... противна, да? Вот ты и про лишний вес заговорил... Про самодостаточность... Кормилец? Ну, и оставайся здесь! Мне никакие кормильцы не нужны! Я самодостаточная...

И она вылетела из кухни, как стрела, несмотря на «лишний вес».

Олег некоторое время продолжал сидеть, потом закурил, но тут же погасил сигарету и пошел искать Лану. В спальне нет, в «кабинете-гостиной» нет. У мальчишек уже темно.

И на балконе нет жены. Ушла на улицу! В двенадцатом часу ночи! Ах ты ж самодостаточная!

Олег выскочил из квартиры и помчался по лестнице вниз. Обежал весь двор - нигде нет. Еще раз обежал, заглядывая во все подъезды. Выхватил из кармана джинсов телефон, вызвал ее номер. Трубку не брали...

Олег побежал на набережную. Лана любила набережную и часто гуляла там... Сумасшедшая! Вот сумасшедшая, куда же она рванула?

И тут он услышал, а потом и увидел ее. Она быстро шла, почти бежала ему навстречу, а за ней, дыша в затылок, тащился какой-то явно пьяный тип.

- Отстанете вы от меня или нет? Я милицию вызову!

- А не вызовешь, у тебя телефончика нет, сама сказала... Да стой ты! - Тип схватил Лану за плечо.

Ярость словно толкнула Олега в спину...

- Эй, отстань от моей жены! Убью! - закричал он и изо всех сил побежал к ним.

Мужик повернул голову на крик и опустил руку. Освободившаяся от преследователя Лана заторопилась мужу навстречу. Но он промчался мимо и с ходу заехал кулаком в лицо пьяного. Тот хрюкнул и свалился к его ногам.

- Олег, не надо! Оставь его! - крикнула Лана задыхающимся голосом.

Но он наклонился, сгрел обмякшее тело, потащил его вверх, рыча:

- А ну, вставай! Я еще не закончил разговор!

- Нельзя, - с явным трудом сказала Лана за его спиной и вцепилась ему в локоть. Олег оглянулся: она стояла, одной рукой поддерживая свой живот, а второй держась за мужа, и тяжело дышала. - Не трогай его. Пожалуйста.

Руки Олега сами собой разжались, и пьяный снова кулем осел на асфальт.

- Что ты с ним... - с ужасом начала Лана и попыталась наклониться над поверженным противником.

- Да ничего я с ним... Очухается! Знает, что лежачего не бьют, вот и валяется, - с отвращением процедил Олег. Мужик, начавший было копошиться, чтобы встать, замер. Олег удовлетворенно кивнул и поинтересовался у него: - Правильно я тебя понял, скотина?

В ответ мужик ругнулся матом и стал осторожно ощупывать свой нос.

- Легко отделался, - буркнул Олег и обернулся к Лане, обнял ее за плечи и тревожно спросил: - Ты как, идти можешь?

- Могу... только медленно. С ним точно все в порядке?

- Какая ты у меня жалостливая! То убийцу пожалеешь, то пьяного маньяка какого-то... - с досадой ответил Олег и взял Лану под руку. - Пойдем потихоньку.

Некоторое время они молча медленно шли по набережной. Потом Лана огляделась, увидела лавочку и сказала:

- Давай посидим немножко... У меня ноги дрожат.

Олег усадил ее на лавочку, отошел в сторонку, закурил. Постоял, с наслаждением вдыхая вредный дым, и вдруг засмеялся.

- Ты чего? - подозрительно спросила Лана. - Ты не надо мной смеешься?

- Нет. Так... над диалектикой бытия. Вот смотри: мы из-за чего поссорились? Я сказал, что ты самодостаточная и думаешь, что я тебе не нужен. И тут же я тебе понадобился. Так?

- Так! - Лана с интересом уставилась на мужа. - Ну и что?

- А ты решила, что стала непривлекательной и поэтому я хочу с тобой поругаться. И тут же какой-то мужик к тебе пристал именно потому, что ты его соблазнила.

- Да он пьяный был!

- Не важно... - отмахнулся от ее замечания Олег. - Таким образом, жизнь сама ликвидировала причины нашей ссоры, и мы можем сделать вид, что ничего не произошло с той минуты, как ты размазывала творог по своим внутренностям. Так?

Он бросил в урну окурок и сел рядом с женой, обняв ее за плечи. Она уютно привалилась к его боку.

- Олечка...

- М-м?

- Никакая я не самодостаточная. Олечка, я действительно боюсь, что ты меня разлюбишь, такую толстую...

- Тебя? Я? Разлюблю?! Никогда. Даже если станешь бабушкой, все равно ты будешь... Ланушкой! - Олег обнял ее, крепко и бережно, и тихонько засмеялся. - Ой, правда, какая ты толстая... Чего ты пихаешься, Лань? Ты мне очень нравишься такая толстая. Из-за меня же, заметь! Из-за моей необузданной страсти к тебе!...

## Глава 23

- Представляешь, всего на два голоса больше... Всего на два! - гудел в телефонной трубке голос Павла. - А это значит, сопротивляется мне материал областной. Так что работа предстоит нам с тобой адова... Ну, вы уже собрались? Леха за вами минут через двадцать заедет.

- Паш, я тебе желаю, чтобы инаугурация прошла на высоте. Не волнуйся. И тлю зеленую с трибуны не поминай, - отвечал Олег. - Но нас извини, мы приехать никак не можем. Рожаем...

- Как - рожаете?! Уже?

- Да, вот прямо сейчас Ланка этим и занимается... А я торчу рядышком, в предбаннике. Туда, в родовую, идти боюсь. Боюсь, Пашка!

- Как я тебя понимаю!... Давно?

- Мне кажется, уже... лет сто. На самом деле с час... да, где-то так. Паш! Пашка, кажется, уже! Слышишь?

Издали послышался крик новорожденного.

- Ур-ра! Поздравляю! - завопил в трубку Павел.

- Паш, я перезвоню, - торопливо проговорил Олег и отключился.

Дверь приоткрылась, и акушерка позвала:

- Идите, папочка, поздоровайтесь с дочкой.

- Дочка? Ну, Ланище, молодчина!

Бледная-бледная Лана, укрытая по бедра голубой простынкой, лежала на родовом столе, сложив на животе руки оберегающим кольцом. В этом кольце шевелилось что-то красное и требовательно покрякивало.

- Я ее к груди приложу, можно? - спросила Лана у врача.

- Можно...

Девчонка сразу жадно вцепилась крошечным ротиком в сосок.

- Активная какая, - довольным голосом сказал врач.

- Олег, подойди поближе, - не сводя глаз с ребенка, позвала Лана.

- Хватит, мамочка... - Акушерка решительно забрала малышку, которая тут же заорала. - Давайте, мы ее в порядок приведем, обмоем, пупочек обработаем...

А Олег так и стоял оцепенело у двери, даже дышать забыл.

- Олежка, да подойди же, наконец...

С трудом переставляя дрожащие ноги, он подошел.

- Все нормально, Олежка. Все хорошо. Давай уже,

приходи в себя! - насмешливо сказала Лана.

\* \* \*

Уложив уснувшую Екатерину Олеговну Камневу в нарядную кроватку, Лана еще минутку постояла над ней, полюбовалась. И пошла на кухню, где ее мужчины готовили обед.

Все трое были очень заняты: Платон крутил мясорубку, Олег резал овощи, а Тимка складывал на обеденном столе пазл.

- Мам, смотри, я уже почти закончил! - закричал он.

- Молодец какой! А мы это будем есть на второе или на десерт? - разглядывая почти сложившуюся сценку из «Малыша и Карлсона», серьезно спросила Лана.

- Мы это скотчем склеим и повесим на стенку! Чтоб Катька ее рассматривала! - торжественно объявил Тимка.

- Мам, я все мясо уже наизнанку вывернул, что в него еще кидать? - спросил Платон

И одновременно с ним - Олег:

- Лань, посмотри, бульон готов?

- А разве у тебя сегодня нет английского? - спросила она у Платона, заглядывая в кастрюлю с бульоном. - Можно овощи класть, Олежка.

- А что важнее: обед или английский?

- Английский. Котлеты я и сама пожарю. Иди-иди! Thanks for your help.

- You welcome, - проворчал Платон, неохотно покидая свой пост у мясорубки. И тут же из прихожей проинформировал: - Катька пишит!

- Что за бессонное дитя! Олежка, я сейчас с ней приду и буду руководить.

- Может, я все-таки пропущу сегодня английский? - с надеждой спросил Платон.

- Ценю твое благородство, но пользоваться не буду, - торопливо бросила на ходу Лана.

- Эх! - с досадой выдохнул Платон и захлопнул за собой дверь.

Через несколько минут Лана вернулась на кухню, держа на руках крохотное создание в нарядном розовом комбинезончике, уселась на Диван рядом с Тимкой и стала шепотом руководить приготовлением обеда. У нее это получалось как колыбельная со странными словами: «Соли больше не клади... спи, моя хорошая... тише, тише, не кричи... можно выключить огонь». Олег улыбался, искоса поглядывая на жену, Тимка откровенно тараршился и хихикал.

Катерина снова уснула, а Тимка склеил скотчем пазл.

- Ма, - прошептал он. - Я пойду у вас в спальне его приклею?

- Пойдем вместе, мой хороший. Я Катю уложу, а ты пристроишь свое произведение. И будем обедать...

- Я тебе твой бульон и мясо в спальню принесу, - предложил Олег. - А то ведь опять проснется - и останешься голодная.

- Ой, как я хорошо жить стала, - с удовольствием заметила Лана. - Балуй меня. Мне нравится быть... несамодостаточной.

У большого зеркала в прихожей Лана приостановилась и оглядела себя со всех сторон. Да, она сильно похудела. Лишние килограммы почти все растаяли - быстро и таинственно.

Тимка, который на ходу все любовался своим творением, наткнулся на нее, поднял глаза:

- Ты чего, мам?...

- Да так... Я уже не такая толстая, как тебе кажется? Тимка обошел ее вокруг.

- В животе и сзади ты стала маленькая, а вот тут, - он показал на грудь, - больша-ая...

Лана засмеялась:

- Ну, спасибо, сын, утешил!

Если бы то, что она увидела в зеркале, успокоило ее...

Что-то с ней случилось. Никогда она не обращала серьезного внимания на то, как выглядит. И что перед собой душой кривить, даже бравировала слегка своим равнодушием к моде, к

«тряпкам и мазилкам». При светлых волосах у Ланы были темные брови и ресницы, и лицо потому было ярким и выразительным. Очень короткие волосы утром просто мылись и расчесывались - а ложились они всегда хорошо. Как могут плохо лечь волосы длиной в два-три сантиметра? Джинсы и свитера, летом - маечки на тоненькой ладной фигурке смотрелись отлично. Брюки и пиджаки - еще лучше. Главное, чтобы все это было чистым и отутюженным. Повезло ей с внешностью.

И вдруг эти стремительно выросшие килограммы, мешающие двигаться, делавшие отражение в зеркале чужим. Ей даже казалось, что из всех неприятностей, обрушившихся на семью в последнее время, эта - самая серьезная. В ее крепости обнаружилось брешь - в самой укрепленной ее части. Лана чувствовала себя уязвимой...

- Любуешься? Правильно. Женщина с младенцем на руках - что может быть красивее? - Олег нес на тарелке большую чашку с бульоном.

- Это если стройная женщина с младенцем на руках, - ответила Лана и виновато посмотрела на мужа. - Олежка, я толстая старая зануда...

- Ты стройная и красивая мать троих детей. Что за комплексы у тебя появились?

Катерина завертела головой и захныкала.

- Ты уморишь мою дочь голодом, женщина. И твое диетпитание остывает.

- Мам, пап, идите смотреть, как я картину повесил. Свет правильно падает? - окликнул их из спальни Тимка.

Родители переглянулись и засмеялись.

- Ты знаешь, я счастлива, - вдруг сказала Лана.

- Ты знаешь, я счастлив, - одновременно с ней доверительно сказал Олег.

\* \* \*

- Мам, а ты теперь Катюшку больше нас с Тошей любишь? - спросил Тимка, ревниво наблюдая, как Лана нежно воркует над малышкой.

- Что ты! Как же я могу кого-то из вас любить больше? Вы ведь все - мои, я вас всех родила.

- И когда меня родила, тоже так со мной обращалась?

- Тим ты мой... Иди сюда скорее. - Лана на одной руке держала дочь, а второй обняла сына, прижала к себе покрепче. - Смотри, какая наша Катюша маленькая, слабенькая, беспомощная... Она даже голову еще не умеет держать. Я для нее сейчас - и руки, и ноги, и голова, которая думает. И еда, и все-все-все!... Когда ты родился, Тошка тоже переживал, что я тебя больше люблю. А потом стал мне помогать: у кровати твоей сидеть, караулить, коляску на прогулке катал, когда мне надо было в магазин зайти... Кормил тебя. Даже одежды твои гладил. Даже лучше, чем я: так складывал каждую распашонку, словно ее только из магазина принесли... И стал тебя любить сильно-сильно! Потому что когда о ком-то заботаешься, обязательно начинаешь любить. Сердце включается...

- Да? - Тимка стоял, прижавшись к Лане, и смотрел на крохотную свою сестренку. - Мам, а она

уже не красная. И уши у нее уже трубочкой не сворачиваются.

- Конечно, она же растет, зреет, как яблочко, наливается соком. Вот скоро узнавать нас начнет, улыбаться, агукать - тогда еще интереснее с ней станет. А потом она будет учиться переворачиваться на животик. А потом будет учиться ползать и сидеть...

- А почему она сейчас не умеет? Что здесь трудного-то?

- Так природа устроила. Человек очень сложное существо. Сложнее, чем другие животные, потому что у него есть разум... - объясняла Лана, с неожиданной для себя и смешной обидой на природу думая: «А действительно, почему самое разумное на земле существо рождается самым беспомощным? Разве это правильно? Вот, волнуйся за них за всех...»

Олег, войдя в спальню, обнаружил идиллическую картину: на одной руке у Ланы мирно спит Катюха, другой она обнимает Тимофея, оба не сводят глаз с малышки, и лица у них...

Торопясь, пока они не заметили его, он вынул мобильник и сфотографировал эту картину. И тоном королевского распорядителя объявил:

- Ванна для инфанты готова!

\* \* \*

Пока Катя спала, Лана пошла к своему компьютеру проверить почту. Уже три недели она в нее не заглядывала, некогда было.

Поздравления, поздравления, поздравления...

Ага, и от папы из Парижа весточка. Да большое какое письмо!

Она начала читать и даже не услышала, как в комнату вошел Олег, тоже до этого разбиравший свою почту на кухне.

- Вот ты где! А я тебя по всей квартире ищу... Влад новую газету делает теперь. «Прогулки» невозможно было переориентировать. Эй! Ты меня слышишь? - потрепал он Лану по затылку.

Она подняла на него полные слез глаза.

- Что случилось? - испугался Олег.

- Папа...

- Что с ним?

Лана кивнула на экран компьютера. Олег начал торопливо читать:

- «Поздравляю с дочкой, рад что... У меня все хорошо...» Ну слава богу, у него же все хорошо! Почему ты ревешь?

- А ты дальше почитай... Вот здесь... - Лана ткнула пальцем в экран монитора.

«Я открыл счета на всех вас: внучке - она девочка, ей нужнее - положил четыреста тысяч евро, мальчишкам по триста, а вам с Олегом двести. Эти деньги мне не нужны, ты знаешь, на холст и краски мне всегда хватит. Ты не думай, я вполне прилично живу, у меня и квартира, и

мастерская - все отлично. И вообще, думаю, картины писать лучше на родине. Как ты думаешь, мама меня примет обратно? Или это безнадежно? Если примет, вернусь».

- Ого!... Да... Я так рада. Только вот...

- Да, неожиданно...

- Не представляю, как я это скажу...

- Зачем говорить? Пусть себе лежат, вырастут - тогда скажем.

Лана с недоумением поглядела на мужа:

- Кто вырастет? Ты о чем?

- О детях. Дети вырастут - тогда и скажем о деньгах... - удивленно ответил он.

- О каких деньгах?

- О тех, которые...

Олег вдруг стал смеяться - так, что и слова не мог сказать. Только тыкал пальцем в экран монитора. Что там такого смешного он увидел? Лана проследила за указующим перстом мужа и прочитала то, на что в первый раз не обратила особого внимания, потому что - папа возвращается! И тоже засмеялась.

- Эй вы, родители, чего это вы так веселитесь, когда у вас младенец надрывается? - строго спросил с порога комнаты Платон.

- Правда? Ой, бегу! - заторопилась Лана. Олег пошел вслед за ней, но спохватился, вернулся к компьютеру и что-то еще раз внимательно посмотрел в письме.

\* \* \*

- Письму этому уже две недели, а Инна Михайловна ничего о возвращении Платона Игнатьевича не говорила. Не говорила же? - вернулся Олег к разговору, когда Лана села подкормить Катюшку.

- Неужели она так чувствует, когда меня нет рядом? - не отвечая мужу, вслух подумала она, любуясь дочкой.

- Опять мы о разном говорим? - смешливо пробормотал Олег, укладываясь на постели «звездой». - Ей же только три недели, она еще не привыкла быть... снаружи! Вот и зовет тепленькое и родное.

- А она на тебя похожа... Смотри, хмурит бровки совсем как ты!

- Так и должно быть, - авторитетно сказал многодетный отец и повернулся на бок, чтобы удобнее было тоже любоваться ребенком. - Сыновья должны быть похожи на мать, дочери - на отца. Тогда счастливые будут... Лань, а ресницы у таких козьяков разве бывают? Ты смотри, длинные какие!

- И уже темные... А волосенки белые, как у мальчишек были. Впрочем, они и сейчас белобрысые.

- Как их мама - синеглазые блондины.
- А Катюшка будет зеленоглазой. И все равно блондинкой - в кого ей черненькой быть? Ты тоже у нас нэ брунэт.
- Ну, все, хватит баловать мою дочь! - велел грозный муж, снова раскидываясь «звездой». - Клади ее в кровать. И сама ложись.
- Слушаю и повинуюсь, мой повелитель! - в тон ему ответила Лана, устроила Катюшу в кровати, торопливо приняла душ, все время невольно прислушиваясь, не закричит ли опять этот бессонный младенец, и заняла свое место рядом с Олегом, который все еще лежал на спине и о чем-то думал.
- Лань, ты завтра будешь звонить маме?
- Ох, Олежка... страшно!
- Почему? - помолчав, спросил он.
- Ну как - почему? Потому что нельзя вмешиваться в личные отношения людей.
- Не людей, а родителей! - наставительно сказал Олег. - Ты думаешь, отец тебе просто так написал, что хочет приехать, но сомневается... Он же тебе задание дал!
- Да я понимаю... Все равно. Это надо хорошо обдумать.
- Что тут обдумывать? Ты сколько раз мне говорила, что твоя мама любит отца бесконечной любовью. Они же все эти годы переписывались, и она два раза к нему ездила и гостила по месяцу.
- Это было уже давно. Последние лет пять она у него не была. И... мы об отце не говорили уже... да тоже, наверное, лет пять! Вдруг у нее кто-то другой появился?
- Не похоже... - усомнился Олег, вспоминая последнюю встречу с тещей. - В квартире никаких следов пребывания мужчины - постоянного или временного. У нее только кошка Палитра и полный разгром... то есть творческий беспорядок. А сама она - красавица в полном расцвете сил. Я отца твоего, признаться, даже ругнул про себя... Или ты не хочешь, чтобы они сошлись?
- Какое я имею право хотеть или не хотеть этого? Нет, я завтра лучше отцу напишу, или, еще лучше, позвоню. И все выясню. Пусть прямо скажет, чего он хочет!
- Не забудь его за деньги поблагодарить.
- Какие... Ах да, еще и деньги... - Лана помолчала. - А ты-то как к этим деньгам относишься?
- Хорошо отношусь. Он дед, его право внукам подарки делать. И дочери тоже.
- А мне как-то неловко...
- Ты просто отвыкла быть ребенком своего отца. Сама же рассказывала, как он вам с мамой праздники устраивать любил. То, что он сделал, вполне в его характере. Ты же не отказалась, когда он тебе машину подарил.

- А ты суммируй деньги, которые он на счета нам разложил.

- И суммировал, и в рубли перевел, приблизительно, конечно. Я же холодный прагматичный мужчина. Не то что ты - сентиментальная барышня.

- Это почему ж сентиментальная? - возмутилась Лана.

- Шутка... Доля правды в ней такая: ты обратила внимание на чувства. А я - на деньги.

- Ты скупой рыцарь...

- Почто бранитесь, сударыня? Твой отец - правильный мужик. Хоть и творческая личность.

«Он-то правильный мужик, - думал Олег. - А я? Хорохорюсь, вру жене, что все нормально, и меня радует подарок ее отца... Не радует, унижает. А ей я что могу сказать? Отдай деньги обратно? А взамен я тебе предлагаю свою квартиру в Жуковском. Квартира - и та по наследству досталась, не сам заработал. Да, я отличный муж... Просто гипер-супер-архи... Спрятался за широкой Пашкиной спиной, живу в его квартире, сделал игрушечную газету... Зато всю жизнь стою в гордой позе честного и неподкупного журналиста. Можно подумать, в «Новостях России» мне не с рекламных и спонсорских денег гонорары платили... Можно подумать, я как редактор «Объектива» заслужил больше уважения, чем любой другой купленный редактор...»

- Олечка, не крутись, спать мешаешь... - сонно пробормотала Лана, поворачиваясь на другой бок.

«Ну вот, еще и спать не даю кормящей матери!» - окончательно разозлился на себя Олег, потихоньку, стараясь не скрипнуть пружиной, сполз с кровати и на цыпочках отправился на кухню. По пути передумал, снял с крючка в прихожей ключи от половины Стечкиных и ушел туда. Стечкиным в двух комнатках тесно, живут в казенных апартаментах. И дом себе строят. А квартира пустая. Там хоть курить и скрипеть пружинами можно без опаски.

Олег поставил на плиту чайник, уселся к столу, закурил. Думу думал. Дума у него была невеселая. Кто он? В данную минуту он - бедный муж состоятельной жены и нищий отец богатых детей. Неужели все только потому, что он - журналист? Ведь когда учился, не стеснялся работать ради денег. И работы никакой, даже самой грязной, не чурался. А стал журналистом - и пожалуйста, выбирай: либо врать за деньги, либо правду говорить за бесплатно... А в этой истории с Царьковым и компанией - что он делал? Пыжился - и сбежал. Бросил семью и помчался в Москву, чтобы оттуда - а то, не дай бог, засекут враги - нажаловаться всесильному Пашке?

- Надо было противогаз надеть, - раздался вдруг голос Ланы.

Вспыхнул свет. Лана щурилась и махала перед лицом рукой в тщетной попытке разогнать дым.

- У тебя еще и чайник кипит уже незнамо сколько... - Она погасила газ, села напротив, устало облокотилась о стол, зевнула: - Ой, спать, спать спать...

- Ну и спала бы себе! - смущенно сказал Олег. Чувство вины смешалось с досадой: нигде покоя нет. - А у меня стариковская бессонница...

Дым лез Лане в глаза, и она их все терла и терла ладонями.

- Не ври... Ты тут страдаешь из-за папиного подарка. Нянчишь свой юношеский максимализм. Во время старческой бессонницы.

Он промолчал. Что тут скажешь? Лана, кажется, знала его лучше, чем он сам себя знал.

- Я сразу не поверила, что ты рад этим деньгам... Я про деньги даже как-то... ну, не заметила. Внимания не обратила, не запомнила. А ты сразу заметил и потом еще сказал...

- Вот-вот, давай психоанализом займемся! - Олег встал и начал шуровать в шкафчиках, ища заварку.

- Пойдем лучше к себе, я от этого дыма уже слезами изошла.

- Ты иди. Я еще сигаретку выкурю. Чаю дома попьем.

- Ты знаешь, в окне есть такая дырочка с дверцей,

форточкой называется... Ее можно открыть, лето на дворе... - иронически сказала Лана. - А чай я сама заварю.

Она снова зажгла под чайником газ, быстро отыскала баночку с заваркой и сделала чай «полентяйски» - прямо в кружках. Олег, открыв не форточку, а все окно, курил, глядя в августовскую бархатную ночь. Курил уже не потому, что хотелось, а чтобы не разговаривать еще хоть чуть-чуть. В голове бесконечно крутились слова, автора которых он сейчас не мог вспомнить: «И все же, как это ни странно, но как же страшно, как же страшно во всем друг друга понимать...»

Лана подошла и облокотилась на подоконник рядом с ним.

- Уже осенью пахнет, правда?

Олег, не отвечая, щелчком отправил окурок в полет, проследил глазами, как он, описав длинную дугу, упал на асфальт, брызнул мелкими искрами и погас. Опустил, увидел, что на подоконнике рядом с ним стоит кружка с дымящимся чаем, виноватым голосом сказал:

- Спасибо... А ты?

- Пью.

Они пили чай и смотрели в окно, где было темно и тихо, деревья казались таинственными, а под фонарем кружились мошки и ночные мотыльки.

- Олег... - нарушила молчание Лана и тронула мужа за плечо. - Помнишь наш разговор о том, что я долго не выйду на работу?

- Помню, конечно.

- Я ведь тоже перемучилась всеми ужасными мыслями, упрекала себя в собственном несовершенстве, в том, что живу неправильно, что я плохая мать...

Олег поперхнулся от неожиданности.

- Ты отличная мать! Спокойная, жизнерадостная, понимающая... Ни разу не кричала на мальчишек, не называла их дураками, оболтусами, недоумками и так далее... Многие матери

хоть раз да сорвутся. А ты - никогда. Мальчишки тебя обожают. И главное, доверяют тебе целиком и полностью.

- Ты правда так думаешь?

- А как я еще должен думать? - удивился Олег. - Как есть - так и думаю. Лань, что с тобой? Откуда у тебя такие... странные мысли? Вроде бы у тебя никогда не было склонности к самобичеванию.

- Это не склонность, - пробормотала Лана. - Это факты. Если посмотреть объективно. Я считаю, что они меня любят совершенно незаслуженно. Тошка вообще вырос как крапива под забором и Тимку потом воспитывал.

- Ну что же ты врешь-то, а? - возмутился Олег. - Тошку мама твоя пестовала, как принца крови, а с Тимкой ты и сама ворковала, да еще и Платон!...- Олег вдруг замолчал, взял жену за плечи и внимательно взгляделся в ее лицо. - Ты к чему ведешь? Ты хочешь мне внушить мысль, что я напрасно страдаю? Да?

Лана кивнула и улыбнулась.

- Знаешь, Лана, ты мне становишься не по плечу... - помолчав, сказал Олег, выпустил ее из рук, отвернулся к окну и снова закурил. - Ты прямо... колдунья какая-то...

Лана вдруг молча развернулась и выбежала из кухни Стечкиных через общую с их квартирой дверь. И когда эта дверь открылась, Олег услышал едва доносящийся Катюшкин плач. Он выбросил окурок, закрыл окно и пошел вслед за женой.

После нежилого духа прокуренной им же кухни Стечкиных запах собственного жилья показался ему небывало прекрасным, особенно в спальне. Уютным оранжевым светом горел ночничок, и Ланка сидела, держа у груди их маленькую дочь. Это было... это было счастье. Все остальное было не важным. Мелочью все остальное было.

- Олечка, а давай мы на наши деньги откроем маленькое издательство, а? Я бы с удовольствием сейчас этим занялась, - шепотом сказала она как ни в чем не бывало.

- Сейчас? А Катька? А газета? - прошептал он, садясь с ней рядом и заглядывая в личико дочери.

- А при газете и откроем... Будет издательский дом, - мечтательно сказала Лана и вдруг смешливо фыркнула: - Звучит-то как, а?

- Звучит... круто, - согласился Олег. - Ну, посмотрим... Посчитать надо, будет ли толк.

- Вот и просчитай. Ты же у нас холодный прагматичный мужчина. С умными людьми посоветуйся. С Пашкой, например.

Олег вспомнил, что Павел говорил о чем-то таком...

- А это не он тебе такую мысль подсказал?

- Не-ет...- удивилась Лана. - Я сама об этом подумала. Многие так делают, чтобы газету поддержать... И свой капитал приумножим.

- Ах, капитал! - тихонько засмеялся Олег, осторожно обнимая жену. - Вот зачем ты про издательство заговорила...

А может, так и сделать? Может, это и есть их шанс? Дело-то интересное...

## Эпилог

Ох, и горячее время настало, когда Павел приступил к своим обязанностям губернатора! И для него самого. И для всех, кто был за него. И для тех, кто был против него.

Пулей пролетели полгода. Был арестован в Италии Царьков, который жил там с семьей как Вильям Кинг, гражданин Соединенных Штатов Америки.

Еще тремя месяцами раньше в Египте задержали Приходько. Конфискованных у Царькова средств хватило на выплату солидной неустойки строительной фирме «Наш дом», и она тут же начала раздавать долги тем, кто купил, но не получил квартиры при старом хозяине. Люди из частного сектора, которых Царьков вселил в ветхое жилье, справили новоселье в новеньких пятиэтажках на своей родной улице.

Квартиру свою Павел - обе ее части - хотел было подарить Камневым, но они заартачились и купили ее у него.

- Если вам деньги некуда девать, перечислите их на ремонт Дома малютки, - попытался увернуться от сделки Павел.

- Уже перечислили, - призналась Лана. - У меня давно душа об этом Доме болела. Еще с тех пор, как писала об одном мальчишке, который... ладно, не буду, а то сейчас реветь начну.

- Ну, тогда я и эти деньги туда же перечислю, - решил Павел. - Охо-хо, и хозяйство же мне предшественничек оставил! На бумаге тишь и благолепие, а разбираться стал... - Он помотал головой и болезненно поморщился. - Все коррупцией разъедено. Война у меня с местным чиновничеством, как в сорок первом году. А Васильев ко мне на службу идти наотрез отказался. Он теперь начальник убойного отдела. Фанат сыска! Спасибо, хоть «Объектив» на страже - мой лучший разведчик. Ланочка, а ты в газету когда вернешься?

- Ты не заметил? У меня грудная дочь! - Лана под мышки подняла сидевшую у нее на коленях Катюшку и повертела ею перед лицом Павла. Катюшка тут же протянула руки и с веселым кровожадным воплем ухватила губернатора за нос.

- Ой, Паш, прости... Это не ребенок, а чистый репей. - Лана с трудом отцепила ручонку дочери от этой довольно крупной части лица Стечкина и погрозила Катьке пальцем. Катька тут же этот палец с таким же жизнерадостным визгом перехватила, сунула в рот и с наслаждением впилась в плоть двумя своими острыми, как гвоздики, зубками. Лана, тихонько ойкнув, стала осторожно освобождаться из капкана.

- Никакого почтения к лицу, облеченному властью, - пожаловался Павел, потирая свой нос, на котором рдели тонкие царапины. - Придется гримом мазаться. А то скажут: Божий Бык надрался и с женой подрался. А еще крестница! - Он сделал Катьке «козу». Та что-то залопотала и протянула к нему руки. Павел тут же умилился, растаял, забрал Катьку у Ланы и стал что-то умильно ворковать, бдительно уклоняясь от маленьких цепких пальцев.

- Паш, а почему тебя у нас Божьим Быком прозвали? - с интересом спросила Лана, дую на свой вызволенный палец.

- Не, это еще из Сибири погнало...

- Фи, Павел Владимирович! Вы - и блатной жаргон!... - возмутилась Лана.

- О, миль пардон, мадам! - Павел, одной рукой прижав к себе Катьку, другой поймал руку Ланы, поцеловал. - Я ж все зеленой тлей ругаюсь. А божьи коровки этих букашек едят. Коровкой-то меня не назовешь? Значит - бык. Ну, и профиль бизнеса роль сыграл... Слушай, твой муж сегодня домой вообще придет?

- Он на вокзал поехал, моих родителей встречать. Должны уже скоро быть. И раз уж ты такая справная нянька, посиди с Катькой, я на стол накрывать буду.

- А сыны где?

- Старший на тренировке, младший с Олегом поехал.

- Родители надолго в гости?

- Не думаю. Папа маму в кругосветное путешествие везет. Грехи замаливает! Перед дальней дорожкой решили нас навестить.

\* \* \*

Разговор с отцом тогда, наутро после обнаружения письма, был долгим и откровенным. Оказалось, что пять лет назад мама приехала к нему в Париж на несколько дней раньше, чем он ждал. А у него роман с молодой натурщицей - правда, на стадии завершения, но...

- Ты знаешь маму: она вела себя очень корректно, сделала вид, что все нормально. Но вместо месяца пробыла у меня всего три дня. Спала в другой комнате. И с тех пор ко мне не приезжала. Только по телефону разговаривали... как старые друзья. Ланчик, поговори с ней, а? Девчонки эти - так, ну, ты взрослая, понимаешь, я ж еще не старей. А Инна - это... это Инна.

И Лана позвонила матери, рассказала ей о письме, о разговоре и о просьбе отца похлопотать за него.

Мама долго молчала. Лана уже думала, что прервалась связь.

- Алло, мам, ты где?

- Я думаю... - И мама помолчала еще немного. - Видишь ли, отец уже год как домой просится. Я ему говорю: в чем проблема, приезжай. А он: я к тебе хочу вернуться... Лана, я боюсь! Я уже привыкла жить спокойно, а с ним разве будет покой?

- Mamochka, я помню, как с ним... Но он, может быть, изменился за эти годы?

- Нет, Лан, он прежний... И я прежняя.

- Он тебя любит.

- И я его люблю. Только любовь у нас видишь какая... неудобная: вместе тесно, а врозь - скучно.

- Мамуль, я ничего тебе советовать не имею права... Но Олежка, например, считает, что отец правильно решил, говорит: нельзя, чтобы такие красавицы, как твоя мама, одиночество мыкали!

- Олежка так и говорит? Немногие зятя тещам такие комплименты говорят... - Инна Михайловна польщенно засмеялась, потом опять надолго замолчала, наконец сказала: - Я с отцом сама поговорю. Что это он... парламентариев посылает... Да еще таких, которым я отказать ни в чем не могу.

Что и как у отца с матерью было дальше, выяснять было неловко. Мама в телефонных разговорах этой темы больше не касалась, отец в своих электронных посланиях тоже больше внуками интересовался. А две недели назад он прибыл в Москву и теперь везет маму в кризис.

\* \* \*

- Кажется, приехали! - воскликнула Лана, услышав голоса на площадке.

Дверь распахнулась, с шумом и гамом в квартиру ввалилась взволнованная, веселая и слегка суматошная толпа: родители Ланы, Олег, Тимка и Платон, который подгадал свое возвращение с тренировки к приезду бабушки с бабушкой.

Конечно, центром внимания сейчас же стала Катерина. Все окружили ее, восхищенно ахая и пытаясь обратить на себя ее милостивое внимание.

Тимка растерянно стоял за спинами взрослых. Дед ему по дороге про какую-то необыкновенную машину рассказывал, бабушка книжку новую обещала... А только Катюку увидели - и вон чего...

Платон положил руку ему на макушку, понимающе сказал:

- Не страдай, брат. Когда ты был младенцем, вокруг тебя тоже все вертелись, как планеты вокруг солнца. Говорят, и вокруг меня такое было. Но мы этого не понимали. А потом забыли.

- Как жалко... - прошептал Тимка. - И Катюка тоже забудет?

- А мы ей расскажем, - пообещал Платон. - Вот папа мне рассказывал, что было, когда меня еще не было... Потом я тебе рассказывал, что было, когда тебя еще не было... Ты же все помнишь? И я все помню. И Катюке мы расскажем, как все было. И никто ничего не забудет. Никогда. Правильно?

- Правильно, - согласился Тимка. Напряженно подумал, посопел и решительно заявил: - А когда я вырасту, у меня будет такой лучший друг, как дядя Паша. И такая жена, как мама. И много детей. Примерно два сына и одна дочка... Тош, как ты думаешь, у меня все получится?

- Конечно, - подтвердил Платон. - Конечно, все получится. Для этого просто надо стать таким, как наш папа.

...Лана украдкой прислушивалась к разговору своих сыновей и думала: да, пусть они станут такими, как их папа. Наверное, тогда им будет не очень просто жить. Но зато у них будут настоящие друзья, настоящая любовь, настоящая жизнь... Они обязательно будут счастливыми и сумеют сделать счастливыми всех, кто будет рядом.

This file was created

with BookDesigner program  
bookdesigner@the-ebook.org  
23.12.2009

mir-knigi.org